

ЖУРНАЛ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 4, том 1, 2020

НАУЧНО–ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 2712-7516

Выходит четыре раза в год

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-78023
от 20.03.2020 г.

Подписка во всех от-
делениях связи России,
Казахстана, Украины и Бе-
лоруссии. Каталог «Пресса
России, индекс 33323.

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения
редакции журнала.
Авторские материалы
рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за
собой право производить
сокращения и редакцион-
ные изменения рукописи.
Точка зрения авторов
статей может не совпадать
с мнением редакции.

Ответственность за до-
стоверность рекламных
объявлений несут рекла-
модатели.

Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательство «Пегас»
Юридический адрес:
160033, Вологда, улица
Текстильщиков, д. 20А,
офис 1

Фактический адрес: 111033,
Москва, ул. Волочаевская,
д. 8, офис 16
тел/факс: +7-495-361-72-37
izd-pegas@yandex.ru
Адрес типографии: ООО
«Коперник35», г. Вологда,
ул. Клубова, д. 7, пом. 4

© «Издательство «Пегас»

Подписано в печать
30.11.2020
Формат 60х90/8.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10
Тираж 3000 экз.
Розничная цена: 1000 руб.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Соколов Алексей Павлович – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Заместитель председателя:

Санташов Андрей Леонидович – доктор юридических наук, доцент, профессор факультета психологии и права Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Члены редакционного совета:

Алтухов Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом территориально-отраслевого разделения труда в АПК Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства;

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;

Гриджина Александра Владимировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного управления и права Московского политехнического университета;

Дмитриев Юрий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;

Кузнецов Александр Павлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ;

Родинова Надежда Петровна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления персоналом Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);

Рыжов Игорь Викторович – доктор экономических наук, профессор, доцент кафедры экономической теории и военной экономики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;

Скаков Айдаркан Байдекович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева (Республика Казахстан);

Скрипченко Нина Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета;

Смирнов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний;

Чеботарев Станислав Стефанович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации;

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь);

Шкодинский Сергей Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

Главный редактор:

Соколов Алексей Павлович – доктор экономических наук (08.00.05), доцент (08.00.05).

JOURNAL OF APPLIED RESEARCH

№ 4, volume 1, 2020

SCIENTIFIC–PRACTICAL JOURNAL ISSN 2712-7516

It comes out 4 times a year

The magazine is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS77-78023 of 03.20.2020 Subscription in all post offices of Russia, Kazakhstan, Ukraine and Belarus The catalogue "Press of Russia", index 33323

All rights reserved. Reprint of materials only with the permission of the publisher. Copyright materials are reviewed and not returned. The editors reserve the right to The editors reserve the right to make reductions and editorial changes to the manuscript. The point of view of the authors of articles may not coincide with the opinion of the editors. Responsibility for the accuracy of advertisements lies with advertisers.

Limited Liability Company «Publishing house «Pegas» Legal address: 160033, Vologda, ul. Tekstilschikov, d. 20A, office 1 Actual address: 111033, Moscow, ul. Volochaevskaya, d. 8, office 16 tel./fax: +7-495-361-72-37 izd-pegas@yandex.ru Printing House address: LLC «Kopernik35», Vologda, ul. Klubova, d. 7, pom. 4

© «Publishing house «Pegas»

Signed to the press 30.11.2020 Format 60x90/8. Offset printing. Conv. oven I 10 Circulation 3000 экз. Retail price: 1000 rub.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Sokolov Aleksey P. – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief:

Santashov Andrey L. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology and Law, Vologda Institute of Law and Economics Federal Penitentiary Service of Russia.

Associate Editors:

Altukhov Anatoly I. – Doctor of Economic Sciences, Professor of the RAS, Head of the Department of Territorial-Branch Labor Division in Agro-industrial Complex, Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas - All-Russian Research Institute of Agricultural Economics.

Barkov Alexey V. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Gridchina Alexandra V. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public Administration and Law, Moscow Polytechnic University.

Dmitriev Yuri A. – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

Kuznetsov Alexander P. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal and Criminal Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Rodinova Nadezhda P. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Human Resource Management, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University).

Ryzhov Igor V. – Doctor of Economics, Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and War Economy, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Skakov Aydarkan B. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Penitentiary Service, Kostanay MIA Academy of the Republic of Kazakhstan named after S. Kabyibaev (the Republic of Kazakhstan).

Skripchenko Nina Y. – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Northern (Arctic) Federal University.

Smirnov Alexander M. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia.

Chebotaev Stanislav S. – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Live Safety, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Shabanov Vyacheslav B. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science, Belarusian State University.

Shkodinsky Sergey V. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Moscow Region State University.

Editor-in-Chief:

Sokolov Aleksey P. – Doctor of Economics (08.0.05), Associate Professor (08.00.05).

Научно-практический рецензируемый журнал «Журнал прикладных исследований»

«Журнал прикладных исследований» – российский теоретический и научно-практический журнал общественных наук (экономика и право). Основан в 1997 году как «Вестник Федеральной энергетической комиссии России (до 2003 года), а после как «Тарифное Регулирование и Экспертиза» (до 2020 года), а с 2020 года носит название «Журнал прикладных исследований». Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), индексируется в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (Россия), ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY (США), JOURNAL INDEX.net (США), INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL (Польша), EBSCO Publishing (США).

Основные темы публикаций:

- 08.00.00 – Экономические науки.
- 12.00.00 – Юридические науки.

Аудитория: экономисты и юристы исследователи; преподаватели и студенты вузов; аналитические и юридические подразделения крупных предприятий, корпораций и банков; руководители федеральных и региональных органов власти.

Авторы: ведущие ученые, крупнейшие представители отечественной и зарубежной экономической и правовой мысли.

Scientific-practical peer-reviewed journal «Journal of Applied Research»

«The Journal of Applied Research» – a Russian theoretical, scientific-practical journal of Social Sciences (Economics and Law). It was established in 1997 as «Vestnik of Federal Energy Commission» (until 2003), then «Tariff regulation and examination» (until 2020). Since 2020, it has been renamed as «Journal of Applied Research». The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), indexed in: Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU (Russia), ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY (USA), JOURNAL INDEX.net (USA), INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL (Poland), EBSCO Publishing (USA).

The main topics of research:

- 08.00.00 – Economic Sciences.
- 12.00.00 – Law Sciences.

Audience: researchers of economics and law; university lecturers and students; analytical and law departments of large enterprises, corporations and banks; leaders of federal and regional authorities.

Authors: leading scientists, representatives of Russian and foreign economic thought.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	6
МИТЯКОВ С. Н., МИТЯКОВ Е. С.	
Машинное обучение в задачах исследования инновационных процессов.....	6
БОИШТЯНУ Я. В., ЯШАЛОВА Н. Н.	
Возможности цифровизации в управлении предприятием.....	14
КУЗНЕЦОВ А. А.	
Использование в системе оценки деятельности органов и подразделений МВД России целевых показателей (индикаторов) состояния национальной безопасности.....	21
КОНОВАЛОВ Ю. В.	
Модель человека в организационной культуре.....	26
ГОЛОВИНСКИЙ В. В.	
Экологическая безопасность в системе экономики войскового хозяйства.....	35
ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	41
КРУГЛИКОВ Л. Л.	
Учение о составе преступления: генезис и современное состояние.....	41
ГОЛОСКОКОВ Л. В.	
Уголовное право и гибридные войны.....	52
СМИРНОВ А. М.	
Криминологическая характеристика неправомерного применения в отношении лиц, лишенных свободы, физической силы и (или) специальных средств.....	58
САНТАШОВ А. Л., ПЕТРОВА И. А., ГЕРАСИМОВА Е. В.	
Анализ показателей преступности в современной России.....	65
ТАНЦЮРА В. С., КРЫЛКОВ Д. И.	
Уголовная ответственность в сфере обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 2381 УК РФ).....	74
РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ. АННОТАЦИИ.....	78
КУЗНЕЦОВ А. П.	
Отзыв официального оппонента на диссертацию Карташова Сергея Васильевича на тему: «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».....	78
СМИРНОВ А. М.	
Рецензия на рукопись монографии: Санташова Л. Л., Санташов А. Л. Международное сотрудничество в сфере передачи осужденных для отбывания наказания в государства их гражданства. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 162 с.	84
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЖУРНАЛ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ».....	86

CONTENT

ECONOMIC RESEARCHES.....	6
MITYAKOV S. N., MITYAKOV E. S	
Machine learning in research tasks innovative processes machine learning in the tasks of researching innovative processes	6
BOISHTYANU YA. V., YASHALOVA N. N.	
Opportunities of digitalization in enterprise management	14
KUZNETSOV A. A.	
Use of target indicators (indicators) of the state of national security in the system of assessing the activities of bodies and departments of the Ministry of Internal Affairs	21
KONOVALOV YU. V.	
Human Model in Organizational Culture	26
GOLOVINSKY V. V.	
Environmental safety in the system of the economy of the military economy.....	35
LAW RESEARCHES.....	41
KRUGLIKOV L. L.	
The doctrine of the composition of the crime: genesis and current state	41
GOLOSKOKOV L. V.	
Criminal law and hybrid wars	52
SMIRNOV A. M.	
Criminological characteristics of incorrect use in respect of persons deprived of freedom, of physical force and (or) special means	58
SANTASHOV A. L., PETROVA I., GERASIMOVA E.	
Analysis of indicators of modern crime in Russia.....	65
TANTSUYA V. S., KRYLKOV D. I.	
Criminal liability in the sphere of circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and trafficking of falsified biologically active additives (article 238 ¹ of the criminal code of the Russian Federation)	74
REVIEWS. ACCOUNT. ANNOTATIONS.....	78
KUZNETSOV A. P.	
Review the official opponent to the thesis of Sergey Vasilyevich Kartashov on the topic: «Criminal liability for illegal obtaining and disclosure of information constituting commercial, tax or banking secrets», submitted for the degree of candidate of legal sciences, specialty 12.00.08 – «Criminal law and criminology; penal law»	78
SMIRNOV A. M.	
Review on the manuscript of the monograph: L. L. Santashova, A. L. Santashov. International cooperation in the sphere of transferring convicts to serve their sentences to the states of their citizenship. – Moskva: YurLitinform, 2021. – 162 p.	84
RULES FOR DESIGN, PRESENTATION AND PUBLICATION ARTICLES IN THE JOURNAL «JOURNAL OF APPLIED RESEARCH».....	88

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.475776/2712-7516_2020_4_1_6

УДК 330.47

МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЗАДАЧАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Митяков Сергей Николаевич,

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой цифровой экономики, директор института экономики и управления, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, РФ, г. Нижний Новгород, e-mail: snmit@mail.ru

Митяков Евгений Сергеевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информатики, МИРЭА – Российский технологический университет, РФ, Москва, e-mail: emityakov@gmail.com

Р е ф е р а т. Статья посвящена обзору методов машинного обучения и анализу их применимости в задачах исследования инновационных процессов. Дан анализ публикаций по использованию методов машинного обучения в экономических исследованиях. Показано, что задачи, решаемые методами машинного обучения, как правило, можно свести к одному из следующих типов: классификация, регрессия, уменьшение размерности, кластеризация и поиск аномалий. Представлены основные алгоритмы моделей машинного обучения и возможные варианты их использования в задачах исследования инновационной деятельности. Делается вывод о том, что использование инструментария машинного обучения при исследовании инновационных процессов в различных экономических системах в совокупности с традиционными методами позволит дать более комплексную оценку происходящим явлениям.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инновационные процессы; инновационное развитие; машинное обучение; искусственный интеллект; задачи машинного обучения; виды машинного обучения; алгоритмы машинного обучения.

UDC 330.47

MACHINE LEARNING IN RESEARCH TASKS INNOVATIVE PROCESSES MACHINE LEARNING IN THE TASKS OF RESEARCHING INNOVATIVE PROCESSES

Mityakov Sergey Nikolaevich,

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Economy, Director of the Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University. R. E. Alekseeva, RF, Nizhny Novgorod, e-mail: snmit@mail.ru

Mityakov Evgenii Sergeevich,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics, MIREA – Russian Technological University, Russian Federation, Moscow, e-mail: emityakov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a review of machine learning methods and an analysis of their applicability in the problems of researching innovative processes. The analysis of publications on the use of machine learning methods in economic research is given. It is shown that problems solved by machine learning methods, as a rule, can be reduced to one of the following types: classification, regression, dimensionality reduction, clustering, and anomaly search. The main algorithms of machine learning models and possible options for their use in the tasks of researching innovation are presented. It is concluded that the use of machine learning tools in the study of innovative processes in various economic systems in conjunction with traditional methods will allow for a more comprehensive assessment of the phenomena-taking place.

Key words: innovative processes; innovative development; machine learning; Artificial Intelligence; machine learning tasks; types of machine learning; machine learning algorithms.

Искусственный интеллект с каждым днем занимает все большее место в народном хозяйстве ввиду широкого спектра его применения. Методы машинного обучения как составляющая часть технологий искусственного интеллекта позволяют не просто использовать существующие алгоритмы анализа, прогнозирования и принятия решений, но и обучаться со временем решению поставленных задач в условиях изменяющихся параметров. Идея машинного обучения базируется на поиске закономерностей и принятии эффективных решений с минимальным антропогенным воздействием.

На сегодняшний день инновационные технологии искусственного интеллекта и машинного обучения выступают ключевым инструментом решения управленческих задач в разнообразных сферах народного хозяйства [10]. На наш взгляд, задача управления инновационными процессами различной иерархии здесь не является исключением. Появление новых технологических возможностей диктует имплементацию соответствующих инструментов для решения задач управления инновационной деятельностью. Наряду с традиционными методами анализа, прогнозирования и принятия решений одним из дополнительных инструментов решения названных задач выступает использование методов машинного обучения [7; 8; 15]. Ключевой проблемой их использования является непонимание лицами, принимающими реше-

ния прикладного характера, методов искусственного интеллекта и возможностей их применения в экзогенных и эндогенных инновационных процессах социоэкономической системы. Кроме того, существует проблема роста и накопления неструктурированных данных и невозможности их использования в задачах исследования инновационной деятельности. Поэтому целью данной работы является обзор применяемых на сегодняшний день базовых методов машинного обучения, которые могут быть имплементированы в задачи исследования инновационной деятельности социально-экономических систем различной иерархии.

В последние годы наблюдается рост количества научных исследований, посвященных проблемам использования технологий машинного обучения в анализе социально-экономических процессов. В работах [12; 17] приведены некоторые аспекты использования инструментария машинного обучения и оценка его воздействия на развитие экономики в целом. В работах [13; 19; 22] даны практические примеры использования методов машинного обучения в решении конкретных задач экономики, описывается связь больших данных и экономики. В статьях [14; 18; 21] показаны возможности использования инструментария машинного обучения в задачах кредитования, банковской деятельности и налогообложения. В задачах управления инновационной деятельностью техноло-

гии машинного интеллекта представлены в меньшем объеме. В научной литературе, посвященной инновационной тематике, методы машинного обучения в основном рассматриваются через призму технологических инноваций [1; 11]. В данной статье предлагается рассмотреть машинное обучение в контексте организационных инноваций, инструментов, позволяющих автоматизировать и интеллектуализировать процесс решения задач исследования инновационных процессов.

К основным преградам внедрения инструментария машинного обучения в исследование инновационной деятельности следует отнести не только финансовые издержки на инфраструктуру или отсутствие больших

данных, но и отсутствие у лиц, принимающих решения, знаний о назначении и функциональности существующих алгоритмов [6; 16].

Обратимся к классификации задач машинного обучения и возможности их использования в исследовании инновационных процессов.

Задачи, решаемые методами машинного обучения, как правило, можно свести к одной из следующих задач: классификация, регрессия, уменьшение размерности, кластеризация и поиск аномалий [7]. В таблице 1 приведен перечень задач машинного обучения с информацией о возможности их применения в контексте исследования инновационных процессов.

Таблица 1 – Задачи машинного обучения и возможность их применения в исследованиях инновационных процессов

Задача машинного обучения	Назначение	Возможность использования в исследовании инновационных процессов
Регрессия	Предсказание числовых значений признаков	– Поиск зависимостей и закономерностей у показателей инновационной деятельности; – расчет прогнозных значений у показателей инновационной деятельности; – моделирование и анализ отношений между параметрами инновационной деятельности; – оценка влияния различных параметров на результативность инновационной деятельности и др.
Классификация	Предсказание того, к какому из известных классов относится объект	– Разделение различных параметров инновационной деятельности на группы по известным признакам; – предсказание того, к какому из известных классов относится объект инновационной деятельности; – создание иерархической структуры инновационного процесса и др.
Кластеризация	Разделение большого множества объектов на кластеры – классы, внутри которых объекты похожи между собой	разделение рассматриваемых объектов на группы схожих объектов; применение к каждому кластеру своего метода анализа инновационной деятельности; выявление нетипичных объектов инновационной деятельности, которые невозможно присоединить ни к одному из кластеров и др.
Уменьшение размерности	Сведение большого числа признаков к меньшему для удобства их последующего анализа	– Построение системы показателей оценки инновационной деятельности; – исключение мультиколлинеарности, увеличение скорости анализа данных; – наглядная визуализация данных об инновационной деятельности
Поиск аномалий	Поиск редких и необычных объектов, существенно отличающихся от основной массы	– Поиск ошибок в данных об инновационной деятельности (неточности измерения и т. п.); – поиск наличия шумовых объектов инновационной деятельности (неверно классифицированных объектов); – идентификация присутствия объектов «других» выборок

Машинное обучение можно подразделить на следующие виды: обучение с учителем (supervised learning), обучение без учителя (unsupervised learning), обучение с частичным привлечением учителя (semi-

supervised learning), обучение с подкреплением (reinforcement learning), глубинное обучение (deep learning) [9].

Таблица 2 – Виды машинного обучения и возможность их применения в исследованиях инновационных процессов

Вид машинного обучения	Принцип построения модели	Возможность использования в исследовании инновационных процессов
Обучение с учителем (supervised learning)	Модель строится на основе обучающей выборки, содержащей пары «известный вход – известный выход»	– Принятие решений в области инновационной деятельности на основе априорной информации; – построение регрессионных моделей на базе ретроспективных данных; – классификация объектов инновационной деятельности на основе известных данных и др.
Обучение без учителя (unsupervised learning)	Модель строится только на известных описаниях множества объектов (обучающей выборке). Требуется обнаружить внутренние взаимосвязи, зависимости, закономерности, существующие между объектами	– Кластеризация объектов инновационной деятельности; – задача поиска ассоциативных правил (признаков, и такие значения этих признаков, которые особенно часто (неслучайно часто) встречаются в признаковых описаниях объектов) объектов инновационной деятельности и др.
Обучение с частичным привлечением учителя (semi-supervised learning)	Модель представляет из себя сочетание элементов машинного обучения без учителя и с учителем	– Задача классификации объектов инновационной деятельности; – задача кластеризации объектов инновационной деятельности; – задача построения регрессионных моделей и др.
Обучение с подкреплением (reinforcement learning)	Откликом среды на принятые решения выступают сигналы подкрепления, что позволяет назвать такую методологию частным случаем обучения с учителем, однако в роли последнего выступает среда или ее модель	– Принятие решений в области инновационной деятельности; – разработка мероприятий по оздоровлению инновационной деятельности и др.
Глубинное обучение (deep learning)	Модель может сочетать алгоритмы обучения с учителем и без учителя. Глубинное обучение предназначено для работы с большими объемами данных (Big Data)	Решение задач исследования инновационных процессов с использованием больших объемов данных (Big Data).

В терминах машинного обучения «учитель» – вмешательство человека в процесс обработки информации. В любом из рассмотренных случаев основной задачей обучения выступает анализ данных и поиск закономерностей. Ключевое отличие названных видов машинного обучения заключается в том, что при обучении с учителем существует ряд гипотез и априорной информации, которые требуется подтвердить или опровергнуть.

В таблице 2 приведены основные виды машинного обучения, а также перечень задач инновационной деятельности, которые можно решать, используя их.

В научной литературе существует множество алгоритмов машинного обучения, отличающихся по своей сложности и производительности: от линейной регрессии до глубоких нейронных сетей и ансамблей.

В общем случае процедура машинного обучения заключается в обучении целевой функции f , которая наилучшим образом соотносит входной сигнал X и выходной сигнал Y : $Y = f(X)$.

Перед непосредственным рассмотрением алгоритмов необходимо дать понятие модели машинного обучения, а также упомянуть об инструментальных проблемах, возникающих в ходе ее обучения. Модель в рамках исследуемой области можно определить как описание вероятностной и/или математической взаимосвязи, существующей между рассматриваемыми величинами [20]. К ключевым инструментальным проблемам методов машинного обучения обычно относят недообучение и переобучение моделей. В первом случае модель не работает на заданной обучающей выборке, во втором, даже при наличии хорошей точности модели, процесс плохо обобщает новые данные. Приведем наиболее популярные алгоритмы машинного обучения [15].

Линейная регрессия. Изначально метод широко использовался в статистических исследованиях для поиска взаимосвязей между факторами. Затем он был адаптирован для решения задачи прогнозирования на основе линейной линии тренда. В математической постановке линейная регрессия – это

линейное уравнение, объединяющее заданный набор входных параметров $x_1, x_2, \dots, x_n$ для поиска прогнозных значений выходного параметра y :

$$y = a_0 + a_1 x_1 + a_2 x_2 + \dots + a_n x_n,$$

где $x_1, x_2, \dots, x_n$ – набор входных параметров, y – выходные данные модели, $a_0, a_1, \dots, a_n$ – коэффициенты линейного уравнения.

Используя модель линейной регрессии, можно выявлять общие тенденции динамики инновационных показателей за определенный временной интервал. Например, можно узнать, является ли динамика инновационного процесса положительной или отрицательной в линейном приближении.

Логистическая регрессия. Данный алгоритм применяется для оценки вероятности некоторого события по значениям множества признаков. При этом вводят зависимую переменную y , которая может принимать только значения 0 или 1, и множество независимых переменных (признаков) $x_1, x_2, \dots, x_n$, на основе которых вычисляется вероятность значения зависимой переменной. В математической постановке логистическая регрессия может быть представлена следующим образом:

$$\begin{aligned} P(y=0 | x) &= f(z), \\ P(y=1 | x) &= 1 - f(z), \end{aligned}$$

где $z = a_0 + a_1 x_1 + a_2 x_2 + \dots + a_n x_n$ – вектор независимых переменных, $a_0, a_1, \dots, a_n$ – коэффициенты регрессии, $f(z)$ – логистическая функция (сигмоида):

$$f(z) = \frac{1}{1 + e^{-z}}$$

График логистической функции представлен на рис. 1.

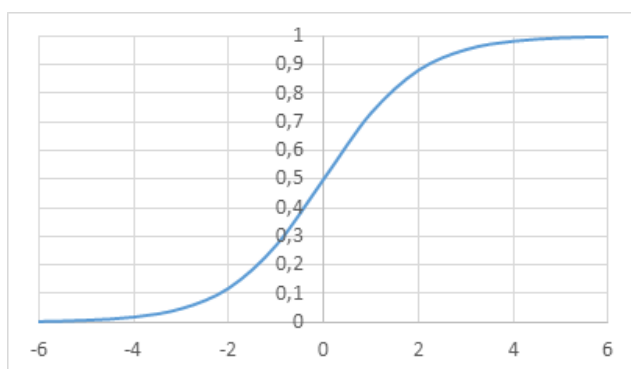

Рис. 1 – График логистической функции

В контексте исследования инновационных процессов метод логистической регрессии может быть полезен при оценке инновационности рассматриваемого объекта, то есть,

используя логистическую регрессию, по входным параметрам объекта можно с определенной вероятностью определить, является ли он инновационно активным или нет.

Метод k-ближайших соседей. Основная цель метода – классифицировать объекты на основе схожих характеристик (например, функции расстояния). Метод обучается в процессе и не нуждается в предварительной фазе обучения. Рассматриваемый объект относят к тому классу, к которому принадлежит большинство из его соседей – k-ближайших к нему объектов обучающей выборки. Несмотря на свою относительную алгоритмическую простоту, метод достаточно универсален и зачастую показывает хорошие результаты.

В задачах исследования инновационной деятельности метод может быть задействован при разработке ключевых направлений кластерной политики государства, а также методов симулирования развития инновационных кластеров и мониторинге результатов их деятельности, оценке эффективности кластера, оценке социально-экономической эффективности кластера в контексте инновационной деятельности.

Метод опорных векторов. Данный метод содержит целый набор алгоритмов, необходимых для решения задач классификации и регрессионного анализа. Алгоритм метода опорных векторов создает гиперплоскость, которая разделяет данные на классы. Когда на вход алгоритму поступают новые данные, они классифицируются в зависимости от того, с какой стороны гиперплоскости находятся. В задачах исследования инноваций метод может быть использован при построении прогнозных моделей с небольшим набором исходных данных.

Деревья решений. Деревья решений – это инструмент, который можно имплементировать для представления причинно-следственных связей. Так как одна причина может иметь несколько следствий, используется дерево для построения иерархии. В случае исследования инновационных процессов использование деревьев решений может дать, например, ответ, является ли предприятие инновационно активным или нет. Можно построить дерево решений, организовав входные данные и переменные этой модели в соответствии с некоторыми показателями инновационной деятельности. В качестве

недостатков модели следует отметить ее склонность к переобучению.

Случайный лес. Случайный лес состоит из ансамбля деревьев решений и позволяет обойти ограничения деревьев решений. В случае задачи классификации алгоритм заключается в подсчете результатов предсказания всех деревьев ансамбля и выборе класса, который набрал наибольшее количество голосов. В рамках решения задачи регрессии результаты предсказаний всех деревьев усредняются и данное значение выступает результатом прогнозирования всей модели случайного леса. В контексте исследования инноваций модель случайного леса может быть задействована в поиске зависимостей и закономерностей у показателей инновационной деятельности и разделении различных параметров инновационной деятельности на группы по известному признаку.

Искусственная нейронная сеть. Нейронные сети являются одним из самых популярных и эффективных инструментов анализа данных, который развивается благодаря исследованиям в области теории искусственного интеллекта [5]. Нейронные сети играют особое значение при исследовании закономерностей процессов, которые недоступны для прямого мониторинга и не поддаются эмпирическому исследованию [2]. Главным образом это относится к социоэкономическим процессам, закономерности которых развиваются под влиянием множества взаимозависимых параметров. При этом применение аппарата нейронных сетей оправдано не только в процессе моделирования и прогнозирования макроэкономических показателей и явлений, но и применяется на уровне отдельных организаций и экономических субъектов [3].

Таким образом, в задачах исследования инновационной деятельности аппарат искусственного нейросетевого моделирования может быть эффективно задействован для анализа и прогнозирования инновационных процессов и явлений на различных иерархических уровнях народного хозяйства.

Метод k-средних. Цель алгоритма – маркировать входные данные в соответствии с их сходством. Процедура кластеризации происходит по мере работы алгоритма. Он стремится минимизировать суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от их центров:

$$V = \sum_{i=1}^k \sum_{x \in S_i} (x - \mu_i)^2 \rightarrow \min,$$

где k – количество кластеров, S_i – полученные кластеры (i, k) , μ_i – центры масс векторов x из кластера S_i .

Метод k -средних относится к алгоритмам кластеризации и может быть использован в задачах разделения рассматриваемых объектов инновационной деятельности на группы схожих объектов и выявления нетипичных объектов инновационной деятельности, которые невозможно присоединить ни к одному из кластеров и др.

Наивный байесовский алгоритм. Наивные байесовские классификаторы – это простые вероятностные классификаторы. Алгоритм предполагает, что рассматриваемые события являются независимыми, что в значительной степени упрощает вычисления. В задачах исследования инновационной деятельности классификаторы могут быть задействованы при принятии решений в условиях неопределенности. Кроме этого, наивный байесовский алгоритм можно использовать для поиска простых взаимосвязей между различными признаками объектов, когда данных мало.

Завершая краткий обзор видов, методов и задач машинного обучения, а также анализ их имплементации в вопросах исследования инновационной деятельности, можно сделать следующие выводы.

В современных реалиях цифровизации общества инструментарий машинного обучения в задачах анализа инновационной деятельности пока не получил обширного применения. Тем не менее, на наш взгляд, инкорпорирование подобного рода инструментария в решение названных задач в ближайшее время неизбежно. Это прежде всего связано со значительным ростом информации и необходимости анализа больших данных.

Целью данной работы был обзор применяемых на сегодняшний день базовых методов машинного обучения, которые могут быть имплементированы в задачи исследования инновационной деятельности социально-экономических систем различной иерархии. В рамках статьи не рассматривалось все множество алгоритмов машинного обучения по причине обширности исследуемой

области. Необходимо подчеркнуть высокий потенциал глубинного обучения (композиция нейронных сетей) и обучения с подкреплением (Reinforcement Learning). Данные технологии сегодня активно задействованы в реализации программ умных городов в ряде развитых и развивающихся стран.

В целом охарактеризованные выше алгоритмы машинного обучения наряду с традиционными методами выступают надежными прикладными инструментами исследования инновационных процессов, так как анализ актуальной информации составляет фундамент для принятия обоснованных решений.

Список литературы:

1. **Иванов, А. А.** Искусственный интеллект как основа инновационных преобразований в технике, экономике, бизнесе / А. А. Иванов, Л. И. Рожкова // Известия СПбГЭУ. – 2018. – № 3 (111). – С. 112–115.
2. **Кульневич, А. Д.** Введение в нейронные сети / А. Д. Кульневич // Молодой ученый. – 2017. – № 8. – С. 31–36.
3. **Курников, Д. С.** Использование нейронных сетей в экономике / Д. С. Курников, С. А. Петров // Технические науки. – 2017. – № 6. – С. 10–12.
4. **Сейдаметова, З. С.** Экономика и машинное обучение / З. С. Сейдаметова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2019. – № 1 (63). – С. 167–171.
5. **Терехов, В. И.** Методика подготовки данных для обработки импульсными нейронными сетями / В. И. Терехов, Р. В. Жуков // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. – 2017. – № 2. – С. 31–36.
6. **Тищенко, С. А.** Методы машинного обучения в малом бизнесе: содержание и управление / С. А. Тищенко, М. А. Шахмурадян // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2019. – № 6. – С. 83–95.
7. **Флах, П.** Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / П. Флах. – Москва : ДМК Пресс, 2015. – 400 с.
8. **Чио, К.** Машинное обучение и безопасность / К. Чио, Д. Фримэн; пер. с англ. А. В. Сиастина. – Москва : ДМК Пресс, 2020. – 388 с.
9. Что такое машинное обучение? Методы, типы, задачи и примеры машинного обучения. – URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/mashinnoe-obuchenie-metody-tipy/> (дата обращения: 01.09.2020).
10. **Шамин, Р. В.** Машинное обучение в задачах экономики / Р. В. Шамин. – Москва : Грин Принт, 2019. – 140 с.
11. **Щурина, С. В.** Искусственный интеллект как технологическая инновация для ускорения развития экономики / С. В. Щурина, А. С. Данилов // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 12(3). – С. 125–133.
12. **Athey, S.** The impact of machine learning on economics / S. Athey // The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda, 2018. University of Chicago Press. – URL: <https://www.nber.org/chapters/c14009.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).
13. **Athey, S.** Lectures on Machine Learning / S. Athey, G. Imbens. – 2015. – URL: <https://goo.gl/VJvafM> (дата обращения: 01.09.2020).
14. **Chakraborty C.** Machine learning at central banks / C. Chakraborty, A. Joseph // Bank of England. Working Paper. – 2017. – № 674, September 1. – 89 p.
15. **Hastie, T.** The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction / T. Hastie, R. Tibshirani, J. Friedman. – 2nd ed. – Springer-Verlag, 2009.
16. Leaders look to embrace AI, and high-growth companies are seeing the benefits. – URL: <https://news.microsoft.com/europe/features/leaders-look-to-embrace-ai-and-high-growth-companies-are-seeing-the-benefits/> (дата обращения: 10.03.2019).
17. Machine learning and economics. – URL: <https://goo.gl/n7uYVV> (дата обращения: 01.09.2020).
18. Machine learning in the service of policy targeting: the case of public credit guarantees / M. Andini, M. Boldrini, E. Ciani, G. de Blasio, A. D'Ignazio, A. Paladini // Bank of Italy, Economic Research and International Relations Area. Research paper. – 2019. – № 1206. – 83 p.
19. **Mullainathan S.** Machine learning: an applied econometric approach / S. Mullainathan, J. Spiess // Journal of Economic Perspectives. – 2017. – № 31 (2). – P. 87–106.
20. **Provost F.** Data Science for Business / F. Provost, T. Fawcett. – Sebastopol: O'Reilly Media, Inc., 2013.
21. Targeting with machine learning: An application to a tax rebate program in Italy / M. Andini, E. Ciani, G. de Blasio, A. D'Ignazio, V. Salvestrini // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2018. – № 156. – P. 86–102.
22. **Webb, G. I.** Machine learning for user modeling / G. I. Webb, M. J. Pazzani, D. Billsus // User modeling and user-adapted interaction. – 2001. – № 11 (1–2). – P. 19–29.

References:

1. **Ivanov, A. A.** Iskusstvennyy intellekt kak osnova innovatsionnykh preobrazovaniy v tekhnike, ekonomike, biznese / A. A. Ivanov, L. I. Rozhkova // Izvestiya SPbGEU. – 2018. – №3 (111). – S. 112–115.
2. **Kul'nevich, A. D.** Vvedenie v nejronnye seti / A. D. Kul'nevich // Molodoj uchenyj. – 2017. – № 8. – S. 31–36.
3. **Kurnikov, D. S.** Ispolzovanie nejronnykh setej v ekonomike / D. S. Kurnikov, S. A. Petrov // Tekhnicheskie nauki. – 2017. – № 6. – С. 10–12.

4. Sejdametova, Z. S. *Ekonomika i mashinnoe obuchenie* / Z. S. Sejdametova // *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*. – 2019. – № 1 (63). – S. 167–171.
5. Terekhov, V. I. *Metodika podgotovki dannyh dlya obrabotki impul'snymi neyronnymi setyami* / V. I. Terekhov, R. V. Zhukov // *Nejrokompyutery: razrabotka, primeneniye*. – 2017. – № 2. – S. 31–36.
6. Tishchenko, S. A. *Metody mashinnogo obucheniya v malom biznese: soderzhanie i upravleniye* / S. A. Tishchenko, M. A. Shahmuradyan // *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. – 2019. – № 6. – S. 83–95.
7. Flah, P. *Mashinnoe obuchenie. Nauka i iskusstvo postroyeniya algoritmov, kotorye izvlekayut znaniya iz dannyh* / P. Flah. – Moskva : DMK Press, 2015. – 400 s.
8. Chio, K. *Mashinnoe obucheniye i bezopasnost'* / K. Chio, D. Frimen; per. s angl. A. V. Siastina. – Moskva : DMK Press, 2020. – 388 s.
9. *CHto takoe mashinnoe obucheniye? Metody, tipy, zadachi i primery mashinnogo obucheniya*. – URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/mashinnoe-obucheniye-metody-tipy/> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
10. SHamin, R. V. *Mashinnoe obucheniye v zadachah ekonomiki* / R. V. SHamin. – Moskva : Grin Print, 2019. – 140 s.
11. SHCHurina, S. V. *Iskusstvennyy intellekt kak tekhnologicheskaya innovatsiya dlya uskoreniya razvitiya ekonomiki* / S. V. SHCHurina, A. S. Danilov // *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. – 2019. – № 12(3). – S. 125–133.
12. Athey, S. *The impact of machine learning on economics* / S. Athey // *The Economics of Artificial Intelligence: An Agenda*, 2018. University of Chicago Press. – URL: <https://www.nber.org/chapters/c14009.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
13. Athey, S. *Lectures on Machine Learning* / S. Athey, G. Imbens. – 2015. – URL: <https://goo.gl/VJvafM> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
14. Chakraborty C. *Machine learning at central banks* / C. Chakraborty, A. Joseph // Bank of England. Working Paper. – 2017. – № 674, September 1. – 89 p.
15. Hastie, T. *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction* / T. Hastie, R. Tibshirani, J. Friedman. – 2nd ed. – Springer-Verlag, 2009.
16. *Leaders look to embrace AI, and high-growth companies are seeing the benefits*. – URL: <https://news.microsoft.com/europe/features/leaders-look-to-embrace-ai-and-high-growth-companies-are-seeing-the-benefits/> (data obrashcheniya: 10.03.2019).
17. *Machine learning and economics*. – URL: <https://goo.gl/n7uYVV> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
18. *Machine learning in the service of policy targeting: the case of public credit guarantees* / M. Andini, M. Boldrini, E. Ciani, G. de Blasio, A. D'Ignazio, A. Paladini // Bank of Italy, Economic Research and International Relations Area. Research paper. – 2019. – № 1206. – 83 p.
19. Mullainathan S. *Machine learning: an applied econometric approach* / S. Mullainathan, J. Spiess // *Journal of Economic Perspectives*. – 2017. – № 31 (2). – P. 87–106.
20. Provost F., Fawcett T. *Data Science for Business* / F. Provost, T. Fawcett. – Sebastopol: O'Reilly Media, Inc., 2013.
21. *Targeting with machine learning: An application to a tax rebate program in Italy* / M. Andini, E. Ciani, G. de Blasio, A. D'Ignazio, V. Salvestrini // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 2018. – № 156. – P. 86–102.
22. Webb, G. I. *Machine learning for user modeling* / G. I. Webb, M. J. Pazzani, D. Billsus // *User modeling and user-adapted interaction*. – 2001. – № 11 (1–2). – P. 19–29.

ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Боиштяну Яна Вадимовна,

магистрант программы «Экономика фирмы», Череповецкий государственный университет, РФ, г. Череповец, e-mail: boishtyanu_yana@mail.ru

Яшалова Наталья Николаевна,

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления, Череповецкий государственный университет, РФ, г. Череповец, e-mail: natalij2005@mail.ru

Р е ф е р а т. В статье рассматривается роль цифровизации в деятельности предприятий. Цифровые технологии предоставляют новые возможности хозяйствующим субъектам, среди которых разработка и внедрение инноваций на предприятиях. В работе подробно представлены приоритетные направления цифровой трансформации процессов на предприятии, такие как: цифровизация бизнес-процессов; управление на основе данных; управление клиентским опытом; управление ценностью продуктов и услуг; цифровая инфраструктура и технологии; цифровые партнерства; цифровая культура и компетенции; разработка инноваций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : предприятие; цифровизация; цифровая экономика; цифровые технологии; инновации.

UDC 338.3

OPPORTUNITIES OF DIGITALIZATION IN ENTERPRISE MANAGEMENT

Boishtyanu Yana Vadimovna,

Master's student of the program "Economics of the Company", Cherepovets State University, RF, Cherepovets, e-mail: boishtyanu_yana@mail.ru

Yashalova Natalya Nikolaevna,

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management, Cherepovets State University, RF, Cherepovets, e-mail: natalij2005@mail.ru

A b s t r a c t. The article examines the role of digitalization in the activities of enterprises. Digital technologies provide new opportunities for business entities, including the development and implementation of innovations at enterprises. The paper presents in detail the priority areas of digital transformation of enterprise processes, such as: digitalization of business processes; data-driven management; customer experience management; product and service value management; digital infrastructure and technology; digital partnerships; digital culture and competencies; development of innovations.

K e y w o r d s : enterprise; digitalization; digital economy; digital technologies; innovation.

В условиях цифровой эпохи активно происходит включение информационных технологий во многие сферы жизни общества, включая экономическую. Процесс внедрения таких технологий в бизнес-процессы хозяйствующих субъектов называют цифровой трансформацией, которая связана не только

с обновлением информационно-коммуникационных и цифровых технологий, но и существенными изменениями в управлении компанией и ее корпоративной культурой.

Современные предприятия находят применение цифровым технологиям во сферах своей деятельности: производстве, логи-

стике, делопроизводстве, реализации продукции и др. Цифровизация этих процессов способствует наращиванию производительности труда, увеличению объемов заказов, повышению качества изготавливаемой продукции или оказываемых услуг, обеспечению промышленной безопасности и надежности оборудования на производстве и т. д. В целом, переход предприятий к цифровым технологиям позволит им в перспективе более эффективно и своевременно решать любые сложные задачи.

Цифровая трансформация всех видов экономической деятельности в Российской

Федерации является в настоящее время приоритетным направлением. С целью ускорения цифровизации в экономической и социальной жизни общества в 2019 г. была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], основной целью которой является увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников к 2024 г. не менее, чем в три раза по сравнению с 2017 г. Данная программа включает в себя несколько федеральных проектов, цели которых представлены в таблице.

Таблица – Цели федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»

Название проекта	Цель
1. Нормативное регулирование цифровой среды	Создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий
2. Информационная инфраструктура	Создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок
3. Кадры для цифровой экономики	Обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики
4. Информационная безопасность	Обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства
5. Цифровые технологии	Создание «сквозных» цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок. Создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития. Преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений
6. Цифровое государственное управление	Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей. Разработка и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики государств – членов Евразийского экономического союза при реализации планов в области развития цифровой экономики

Каждый федеральный проект включает в себя комплекс мероприятий, направленных на преобразование экономики и социальной сферы. Эффективность реализации программы производится на основе расчета целевых и дополнительных показателей национального проекта. К таким показателям относятся: доля внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников в валовом внутреннем продукте страны, доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети «Интернет», доля Российской Федерации в мировом объеме оказания услуг по хранению и обработке данных и др.

Финансовое обеспечение национально-го проекта включает источники финансирования из федерального бюджета, бюджета государственных внебюджетных фондов, консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации и других внебюджетных источников. На рисунке представлен объем финансового обеспечения национального проекта в 2019–2024 гг.

Рисунок – Объем финансового обеспечения национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2019–2024 гг. (в млн руб.)

Данные свидетельствуют, что проект «Информационная инфраструктура» требует наибольшего количества денежных средств для его реализации. Это связано с тем, что в качестве мероприятий выбраны создание телекоммуникационной инфраструктуры магистральных каналов связи на определенных территориях, системы контроля предоставления услуг связи для социально значимых объектов, развитие узкополосных беспроводных сетей связи «Интернета вещей» на территории Российской Федерации и других направлений развития инфраструктуры сети Интернет, требующих больших финансовых вложений.

Помимо этого, особое внимание уделяется развитию цифровых технологий на базе приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, в том числе и промышленности. Проект уделяет внимание поддержке инициатив российских организаций по разработке цифровых технологий, продуктов, сервисов и платформенных решений в целях создания и развития производства высокотехнологичной промышленной продукции.

В настоящее время выделяют следующие направления цифровой трансформации экономики: цифровизация бизнес-процессов; управление на основе данных; управление клиентским опытом; управление ценностью продуктов и услуг; цифровая инфраструктура и технологии; цифровые партнерства; цифровая культура и компетенции; разработка инноваций [4]. Остановимся на них более подробно.

Важным направлением развития цифровой трансформации на предприятии является цифровизация бизнес-процессов. Она подразумевает использование различных цифровых решений для их автоматизации, которые повышают эффективность и управляемость всей цепочки операционной деятельности организации. С целью совершенствования бизнес-процессов на предприятиях эффективно применяются методы процессной аналитики (process mining), которые включают:

- автоматическое обнаружение процессов за счет извлечения информации из журналов событий;
- поиск узких мест в бизнес-процессах;
- мониторинг отклонения соответствий между моделями бизнес-процессов и журналов событий;
- поиск коротких путей выполнения бизнес-процессов;
- построение имитационных моделей для целей прогнозирования проблем бизнес-процессов [1].

Методы процессной аналитики используются для сравнительного анализа установленных рамок процессов и их реальной реализации.

Помимо этого, эффективная цифровизация бизнес-процессов зависит от грамотно выстроенной системы управления проектами. Выделяют гибкие методологии, каскадную реализацию проекта, аморфную систему управления и авторитарную систему. В настоящее время большинство предприятий

предпочитают проектные (гибкие) методы управления: Scrum, Kanban, Lean и Six Sigma. Некоторые компании не только эффективно применяют разные методы управления, но и разрабатывают на их основе собственные схемы работы.

Следующим направлением цифровой трансформации является управление на основе данных, которое позволяет принимать стратегические решения, повышать эффективность операционной деятельности и совершенствовать продукцию и услуги. В основном компании используют данные с целью качественной интерпретации на основе глубокой аналитики (data-driven management). Data-driven-менеджмент – это инструмент, включающий методологию принятия стратегических решений на основе данных с интеграцией аналитических отчетов в ключевые бизнес-процессы компании. Он основывается на выявлении новых резервов для развития промышленных комплексов, сокращении транзакционных издержек, выстраивании политики взаимодействия с клиентами и т. д. [3; 4]. Стоит отметить, что внедрение данного инструмента на предприятии требует соблюдения определенных шагов.

Во-первых, необходимо оценить текущую систему работы с данными с целью формирования будущей модели работы, к которой необходимо перейти. Во-вторых, требуется создание определенной культуры работы с данными, формирование ценностей среди сотрудников предприятия. В-третьих, подготовка компетентных кадров в данной сфере, обучение персонала или привлечение новых специалистов. В-четвертых, создание единой цифровой системы хранения данных, например Enterprise Data Warehouse (корпоративное хранилище данных) или Data lake (озеро данных). Таким образом, управление на основе данных помогает организации быстрее принимать решения при анализе существующей информации и занимать более выгодную позицию при любых внешних обстоятельствах.

Далее рассмотрим направление, связанное с управлением клиентским опытом. В условиях развития информационных каналов взаимодействия с потребителями многие компании уделяют особое внимание работе с клиентским опытом. Это связано с тем, что цифровые инструменты помогают быстро

анализировать клиентское поведение, расширить возможности для персонализации продукции, а также оперативно вносить изменения как в сервис, так и продукты.

Управление клиентским опытом включает процесс взаимодействия клиента с продавцом или производителем. При этом организации анализируют карты путешествия потребителей, то есть рассматривают их путь от момента возникновения и осознания проблемы до покупки продукта и постпродажного взаимодействия с производителем или продавцом [4]. Результатом цикла путешествия и является клиентский опыт. Основными цифровыми инструментами являются социальные сети, мессенджеры, электронная почта, вебсайты, колл-центры, смс-сообщения, мобильные предложения и т. д.

Благодаря клиентоориентированности эффективно решаются следующие задачи: увеличивается прибыль на клиентском сервисе; растет количество потребителей; возрастает лояльность к предоставляемой продукции или услуге; повышается качество повторных услуг; сокращаются затраты на привлечение клиентов и т. д.

Следующим направлением цифровой трансформации является управление ценностью продуктов и услуг. Формирование ценности представляет собой процесс создания продуктов и услуг с учетом потребительских предпочтений и интересов компании. Оно основывается на анализе цепочки создания ценности – системе взаимосвязанных видов деятельности, которые возникают в результате влияния методов одной деятельности на другую.

С развитием интернет-площадок все чаще предприятия выбирают цифровые формы взаимодействия с потенциальными клиентами. Благодаря данным инструментам, производитель имеет возможность измерить степень удовлетворенности потребителей в режиме реального времени, оперативно получать обратную связь и взаимодействовать с клиентами круглосуточно. Кроме этого, сами покупатели все чаще отдают предпочтение компаниям, имеющим цифровые сервисы. Это позволяет увеличить скорость обработки запросов покупателей и снизить затраты на управление ценностью продуктов и услуг. Стоит заметить, что создание нового подхода для управления ценностью про-

дуктов и услуг требует структурного изменения компании. Для понимания проблематики определенной части продукта или услуги с точки зрения клиентов, создаются «продуктовые команды».

Далее рассмотрим направление «Цифровая инфраструктура», которое является одним из основных в цифровой трансформации и требует не только значительных финансовых вложений, но и наличия определенной системы по ее созданию. Цифровая инфраструктура представляет собой комплекс цифровых технологий и инструментов, которые обеспечивают вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности [5]. Выделяют четыре элемента цифровой инфраструктуры: телекоммуникационные сети, общество, электронный бизнес и электронная коммерция. Телекоммуникация обеспечивает передачу данных между людьми, а также между пользователями цифровых устройств и машинами. В электронном бизнесе заменяются бумажные документы на электронные и основная информация передается через различные средства связи. Электронная коммерция предполагает ведение основной деятельности через Интернет, при этом целью продажи выступает как реальный, так и цифровой продукт.

На современном этапе цифровая инфраструктура в Российской Федерации имеет низкий уровень зрелости. Связано это с тем, что большинство компаний имеет цифровую инфраструктуру в виде несвязных элементов. Следовательно, основной задачей цифровой трансформации предприятий является создание интегрированной инфраструктуры, позволяющей автоматизировать и построить сложные цифровые системы. Позже следует построить цифровую модель компании с целью развития бизнеса и повышения эффективности системы на основе применения инструментов по самокоррекции. Полностью зрелая цифровая инфраструктура представляет собой открытый интерфейс для взаимодействия с внешними источниками данных и совершенствования продукции в рамках цифрового партнерства.

Цифровая инфраструктура предполагает внедрение различных цифровых технологий: Data Science (Big Data), Интернет вещей (IoT), роботизацию процессов (RPA), компьютерное зрение и распознавание, дополненную

и виртуальную реальность (AR/VR), искусственный интеллект (Machine Learning, нейросети), биометрию, роботы (механические), беспилотные транспортные средства (авто, беспилотный летательный аппарат), квантовые вычисления и др.

Для промышленного производства наиболее востребованными направлениями являются Data Science (Big Data), промышленный Интернет вещей (IoT), компьютерное зрение и распознавание, искусственный интеллект (Machine Learning, нейросети). Технология Big Data предполагает анализ и хранение большого количества структурированных данных, а также сбор и использование неструктурированных данных. Данный инструмент способен хранить внушительный объем достоверной информации и с большой скоростью ее обрабатывать, что является огромным преимуществом для любой компании. Для анализа массивов данных используют определенные методы, среди которых многомерный анализ, регрессия, классификация, кластеризация, поиск закономерностей, A/B тестирование, краудсорсинг, смешение и интеграция данных, машинное обучение, генетические алгоритмы, оптимизация, визуализация аналитических данных и т. д. [2].

Промышленный Интернет вещей активно внедряется в различные сектора экономики посредством использования взаимосвязанных вычислительных приборов и датчиков. Основной целью данного инструмента является замена линейного производства на взаимосвязанную цифровую сеть снабжения, благодаря которой производство станет безопаснее для людей, а компания сократит расходы и увеличит прибыль.

Компьютерное зрение позволяет с помощью специальных технологий распознавать движение, отслеживать и классифицировать определенные объекты. Данная система способна различать и анализировать не только образы, но и лица и эмоции людей. Внедрение компьютерного зрения на производстве дает возможность уменьшить количество бракованной продукции, сократить время на обслуживание клиента и предложить персональные услуги, усовершенствовать систему безопасности и т. д.

Искусственный интеллект – это определенная цифровая система, которая способна выполнять ряд задач, характерных для

человека. Большинство организационных и управленческих процессов на производстве происходят благодаря активному вмешательству человека. Управленческие решения, как правило, носят субъективный характер и зависят от квалификации человека и его опыта. При отсутствии необходимых компетенций у сотрудников могут возникать определенные трудности, влияющие на эффективность деятельности компании. Именно поэтому искусственный интеллект на основе математической зависимости и прошлого опыта деятельности выбирает оптимальное решение в оперативном управлении и планировании производства. Стоит отметить, что наиболее востребованными методами искусственного интеллекта являются нейронные сети и генетические алгоритмы, которые применяются для решения оптимальных задач.

Еще одним направлением цифровой трансформации является цифровое партнерство, которое позволяет сэкономить время и денежные ресурсы на создание собственной информационной структуры и быстрее запустить продукт или услугу на рынок. При этом стоит отметить, что цифровое партнерство имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, к положительным эффектам можно отнести возможность реализации краткосрочных стратегий, быстрое масштабирование, совмещение клиентских аудиторий и кросс-продажи и т. д., а к отрицательным – риск внезапного прекращения сотрудничества, разные культуры управления с партнером, конфликт интересов, утечка данных и др. Таким образом, при желании создать партнерские отношения необходимо учитывать все риски.

Важным элементом цифровой трансформации на предприятии является цифровая культура и компетенции. Цифровая культура (digital culture) – это система компетенций и ценностей, характеризующих использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности. Некоторые компании, имея детальную стратегию внедрения цифровой трансформации, сталкиваются с трудностями ее реализации. В большинстве случаев причиной является недостаток необходимых компетенций у сотрудников и неэффективная корпоративная культура.

Самыми востребованными навыками цифровой культуры являются аналитика и работа с данными, управление процессами и проектами, коммуникабельность, креативное мышление, умение работать с цифровыми методами и инструментами и т. д. В целом можно выделить следующие ценности цифровой культуры: знания цифровых технологий; технологическая адаптивность; цифровое мышление; работа с данными; коммуникация; этика; цифровая безопасность. Для совершенствования цифровой культуры предприятия со стороны руководства необходимо создание образовательных программ для сотрудников в сфере цифровизации либо привлечение необходимых специалистов, обучающих в данных направлениях.

И последнее направление, которое необходимо рассмотреть в рамках настоящей статьи, – разработка инноваций. Благодаря инновациям происходит развитие человеческой цивилизации. В настоящее время инновационная деятельность стала определяющим фактором конкурентоспособности предприятий на рынке. При этом большое значение приобретают отрасли в сфере информационных технологий. Ведь благодаря информационным платформам компании быстрее и дешевле тестируют новые продукты и услуги. Внедрение инноваций на производстве требует системного подхода, то есть непрерывной работы по поиску гипотез и возможностей, благодаря которым возникают уникальные решения, позволяющие компаниям быть лидерами своих отраслей.

Существуют два способа внедрения инноваций: копирование лучших практик у других компаний и внедрение инноваций на основе собственного опыта и идей. Основными приемами для создания инноваций являются сотрудничество с партнерами, развитие внутренних стартапов, покупка и поглощение компаний и технологий, акселерация внешних стартапов и т. д. В качестве партнера могут использоваться как технические платформы, так и консалтинговые компании, которые разрабатывают концепции и бизнес-модели.

Таким образом, основными результатами цифровой трансформации хозяйствующих субъектов являются наращивание прибыли, сокращение издержек, повышение конку-

рентоспособности, увеличение способности адаптации к изменяющимся условиям и др. При этом грамотно организованная работа по внедрению цифровизации на предприятии позволит достичь результатов по не-

скольким направлениям одновременно. Эффективность внедрения данной системы во многом будет зависеть от согласованности стратегических процессов и компетенций сотрудников.

Список литературы: _____

1. **Абдулаев, И.** Повышение операционной эффективности организации с применением инструментов и методов Process Mining / И. Абдулаев // Стратегии бизнеса. – 2019. – № 4. – С. 3–10.
2. **Величко, Н. А.** Технология Big Data. Анализ рынка Big Data / Н. А. Величко, И. П. Митрейкин // Синергия Наук. – 2018. – № 30. – С. 937–943.
3. **Днепровская, Н. В.** Исследование перехода предприятия к цифровой экономике / Н. В. Днепровская // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2019. – № 4. – С. 54–65.
4. Как проходит цифровая трансформация в России: результаты исследования KMDA. – URL: <https://netology.ru/blog/07-2020-digital-transformatsiya-v-rossii> (дата обращения: 01.09.2020).
5. **Кудряшов, А. А.** Инфраструктура цифровой экономики / А. А. Кудряшов, А. И. Шолина // Актуальные вопросы современной экономики. – 2018. – № 5. – С. 25–32.
6. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

References: _____

1. Abdulaev, I. Povyshenie operacionnoj effektivnosti organizacii s primeneniem instrumentov i metodov Process Mining / I. Abdulaev // Strategii biznesa. – 2019. – № 4. – S. 3–10.
2. Velichko, N. A. Tekhnologiya Big Data. Analiz rynka Big Data / N. A. Velichko, I. P. Mit-rejkin // Sinergiya Nauk. – 2018. – № 30. – S. 937–943.
3. Dneprovskaya, N. V. Issledovanie perekhoda predpriyatiya k cifrovoj ekonomike / N. V. Dneprovskaya // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova. – 2019. – № 4. – S. 54–65.
4. Kak prohodit cifrovaya transformaciya v Rossii: rezul'taty issledovaniya KMDA. – URL: <https://netology.ru/blog/07-2020-digital-transformatsiya-v-rossii> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
5. Kudryashov, A. A. Infrastruktura cifrovoj ekonomiki / A. A. Kudryashov, A. I. SHolina // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. – 2018. – № 5. – S. 25–32.
6. Pasport nacional'nogo proekta «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii». – URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (data obrashcheniya: 01.09.2020).

DOI 10.475776/2712-7516_2020_4_1_21

УДК 351.74

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ИНДИКАТОРОВ) СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кузнецов Алексей Александрович,

старший инспектор по особым поручениям, Организационно-аналитический департамент МВД России, РФ, г. Москва, e-mail: stalk554@yandex.ru

Р е ф е р а т. Ключевым инструментом организации работы федеральных органов исполнительной власти и их бюджетного финансирования являются государственные программы Российской Федерации, основанные на применении программно-целевого подхода, который заключается в том, что основным форматом всех бюджетов страны является программная структура расходов с сохранением ведомственной структуры расходов бюджета, при этом объекты управления ориентированы на решение определенной проблемы, развитие той или иной отрасли или региона в заранее установленные сроки. В статье проведен анализ реализации государственных программ, в том числе с участием МВД России, рассмотрены применяемые в них показатели (индикаторы), непосредственно связанные с деятельностью органов внутренних дел, сделан вывод о взаимосвязи показателей ведомственной системы оценки с теми критериями, которые определены в качестве целевых в документах стратегического управления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ведомственная система оценки; государственные программы; национальная безопасность; органы и подразделения МВД России; целевые показатели (индикаторы) в документах стратегического управления.

UDC 351.74

USE OF TARGET INDICATORS (INDICATORS) OF THE STATE OF NATIONAL SECURITY IN THE SYSTEM OF ASSESSING THE ACTIVITIES OF BODIES AND DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Kuznetsov Aleksey Alexeyevich

Senior Inspector for Special Assignments, Organizational and Analytical Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, RF, Moscow, e-mail: stalk554@yandex.ru

A b s t r a c t. The key tool for organizing the work of federal executive bodies and their budgetary financing is the state programs of the Russian Federation, based on the application of the program-target approach, which is that the main format of all the country's budgets is the programmed structure of expenditures while maintaining the departmental structure of budget expenditures, while management objects are focused on solving a specific problem, developing a particular industry or region within a predetermined time frame. The article analyzes the implementation of state programs, including with the participation of the Ministry of Internal Affairs of Russia, considers the indicators (indicators) used in them that are directly related to the activities of the internal affairs bodies, and draws a conclusion about the relationship of indicators of the departmental assessment system with those criteria that are defined as target in strategic management documents.

Key words: departmental assessment system; government programs; National security; bodies and divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia; target indicators (indicators) in strategic management documents.

Изучение документов стратегического планирования [5], составляющих основу современной системы государственного управ-

ления Российской Федерации, показало, что ключевым инструментом организации работы федеральных органов исполнительной

власти и их бюджетного финансирования являются государственные программы Российской Федерации, основанные на применении программно-целевого подхода. Его суть состоит в том, что «основным форматом всех бюджетов Российской Федерации является программная структура расходов с сохранением ведомственной структуры расходов бюджета» [2, с. 41]. При этом объекты управления ориентированы на достижение конкретного результата в решении определенной проблемы, развитии той или иной отрасли или региона в заранее установленные сроки.

В настоящее время в Российской Федерации реализуются 44 госпрограммы, еще одна находится в стадии разработки («Обеспечение защиты личности, общества и государства»). По двум действующим госпрограммам МВД России является ответственным исполнителем:

1) «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [8];

2) «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» [7].

Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» содержит 30 индикаторов, отражающих ход ее реализации. В 2019 г. в нее была включена подпрограмма «Повышение безопасности дорожного движения», которая ранее имела статус самостоятельной федеральной целевой программы. Для оценки эффективности реализации мероприятий данной подпрограммы предусмотрено три показателя: количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях человек на 100 тысяч населения; число пешеходов, погибших в дорожно-транспортных происшествиях; число детей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях.

Паспорт госпрограммы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» не содержит конкретных целевых показателей (индикаторов). Однако в качестве таковых могут рассматриваться следующие ожидаемые результаты: исключение фактов гибели и причинения телесного повреждения или иного вреда здоровью; исключение фактов

уничтожения (повреждения) имущества защищаемых лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве.

МВД России является также соисполнителем по пяти государственным программам:

– «Информационное общество» (в части организации работы ведомственного сегмента государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения, содержащих электронный носитель информации);

– «Социальная поддержка граждан» (выплата пособий и компенсаций сотрудникам органов внутренних дел, лицам, уволенным со службы в органах внутренних дел (военной службы), членам их семей и лицам, состоящим на пенсионном обеспечении органов внутренних дел);

– «Космическая деятельность России» (создание прикладных систем и средств с использованием системы ГЛОНАСС для нужд МВД России);

– «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (в части обеспечения жильем федеральных государственных гражданских служащих путем предоставления единовременной субсидии на приобретение жилого помещения);

– «Реализация государственной национальной политики» (мероприятия по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов; финансирование проживания и питания в центрах временного размещения беженцев и лиц, ходатайствующих о признании их беженцами, а также вынужденных переселенцев, их медицинского освидетельствования, оказания услуг переводчиков).

Кроме того, две государственные программы, в которых участие МВД России формально не предусмотрено, содержат показатели, непосредственно связанные с деятельностью органов внутренних дел:

– подпрограмма «Российское казачество» государственной программы «Реализация государственной национальной политики» (количество членов казачьих обществ, привлеченных к несению государственной и иной службы);

– государственная программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя» (количество введенных стационарных постов органов внутрен-

них дел на транспортном переходе через Керченский пролив (годовой ввод)).

Для исполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3] Правительством Российской Федерации утверждены 12 национальных проектов (программ), совокупное число критериев по которым (с планируемой индикативностью) составляет 113. Паспорта национальных проектов (программ) утверждены протоколом Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16. Составной частью паспортов являются 67 федеральных проектов, направленных на достижение целей, результатов и показателей национальных проектов.

В настоящее время абсолютной определенности об участии МВД России в реализации данных проектов не имеется, некоторые из них находятся в стадии доработки и межведомственного согласования.

Вместе с тем предварительный анализ утвержденных паспортов проектов позволяет предположить возможное участие министерства в 11 из них (в качестве участника, исполнителя отдельного мероприятия либо заинтересованного федерального органа исполнительной власти, участвующего в формировании показателя проекта):

- 1) «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства» нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»;
- 2) «Экспорт услуг» нацпроекта «Международная кооперация и экспорт»;
- 3) «Развитие экспорта медицинских услуг» нацпроекта «Здравоохранение»;
- 4) «Экспорт образования» нацпроекта «Образование»;
- 5) «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» нацпроекта «Экология»;
- 6) «Формирование комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда»;
- 7) «Нормативное регулирование цифровой среды»;
- 8) «Информационная инфраструктура»;
- 9) «Кадры для цифровой экономики»;
- 10) «Информационная безопасность»;

11) Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4] МВД России отвечает за формирование восьми показателей в рамках мониторинга состояния национальной безопасности, которые охватывают следующие направления:

- противодействие экстремизму;
- противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- контроль в сфере миграции.

Еще семь показателей, в реализации которых участвует министерство, не являясь ответственным исполнителем, касаются: уровня преступности; межэтнической и межконфессиональной напряженности; противодействия преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства; антитеррористической защищенности критически важных объектов; уровня смертности населения по неестественным причинам и уровня травматизма от источников повышенной опасности; отношения населения Российской Федерации к деятельности органов государственной власти.

Реализация мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования (в части, касающейся министерства), осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами МВД России организационного и методического характера. Мониторинг их исполнения производится в том числе с использованием ведомственной системы оценки, основное назначение которой – определение эффективности деятельности территориальных органов МВД России по выполнению возложенных на них задач по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Существующая система оценки включает в себя ряд методик, позволяющих оценивать деятельность как органа внутренних дел в целом [1], так и отдельных его структурных подразделений – в рамках зонального контроля [6].

Ряд показателей ведомственной системы оценки полностью совпадают или идентичны по смыслу и назначению с теми индикаторами, которые определены в качестве целевых в документах стратегического планирования.

Из общего числа целевых показателей, используемых в ведомственной системе оценки, в том или ином виде представлены 12 критериев, имеющих в документах стратегического планирования (в том числе 7 показателей – в ведомственной системе оценки, 2 – во вневедомственной, 3 – в условиях функционирования). Указанные критерии шесть раз использованы в реализации государственных программ, один – в национальных проектах, пять – в мониторинге состояния национальной безопасности, три – в оценке эффективности деятельности высших должностных лиц регионов.

Представляется, что преемственность показателей, используемых в целевых программах и ведомственной системе оценки, обеспечена не в полной мере. Необходимость и возможность их совмещения требует

дополнительной проработки в рамках совершенствования действующих методик оценки. При этом следует учитывать, что прямое сравнение показателей, используемых для мониторинга реализации государственных программ и проектов, с одной стороны, с показателями для внутриведомственной оценки, с другой, не совсем корректно, учитывая их различное целевое назначение.

Таким образом, документы стратегического управления носят межведомственный характер, поэтому достижение соответствующих целевых показателей предполагает участие в данном процессе всех заинтересованных министерств и ведомств. Ведомственные критерии предназначены для решения более узкой задачи – оценки деятельности органов и подразделений системы МВД России, поэтому при включении в ведомственную систему оценки целевых индикаторов документов стратегического управления, в том числе состояния национальной безопасности, потребуется их определенная корректировка.

Список литературы: _____

1. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Новиков, В. В. Развитие программно-целевого принципа ведомственного планирования расходов бюджета при реализации государственных программ / В. В. Новиков // Индустриальная экономика. – 2020. – № 1. – С. 40–43.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.
6. Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 44. – Ст. 6764.
8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» : постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18. (часть IV). – Ст. 2188.

References: _____

1. Voprosy ocenki deyatel'nosti territorial'nyh organov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii : prikaz MVD Rossii ot 31 dekabrya 2013 g. № 1040. Dostup iz spravocnoy pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Novikov, V. V. Razvitie programmno-celevogo principa vedomstvennogo planirovaniya raskhodov byudzheta pri realizacii gosudarstvennyh programm / V. V. Novikov // Industrial'naya ekonomika. – 2020. – № 1. – S. 40–43.

3. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda : ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2018. – № 20. – St. 2817.
 4. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 1 (chast' II). – St. 212.
 5. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2014. – № 26 (chast' I). – St. 3378.
 6. Ob osnovah organizacii vedomstvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: prikaz MVD Rossii ot 3 fevralya 2012 g. № 77. Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
 7. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy «Obespechenie bezopasnosti poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva na 2019–2023 gody» : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2018 g. № 1272 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2018. – № 44. – St. 6764.
 8. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 aprelya 2014 g. № 345 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2014. – № 18. (chast' IV). – St. 2188.
-

МОДЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Коновалов Юрий Викторович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления инновационной деятельностью, Нижегородский технический университет им. Р. Е. Алексеева, РФ, г. Нижний Новгород, e-mail: konovalov@ggc.nnov.ru

Р е ф е р а т. В статье рассмотрены некоторые проблемы российского менеджмента и предложены пути их решения. Осуществлен анализ многочисленных научных исследований, позволивший выдвинуть гипотезу о предельных ограничениях развития теории менеджмента, накладываемых фундаментальным положением экономической теории о модели человека экономического. Сделан вывод о возможности снятия диалектических противоречий за счет создания коллективистской модели человека в теории менеджмента. Предлагаемая модель человека коллективистского не отрицает наличия рациональных элементов человека в потребительском обществе, но позволяет снять методологическую зависимость теории менеджмента от экономических подоснов существующей модели человека экономического.

К л ю ч е в ы е с л о в а : развитие теории менеджмента; организационная культура; коллективистская модель человека в менеджменте.

UDC 338.2

HUMAN MODEL IN ORGANIZATIONAL CULTURE

Konovalov Yuri Viktorovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Activity Management, Nizhny Novgorod Technical University named after R. E. Alekseeva, RF, Nizhny Novgorod, e-mail: konovalov@ggc.nnov.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of Russian management and suggests ways to solve them. An analysis of numerous scientific studies has been carried out, which made it possible to put forward a hypothesis about the limiting limitations of the development of management theory imposed by the fundamental position of economic theory on the model of an economic person. The conclusion is made about the possibility of removing dialectical contradictions by creating a collectivist model of a person in management theory. The proposed model of a collectivist person does not deny the presence of rational elements of a person in a consumer society, but allows one to remove the methodological dependence of management theory on the economic foundations of the existing model of an economic person.

Key words : development of management theory; organizational culture; collectivist model of a person in management.

Оценивая динамику развития теории менеджмента в целом от первоначальных направлений совершенствования организации труда до современного процессного подхода, закрепленного международными стандартами менеджмента качества и стандартами других сфер управления деятельностью организаций, становится очевидным доминирующее влияние основополагающей модели человека экономического. Однако за логически выверенной методологической формой современного инструментария управления просматривается исторически сложившее-

ся противоречивое содержание, создающее неопределенность социокультурных отношений в трудовых коллективах. Следствием заложенных в названной модели рыночных свойств являются в том числе массовое применение формализованных процессов управления, их неадаптированная экспансия во многие отрасли российской экономики, противоречие между копированием западных моделей и поиском собственного пути развития.

Научные исследования и предложения пока не привели к собственным надежным

основам, закрепляющим свойства модели человека в российской экономике. Существуют и методологические проблемы отсутствия общенационального целевого ориентира в выполняемых исследованиях. Таким образом, организационная культура в широком понимании ее как сферы человеческих отношений отражает методологическую хаотичность, а на практике оказывается в латентном состоянии пассивного влияния на систему менеджмента предприятий.

Поэтому целевая интеграция исследований современных состояний в управлении внутрикорпоративными процессами и моделирование свойств человека в управлении способны оказать позитивное воздействие не только на развитие теории менеджмента, но и на повышение результативности экономических процессов. Расширение тематики научных исследований организационной культуры позволит прийти к более глубокому теоретическому пониманию ее природы, выработать новый инструментарий и отойти от тенденций утилитарной фиксации существующих достижений в управлении. Поэтому в настоящей работе уделено внимание следующим отдельным методологическим и практическим вопросам организационной культуры и модели человека в экономике.

Во-первых, содержательная часть организационной культуры как одного из разделов, отражающих человеческие отношения в трудовых коллективах, в существующей научной парадигме находится в состоянии определенным образом детерминированной действительности, не позволяющей объективно выражать все возможные явления в истинных понятиях. Попытки закрепить достижения менеджмента на современном уровне, стандартизировать человеческие отношения только на основе опыта управления, исключающего общественные начала каждого человека, могут быть только практическим промежуточным инструментом повышения производительности труда. Поэтому закрепленные требования современной практики управления, например в стандартах качества [9, с. 32], могут пересматриваться по результатам научных достижений.

Во-вторых, при формировании методологических взглядов в теории менеджмента

внимание на их подчиненности изменяющимся тенденциям в экономической науке принимается за аксиому. При этом вопросы выстраивания результативных отношений в трудовых коллективах, возникающие опосредствованно модели человека в экономике, сохраняются в общепринятой парадигме научных знаний и остаются нерешенными. Между тем эгоистический концепт модели человека экономического оказывает существенное негласное влияние на культуру организационных отношений в практике управления трудовыми коллективами.

Таким образом, предметная область, определяющая во многом человеческие отношения в экономике, в качестве которой рассматривается модель человека, представлена в работе с позиций ее влияния на организационную культуру в теории менеджмента как объект исследования.

Целью данной статьи является формирование модели человека из противоречивых свойств, раскрывающей более широкие возможности для развития теории менеджмента и практического применения в организациях. В процессе достижения цели решены задачи анализа противоположных свойств в существующих моделях человека, синтеза единых свойств в модели человека, снимающей противоречия.

Данная работа отличается новым взглядом на перспективы развития теории менеджмента, включает создание управленческой модели человека, наполненной активными свойствами творческой, устойчивой к изменениям личности, нацеленной на развитие коллективизма, позволяющего расширить результативные возможности экономического развития российского общества.

Прежде чем приступить к рассмотрению перечисленных выше противоречий, необходимо отметить значительный вклад ученых в проблемы развития модели человека в экономике и организационной культуры в менеджменте. Вопросы развития модели человека в экономике рассмотрены такими российскими авторами, как В. С. Автономов [1], В. Н. Белкин [2], Ю. В. Бельская [3], А. А. Беспалова [4], К. Бруннер [5], А. В. Горшков [10], Н. Н. Лебедева [21], А. В. Лубский [4], Р. А. Лубский [4], Н. Родионова [32], А. Е. Шаститко [35] и др. Значительное число российских исследований модели человека опирается на резуль-

таты анализа публикаций таких зарубежных авторов, как А. Смит, Дж. С. Миль, Й. Шумпетер, Г. Саймон, К. Поппер, М. Фридман, Д. Рикардо, Г. Г. Госсен, Л. Вальрас, А. Джевонс, Т. Маршал, У. С. Веблен, Ф. Хайек и др.

Современные проблемы менеджмента и организационной культуры исследованы в работах таких ученых, как Р. И. Акмаева [25], Н. С. Бабиева [20], К. А. Багратионин [19], А. Р. Гарифова [6], Е. О. Гаспарович [7], И. В. Грошев [11; 12; 13; 14; 15; 16], Е. А. Дагаева [18], Ю. А. Давыдова [12], Л. Н. Депутатова [27], П. В. Емельянов [12], В. И. Жог [19; 20], Т. А. Загузова [13], А. А. Краснослободцев [15; 16], О. В. Королева [13], Н. Ю. Лебедева [22], С. А. Липатов [23; 24], А. П. Лунев [25], Ж. А. Мингалева [27], Р. К. Несмеянова [28; 29], А. А. Поздняков [12], В. С. Пудич [31], С. Н. Синельникова [14], Э. В. Смолякова [14], Тарабаркина Л.В. [20], Н. И. Шаталова [30], Е. М. Широнова [22] и др. Российские ученые преимущественно опираются на работы таких зарубежных авторов, как Э. Х. Шейн, Т. Питерс, Р. Уотерман и др.

Методология настоящей работы учитывает опыт ранее выполненных другими авторами исследований. В России по темам организационной культуры и модели человека в экономике выполнено достаточное количество научных работ. Однако, как отмечает один из авторов, их недостаточно [6]. Конечно, в обозначенной выше проблеме речь идет преимущественно об отсутствии эмпирических исследований, отражающих организационную культуру как явление.

Тема модели человека в экономике менее популярна, поскольку затрагивает более сложные вопросы экономической теории. Несмотря на обобщенный характер фразы А. Р. Гарифовой об исследованиях в области организационной культуры, ее можно отнести на любую развивающуюся отрасль знаний, включая модель человека в экономике. К примеру, В. С. Автономов отмечает, что в настоящее время «модель человека в западной экономической теории напоминает матрицу методологических и экономических проблем. Однако проблема заключается не в отсутствии практических исследований, а в методологических проблемах интерпретации имеющихся данных» [1, с. 167].

Современные научные исследования возможных путей развития российского менеджмента достаточно часто затрагивают вопросы использования специфических особенностей российского общества и формирования новой модели человека [2]. Отдельные предложения связаны с кардинальным пересмотром существующей парадигмы менеджмента [31].

Методологии названных выше исследований выстраивают общие закономерности, минуя конкретные единичные элементы и инструменты менеджмента. Они расставляют акценты на нерешенных задачах развития, предлагают традиционные и альтернативные пути развития, расширяют эмпирические данные управленческих проявлений в большей степени на концептуальном или постановочном уровнях.

Характерная для названных работ методология в большей степени осуществляет построение научных идей дедуктивно в движении от общего к частному, которое возможно на практическом уровне, но на уровне теоретических знаний может быть ошибочным. Авторы признают это, упоминая сложности конкурентной среды, всевозможные риски, зависимость от компетенций менеджмента и другие субъективные факторы. Тем самым они негласно признают, что утверждения сделаны рефлексирующим рассудком гипотетически на уровне здравого смысла. Г. В. Ф. Гегель во введении к труду «Наука логики» отмечал, что «здравый смысл позволяет познать явление, но не истину» [8, с. 46], а формирование научного знания нацелено на понимание истины и выражение исследуемых предметов в соответствующих им понятиях.

На пройденный путь совершенствования методологии исследования систем управления, безусловно, повлияло стремление теоретиков и практиков менеджмента к практическому применению более эффективных методов, способствующих росту производительности труда и развитию экономики. Такое методологически простое объяснение эволюционного пути развития менеджмента было бы достаточным, если бы названные цели были достижимы и снимали остающиеся нерешенными противоречия, способствующие возникновению приведенных ниже проблем. К нерешенным проблемам могут

быть отнесены: рост неопределенности [1, с. 148], оппортунизм [1, с. 157], методологический индивидуализм [1, с. 15], доминирование физиологических потребностей [1, с. 94], гедонистическая пассивно-потребительская ориентация [1, с. 86], приоритет собственной выгоды над выгодами общества [33, с. 331]. Причин возникновения приведенных негативных проявлений может быть много, но главенствующую роль в них занимает общепринятая модель человека экономического. Экономические проблемы, решаемые с помощью существующей модели человека в экономике, опосредствованно становятся управленческими задачами снятия ограничений в росте производительности труда и повышения эффективности использования человеческих ресурсов, характеризующихся указанными недостатками.

Однако с диалектических позиций перечисленные выше методологические противоречия не в полной мере раскрывают содержательные моменты тождественности и различий в их единстве, а также противоположности разных сторон экономической науки и ее исполнительного инструмента – менеджмента. Очевидно, что сложившаяся парадигма управления в теории менеджмента формировалась вместе с развитием экономической теории и обладает рядом противоречий, актуализирующих интерес к рассматриваемой теме на современном этапе.

Методологический подход, дополняющий существующее разнообразие мнений, вероятно, не сможет разрешить очевидные противоречия существующей парадигмы формирования организационной культуры и модели человека. В настоящее время накоплено достаточное количество информации, но, как правило, исследователями применяется методология статистического анализа эмпирических данных. Необходим иной путь к разрешению многообразия мнений и переходу от противоречивых суждений к выходу на новый уровень снятия противоречий и практического улучшения достижений. Поэтому в настоящем исследовании применен диалектический метод, а также общенаучные методы анализа и обобщения.

Теоретической основой исследования послужили труды теоретиков менеджмента.

Информационной базой являлась Научная электронная библиотека eLIBRARY (www.elibrary.ru) и другие источники научных публикаций.

Переходя к сути исследования, следует отметить, что подтверждением наличия противоположностей в существующей модели человека экономического являются многочисленные факторы, на которые наложены ограничения для сохранения представляемой модели в качестве истинной. Речь не идет о свойствах, имеющих отношение, например, к психологии или антропологии. Первоначально на теоретическом уровне «ряд социальных и психологических свойств противоположного значения эгоистическому началу, заложенному в общепризнанную модель человека экономического, элиминировано [1, с. 23] и доведено до необходимой абстракции» [1, с. 94]. В последующем на практическом уровне произошло «исключение непредсказуемой вариативности поведения исполнителей» [36, с. 39]. Например, «проявление национальных особенностей несоответствующих командному духу может закончиться увольнением работника» [36, с. 42].

В отрыве от экономических субъектов, являющихся их носителями, признанные свойства и их противоположности выглядят как самостоятельные предметы для рассмотрения. Для более глубокого понимания их содержания необходим анализ первичных моментов проявления каждой противоположности.

К примеру, оппортунизм в модели эгоистического человека не выглядит чрезмерно абсурдно. Каждый из преследующих свои цели субъектов может считать партнера оппортунистом. При этом приоритет общественного, альтруизм, умение ставить интересы общества выше личных может рассматриваться в качестве противоположных свойств человека эгоистического. То есть эгоистическая идея А. Смита развивается, оборачиваясь оппортунизмом, и, по сути, подавляет общественно-альтруистические свойства личности. Изначально подобная односторонняя модель человека не имеет возможности снять ей же порожденное противоречие. Предметное наполнение человека, включающее одновременно и эгоистические и общественно-альтруистические свойства, позволяет перейти не просто на иную модель человека экономи-

ческого, а возвысить его содержание в новом понятии.

Как известно, одной из утвердившихся в экономике является модель, прошедшая путь от человека, приверженного своим интересам, до человека экономического (resourceful, evaluative, maximizing, man; изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек, REMM) [5, с. 55]. Эта эгоистичная по своей сущности модель отстаивает свою состоятельность со времен А. Смита [33, с. 28] до настоящего времени [1, с. 57–124] и имеет опосредствованное влияние на развитие теории менеджмента. Она «сформирована с использованием определенной поведенческой гипотезы» [1, с. 8], суть которой выражена У. С. Джевansom и Л. Вальрасом в «насыщении лишь низших материальных потребностей человека» [1, с. 91]. Понятен логический мотив такой модели, увязывающий оптимально используемые такие инструменты экономики, как доходы, затраты, прибыль, находящиеся в сфере предложения, со сферой потребления. Таким образом, как в экономической науке, так и в менеджменте модель человека экономического не претерпевает изменений, рассматривается только с гносеологической точки зрения, в результате «экономического империализма» порождает и наращивает противоречия и не развивается в диалектическом процессе их снятия. Между тем от свойств используемой в экономическом анализе модели человека зависят результаты и выводы, используемые в принятии социально-экономических решений предпринимателей, правительств государств, развития мировой экономики.

Как отмечает В. С. Автономов, «необходимость некоторой абстрактной модели человека возникает в начальной точке научного исследования» [1, с. 47]. Поэтому для применения использованных в настоящей работе методологических подходов можно сформулировать модель человека, альтернативную REMM, основанную на различиях.

Отличительным свойством изобретательности, связанной с собственными доходами даже в ущерб другим, может быть общественное сознание. Оцениванию ситуации на основе полной информации с возможностью выхода из нее противостоит принятие возникшей ситуации по имеющейся информации, ее альтруистическое решение без

перекладывания проблем на других. Противоположностью максимизации собственной выгоды может быть названа максимизация общественной выгоды. Используя кириллицу, названные свойства могут быть записаны в форме аббревиатуры как ОАМЧ (общественно альтруистический максимизирующий человек), а латиницу – как РАММ (public, altruistic, maximizing, man).

Диалектически REMM и РАММ могут рассматриваться как два противоположных содержания форм моделей человека, позволяющие разрешать противоречия и осуществлять движение к новому обобщающему понятию. Сохранение эгоистичности и общественности позволяет совершать действия, направленные на общественное благо при соблюдении личного интереса. Если рассматривать только материальные стороны удовлетворения собственных потребностей человека, отбросив такие нематериальные факторы, как увлеченность и др., то в модели поощрения человека материальными благами за удовлетворение материальных потребностей общества проявляется новое содержание, формирующее общественное сознание (RP).

В содержании модели человека, который оценивает ситуацию, но нацелен на ее решение только при соблюдении принципа личной выгоды, произойдет выход на новый уровень развития, если он самостоятельно или с коллективной помощью найдет оптимальное решение в этой ситуации, а не будет распыляться в поисках более выгодных условий (EA).

Если максимизация, которую человек осуществляет в личных целях, позволит максимизировать общественные задачи, то удовлетворенность от выполненных задач позволит изменить содержание внутреннего сознания человека и общества (M).

Если речь идет только о человеке, рассматриваемом в качестве атомизированной единицы, то этого недостаточно для снятия вышеперечисленных противоположных моментов. В общественной среде человек становится частью общественного сознания. Это не означает, что он отказывается от своей индивидуальности. Сохраняя свою индивидуальность, он влияет на коллективистское общественное сознание, а общественное сознание определяет его бытие (C).

Тогда понятие модели человека для развития теории менеджмента может выглядеть следующим образом: RAECMM, но если содержание каждого снятого противоречия выразить в новых понятиях, то прежние понятия «изобретательный» и «общественный» могут быть заменены новым понятием «творческий» (creative) (C). Два противоположных понятия «оценивающий» и «коллективистский» могут быть объединены понятием «устойчивый» (stable) (S). Максимизирующий свои и общественные интересы могут быть выражены понятием «развивающий» (developing) (D). Человек, интегрированный в общество, может соответствовать понятию «коллективистский» (collectivist) (C). В результате модель творческого, устойчивого, развивающегося коллективистского человека в менеджменте может быть записана латинскими символами в виде аббревиатуры CSDCM (creative, stable, developing, collectivist, man).

Очевидно, что предложенная модель человека в меньшей степени отвечает потребностям той части экономической науки, которая исследует вопросы товарно-денежных отношений, но она позволяет снять перечисленные выше ограничения в исследовании систем управления и организационной культуры как раздела менеджмента. Модель может описываться как одна из возможностей рассмотрения человека на ином альтернативном уровне его собственного развития и развития общества. В ней человек является не просто потребителем благ, с одной стороны, и ресурсом, с другой, как в современной экономической науке, но и обладает другими свойствами, требующими отличающихся от традиционных методов управления.

Выводы:

1. Нерешенные проблемы в современной системе управления организационной культурой свидетельствуют о наличии противоречий, стимулируют научный поиск иных возможностей их разрешения.

2. Для раскрытия новых путей развития теории менеджмента и снятия противоречивых проблем необходим диалектический выход за предел основополагающего понятия модели человека экономического.

3. Свойства современной модели человека экономического представляют только элементы рыночных отношений, но не охватывают более широкие возможности управления общественной сущностью человека.

4. Создание коллективистской модели человека в российском менеджменте может сформировать новые условия появления организационной культуры и положительно повлиять на результативность экономической деятельности.

5. Предлагаемая модель человека коллективистского не отрицает наличия рациональных элементов человека в потребительском обществе, но позволяет снять методологическую зависимость теории менеджмента от экономических подоснов существующей модели человека экономического.

6. Модель человека эгоистичного А. Смита возникла на основе исследований первичных материальных потребностей людей. Предложенная коллективистская модель позволяет снять это ограничение и расширить свободы человека не только в удовлетворении потребностей, но и в уверенном экономическом развитии общества.

Список литературы: _____

1. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1998. – 230 с.
2. Белкин, В. Н. Пути развития российского менеджмента / В. Н. Белкин // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 1 (18). – С. 19–23.
3. Бельская, Ю. В. Аксиологические основания концептуализация модели человека в экономической теории / Ю. В. Бельская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 3, №4 (60). – С. 198–201.
4. Беспалова, А. А. «Человек политический» и «человек экономический»: ментальные программы и модели социального поведения в России / А. А. Беспалова, А. В. Лубский, Р. А. Лубский // Философия права. – 2017. – № 3 (82). – С. 72–78.
5. Бруннер, К. Представление о человеке. Концепция социума: два подхода к пониманию общества / К. Бруннер // Thesis. – 1993. – № 3.
6. Гарифова, А. Р. Теоретико-методологические подходы в социологии к исследованию организационной культуры / А. Р. Гарифова // Вестник ТГУ. – 2007. – Вып. 6 (50). – С. 155–159.

7. **Гаспарович, Е. О.** Управление организационной культурой : учебное пособие / Е. О. Гаспарович. – LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, Deutschland, 2016. – 500 с.
8. **Гегель, Г. В. Ф.** Наука логики. – Москва : АСТ, 2018. – 912 с.
9. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования. – Москва : Стандартинформ, 2018.
10. **Горшков, А. В.** Модели человека в мобилизационной экономике / А. В. Горшков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 15 (306). – С. 10–15.
11. **Грошев, И. В.** Организационная культура в системе менеджмента современного российского предпринимательства : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / И. В. Грошев. – Тамбов : Академия управления и сервиса Тамбовского государственного университета им Г. Р. Державина, 2007. – 40 с. – URL: www.dissercat.com (дата обращения: 29.09.2020).
12. **Грошев, И. В.** Эффективность работы организации как показатель здоровья руководителя / И. В. Грошев, П. В. Емельянов, Ю. А. Давыдова, А. А. Поздняков // Вестник ТГУ. – 2004. – Вып. 2(34). – С. 5–18.
13. **Грошев, И. В.** Взаимосвязь стиля руководства, процессов принятия управленческих решений, организационного климата и организационной культуры в системе предпринимательских структур / И. В. Грошев, О. В. Королева, Т. А. Загузова // Вестник ТГУ. – 2007. – Вып. 10(54). – С. 215–222.
14. **Грошев, И. В.** Организационная культура как составляющая системно-факторной модели формирования стиля управления / И. В. Грошев, С. Н. Синельникова, Э. В. Смолякова // Вестник ТГУ. – 2005. – Вып. 3(39). – С. 34–44.
15. **Грошев, И. В.** Ресурсный потенциал организационной культуры / И. В. Грошев, А. А. Краснослободцев // Общество и экономика. – 2015. – № 11–12. – С. 100–116.
16. **Грошев, И. В.** О влиянии культуры на экономическое развитие страны / И. В. Грошев, А. А. Краснослободцев // Общество и экономика. – 2017. – № 1. – С. 117–134.
17. **Гэлбрейт, Дж.** Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт ; пер. с англ. – Москва : АСТ ; Транзит-книга; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2004. – 602 с. – URL: <http://www.institutiones.com>, (дата обращения: 10.09.2020).
18. **Дагаева, Е. А.** Методологические подходы к изучению организационной культуры вуза / Е. А. Дагаева // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2015. – № 1. – С. 95–97. – URL: www.dissercat.com (дата обращения: 29.09.2020).
19. **Жог, В. И.** Оптимизация делового взаимодействия внутри команды проекта: конфликты и эффективность / В. И. Жог, К. А. Багратионин // Вестник ТГУ. – 2007. – № 6 (50). – С. 155–159.
20. **Жог, В. И.** Методология организационной психологии: Учеб. пособие / В. И. Жог, Л. В. Тарабаркина, Н. С. Бабиева ; под ред. В. И. Жога. – Москва : МПГУ, 2013. – 160 с.
21. **Лебедева, Н. Н.** Модель институционального человека в экономической теории / Н. Н. Лебедева // Вестник ВолГУ. – 2005. – Серия 3. Вып. 9. – С. 19–24.
22. **Лебедева, Н. Ю.** Методологические вопросы изучения организационной культуры / Н. Ю. Лебедева, Е. М. Широнова // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 9. – С. 729–733.
23. **Липатов, С. А.** Структура включенности работников в организацию как социально-психологическая проблема / С. А. Липатов // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 2012. – № 1. – С. 85–96.
24. **Липатов, С. А.** Проблема взаимодействия человека и организации: концепции и направления исследований / С. А. Липатов // Вестник Московского университета. – Серия 14. Психология. – 2016. – № 3. – С. 73–80.
25. **Лунев, А. П.** Становление и специфические особенности развития менеджмента в современной России / А. П. Лунев, Р. И. Акмаева // Вестник АГТУ. – Серия Экономика. – 2010. – № 2. – С. 44–52.
26. **Мескон М.** Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – Москва : Вильямс, 2011. – 672 с.
27. **Мингалева, Ж. А.** Общая концептуальная модель организационно-мотивационного механизма / Ж. А. Мингалева, Л. Н. Депутатова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 189–200.
28. **Несмеянова, Р. К.** Актуальные тенденции исследования организационной идентификации в зарубежной психологии / Р. К. Несмеянова, С. А. Липатов // Человеческий капитал. – 2018. – № 1 (109). – С. 60–72.
29. **Несмеянова, Р. К.** Особенности взаимосвязи субъектного образа корпоративной культуры и некоторых характеристик отношения сотрудников к организации / Р. К. Несмеянова, С. А. Липатов // Вестник Московского университета. – Серия Организационная психология. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 122–145.
30. Организационная культура : учебник / под ред. Н. И. Шаталовой. – Москва : Экзамен, 2006. – 652 с.
31. **Пудич, В. С.** Системология в концепции российского менеджмента / В. С. Пудич // Управление. – 2014. – № 4(6). – С. 5–11.
32. **Родионова, Н.** Модель «экономического человека» в системе экономических знаний / Н. Родионова // Высшее образование в России. – 2006. – № 9. – С. 56–67.
33. **Смит, А.** Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
34. Человек в экономике и других социальных средах / отв. ред. В. Г. Федотова. – Москва : ИФРАН, 2008. – 195 с.
35. **Шаститко, А. Е.** Модели человека в экономической теории : учебное пособие / А. Е. Шаститко. – Москва : ИНФРА-М, 2006. – 142 с.
36. **Шейн, Э. Х.** Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн ; пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 336 с.

References:

1. Avtonomov, V. S. Model' cheloveka v ekonomicheskoy nauke / V. S. Avtonomov. – Sankt-Peterburg : Ekonomicheskaya shkola, 1998. – 230 s.
2. Belkin, V. N. Puti razvitiya rossijskogo menedzhmenta / V. N. Belkin // CHelyabinskij gu-manitarij. – 2012. – № 1 (18). – S. 19–23.
3. Bel'skaya, YU. V. Aksiologicheskie osnovaniya konceptualizacii modeli cheloveka v ekonomicheskoy teorii / YU. V. Bel'skaya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – T. 3, №4 (60). – S. 198–201.
4. Bepalova, A. A. «Chelovek politicheskij» i «chelovek ekonomicheskij»: mental'nye pro-grammy i modeli social'nogo povedeniya v Rossii / A. A. Bepalova, A. V. Lubskij, R. A. Lub-skij // Filosofiya prava. – 2017. – № 3 (82). – S. 72–78.
5. Brunner, K. Predstavlenie o cheloveke. Konceptiya sociuma: dva podhoda k ponimaniyu obshchestva / K. Brunner // Thesis. – 1993. – № 3.
6. Garifova, A. R. Teoretiko-metodologicheskie podhody v sociologii k issledovaniyu or-ganizacionnoj kul'tury / A. R. Garifova // Vestnik TGU. – 2007. – Vyp. 6 (50). – S. 155–159.
7. Gasparovich, E. O. Upravlenie organizacionnoj kul'turoj : uchebnoe posobie / E. O. Gas-parovich. – LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrucken, Deutschland, 2016. – 500 s.
8. Gegel', G. V. F. Nauka logiki. – Moskva : AST, 2018. – 912 s.
9. GOST R ISO 9001-2015 Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistemy me-nedzhmenta kachestva. Trebovaniya. – Moskva : Standartinform, 2018.
10. Gorshkov, A. V. Modeli cheloveka v mobilizacionnoj ekonomike / A. V. Gorshkov // Vest-nik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 15 (306). – S. 10–15.
11. Groshev, I. V. Organizacionnaya kul'tura v sisteme menedzhmenta sovremennogo rossijskogo predprinimatel'stva : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora eko-nomicheskikh nauk / I. V. Groshev. – Tambov : Akademiya upravleniya i servisa Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta im G. R. Derzhavina, 2007. – 40 s. – URL: www.disserscat.com (data obrashche-niya: 29.09.2020).
12. Groshev, I. V. Effektivnost' raboty organizacii kak pokazatel' zdorov'ya rukovodite-lya / I. V. Groshev, P. V. Emel'yanov, YU. A. Davydova, A. A. Pozdnyakov // Vestnik TGU. – 2004. – Vyp. 2(34). – S. 5–18.
13. Groshev, I. V. Vzaimosvyaz' stilya rukovodstva, processov prinyatiya upravlencheskih re-shenij, organizacionnogo klimata i organizacionnoj kul'tury v sisteme predprinimatel'skih struktur / I. V. Groshev, O. V. Koroleva, T. A. Zaguzova // Vestnik TGU. – 2007. – Vyp. 10(54). – S. 215–222.
14. Groshev, I. V. Organizacionnaya kul'tura kak sostavlyayushchaya sistemno-faktornoj modeli formirovaniya stilya upravleniya / I. V. Groshev, S. N. Sinel'nikova, E. V. Smolyakova // Vestnik TGU. – 2005. – Vyp. 3(39). – S. 34–44.
15. Groshev, I. V. Resursnyj potencial organizacionnoj kul'tury / I. V. Groshev, A. A. Krasnoslobodcev // Obshchestvo i ekonomika. – 2015. – № 11–12. – S. 100–116.
16. Groshev, I. V. O vliyanii kul'tury na ekonomicheskoe razvitie strany / I. V. Groshev, A. A. Krasnoslobodcev // Obshchestvo i ekonomika. – 2017. – № 1. – S. 117–134.
17. Gelbrejt, Dzh. Novoe industrial'noe obshchestvo / Dzh. Gelbrejt ; per. s angl. – Moskva : AST ; Tranzitkniga; Sankt-Peterburg : Terra Fantastica, 2004. – 602 s. – URL: <http://www.institutiones.com>, (data obrashcheniya: 10.09.2020).
18. Dagaeva, E. A. Metodologicheskie podhody k izucheniyu organizacionnoj kul'tury vuza / E. A. Dagaeva // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki. – 2015. – № 1. – S. 95–97. – URL: www.disserscat.com (data obrashcheniya: 29.09.2020).
19. ZHog, V. I. Optimizaciya delovogo vzaimodejstviya vnuti komandy proekta: konflikty i effektivnost' / V. I. ZHog, K. A. Bagrationin // Vestnik TGU. – 2007. – № 6 (50). – S. 155–159.
20. ZHog, V. I. Metodologiya organizacionnoj psihologii: Ucheb. posobie / V. I. ZHog, L. V. Tarabarkina, N. S. Babieva ; pod red. V. I. ZHoga. – Moskva : MPGU, 2013 – 160 s.
21. Lebedeva, N. N. Model' instucional'nogo cheloveka v ekonomicheskoy teorii / N. N. Le-bedeva // Vestnik VolGU. – 2005. – Seriya 3. Vyp. 9. – S. 19–24.
22. Lebedeva, N. YU. Metodologicheskie voprosy izucheniya organizacionnoj kul'tury / N. YU. Lebedeva, E. M. SHironina // Fundamental'nye issledovaniya. – 2012. – № 9. – S. 729–733.
23. Lipatov, S. A. Struktura vkluchennosti rabotnikov v organizaciyu kak social'no-psihologicheskaya problema / S. A. Lipatov // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 14. Psihologiya. – 2012. – № 1. – S. 85–96.
24. Lipatov, S. A. Problema vzaimodejstviya cheloveka i organizacii: koncepcii i naprav-leniya issledovanij / S. A. Lipatov // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 14. Psiholo-giya. – 2016. – № 3. – S. 73–80.
25. Lunev, A. P. Stanovlenie i specificheskie osobennosti razvitiya menedzhmenta v sovre-mennoj Rossii / A. P. Lunev, R. I. Akmaeva // Vestnik AGTU. – Seriya Ekonomika. – 2010. – № 2. – S. 44–52.
26. Meskon M. Osnovy menedzhmenta / M. Meskon, M. Al'bert, F. Hedouri. – Moskva : Vil'yams, 2011. – 672 s.
27. Mingaleva, ZH. A. Obshchaya konceptual'naya model' organizacionno-motivacionnogo mekha-nizma / ZH. A. Mingaleva, L. N. Deputatova // Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2019. – № 1. – S. 189–200.
28. Nesmeyanova, R. K. Aktual'nye tendencii issledovaniya organizacionnoj identifi-kacii v zarubezhnoj psihologii / R. K. Nesmeyanova, S. A. Lipatov // CHelovecheskij kapital. – 2018. – № 1 (109). – S. 60–72.
29. Nesmeyanova, R. K. Osobennosti vzaimosvyazi sub'ektnogo obraza korporativnoj kul'tu-ry i nekotoryh harakteristik otnosheniya sotrudnikov k organizacii / R. K. Nesmeyanova, S. A. Lipatov // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya Organizacionnaya psihologiya. – 2018. – T. 8, № 1. – S. 122–145.
30. Organizacionnaya kul'tura : uchebnik / pod red. N. I. SHatalovoj. – Moskva : Ekzamen, 2006. – 652 s.

31. Pudich, V. S. Sistemologiya v koncepcii rossijskogo menedzhmenta / V. S. Pudich // Upravlenie. – 2014. – № 4(6). – S. 5–11.
 32. Rodionova, N. Model' «ekonomicheskogo cheloveka» v sisteme ekonomicheskikh znanij / N. Rodionova // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2006. – № 9. – S. 56–67
 33. Smit, A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov / A. Smit. – Moskva : Socekiz, 1962. – 684 s.
 34. CHelovek v ekonomike i drugih social'nyh sredah / otv. red. V. G. Fedotova. – Moskva : IFRAN, 2008. – 195 s.
 35. SHastitko, A. E. Modeli cheloveka v ekonomicheskoy teorii : uchebnoe posobie / A. E. SHa-stitko. – Moskva : INFRA-M, 2006. – 142 s.
 36. SHEjn, E. X. Organizacionnaya kul'tura i liderstvo / E. X. SHEjn ; per. s angl. pod red. V. A. Spivaka. – Sankt-Peterburg : Piter, 2002. – 336 s.
-

DOI 10.475776/2712-7516_2020_4_1_35

УДК 504.054:355/359

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИКИ ВОЙСКОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Головинский Владимир Васильевич,

доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, РФ, г. Москва, e-mail: golw54@mail.ru

Р е ф е р а т. Составной частью национальной безопасности России является экологическая безопасность, которая тесно связана с государственной, общественной, оборонной, информационной и иными видами безопасности страны. Деятельность соединений и воинских частей (военных учреждений) представляет особую опасность для районов их сосредоточения и в целом для окружающей среды всей планеты. Это обусловлено специфичностью средств и методов, которые используют воинские формирования для достижения стоящих перед ними целей. Объектами воинской части, которые могут негативно влиять на окружающую среду, являются котельные на твердом, жидком или газообразном топливе. Данные объекты осуществляют выброс в атмосферу большого количества токсичных газов, сажи и других продуктов горения. Все виды вооружения, военной и специальной техники выбрасывают выхлопные газы, составляющие продукты сгорания горючего и твердого топлива. Влияние на окружающую среду оказывают и неочищенные канализационные стоки, которые образуются в результате жизнедеятельности личного состава воинских частей. Соответственно, воинские части, расквартированные в определенной местности, обязаны обеспечивать соответствующую экологическую безопасность, то есть обеспечивать состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : экологическая безопасность; национальная безопасность; войсковое хозяйство; военная экономика; материально-техническое обеспечение.

UDC 504.054:355/359

ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE SYSTEM OF THE ECONOMY OF THE MILITARY ECONOMY

Golovinsky Vladimir Vasilievich,

Associate Professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, RF, Moscow, e-mail: golw54@mail.ru

A b s t r a c t. An integral part of Russia's national security is environmental security, which is closely related to the state, public, defense, information and other types of the country's security. The activities of formations and military units (military institutions) pose a particular danger to the areas of their concentration and, in general, to the environment of the entire planet. This is due to the specificity of the means and methods that are used by military formations to achieve their goals. The objects of the military unit that can negatively affect the environment are boiler houses using solid, liquid or gaseous fuels. These objects release into the atmosphere a large amount of toxic gases, soot and other combustion products. All types of weapons, military and special equipment emit exhaust gases that are products of combustion of fuel and solid fuels. The impact on the environment is also exerted by untreated sewage, which are formed because of the vital activity of the personnel of military units. Accordingly, military units stationed in a certain area are obliged to ensure appropriate environmental safety, that is, to ensure the state of protection of the natural environment and vital human interests from the possible negative impact of economic and other activities, natural and man-made emergencies, and their consequences.

Key words: environmental safety; National security; military economy; military economy; material and technical support.

Каждый гражданин Российской Федерации имеет право проживать в условиях благоприятной окружающей среды. Это право закреплено Конституцией страны. Однако

Основным законом России на граждан возлагается и обязанность сохранения природных условий жизни и бережного отношения к природным богатствам нашей Родины, кото-

рые являются основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Действующее законодательство определяет, что компоненты природной среды, природные объекты и комплексы являются объектами охраны от загрязнения, истощения, деградации, порчи и уничтожения, которые являются следствием негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности человека или организаций.

Коренное улучшение экологической ситуации является одной из важнейших задач государства. Сохранение и оздоровление окружающей среды составляют национальные интересы страны в экологической сфере. Из этого следует, что составной частью национальной безопасности России является экологическая безопасность. Она тесно связана с государственной, общественной, оборонной, информационной и иными видами безопасности. Тем самым, наряду с экономической, социальной и военной экологическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Деятельность соединений и воинских частей (военных учреждений) представляет особую опасность для состояния районов их сосредоточения и в целом для окружающей среды всей планеты. Это обусловлено специфичностью средств и методов, которые используют воинские формирования для достижения стоящих перед ними целей. В первую очередь, причиной огромных жертв и разрушений являются боевые действия войск, ведущиеся на большую глубину и захватывающие огромные пространства.

Не только боевые действия наносят ущерб окружающей среде, но и повседневная деятельность воинских частей. В районах размещения воинских частей и различных военных объектов на природную среду оказывает влияние радиационное, световое, тепловое, химическое, шумовое, электромагнитное воздействие. Загрязнение районов размещения войск осуществляется путем засорения бытовыми и хозяйственными отходами. Также на экологическую ситуацию влияют нерациональное использование природных ресурсов и нарушение технологий применения вооружения, военной и специальной техники.

Большинство этих факторов прямо или косвенно воздействует не только на природу, но и на сами войска (силы флота). Сохранение окружающей среды, улучшение экологической ситуации в районах развертывания воинских частей (военных учреждений) в настоящее время стоит очень остро. В последние десятилетия возникла особая проблема военной теории и практики – проблема экологической безопасности.

Совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов включается в понятие окружающей воинские части и военные учреждения среды.

Любое воинское формирование (от отдельного подразделения до военного округа) можно рассматривать как специфическую военную экологическую систему. Главными ее элементами являются личный состав воинской части, служебные и домашние животные, вооружение, военная и специальная техника. К элементам экологической системы также относятся строения воинской части различного назначения, а также окружающая природная среда в пункте постоянной дислокации или местности, где осуществляется та или иная военная деятельность.

Объектами воинской части, которые могут негативно влиять на окружающую среду, являются котельные на твердом, жидком или газообразном топливе. Данные объекты осуществляют выброс в атмосферу большого количества токсичных газов, сажи и других продуктов горения. Все виды вооружения, военной и специальной техники выбрасывают выхлопные газы, составляющие продукты сгорания горючего и твердого топлива. Влияние на окружающую среду оказывают и неочищенные канализационные стоки, которые образуются в результате жизнедеятельности личного состава воинских частей.

Из этого следует, что воинские части, расквартированные в определенной местности, обязаны обеспечивать соответствующую экологическую безопасность, то есть состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Данное понятие в

полной мере относится и к военнослужащим, и к повседневной деятельности войск.

Огромную опасность для экологии представляют твердые бытовые отходы воинских частей, которые сложно собирать и утилизировать. К ним относятся пищевые отходы войсковых столовых и жителей военных городков, различный мусор, содержащий вредные и опасные компоненты, материалы от разборки аккумуляторов, бытовые батарейки, комплектующие оргтехники и бытовых приборов. Канализационные стоки, образуемые в результате водоотведения из объектов казарменно-жилого фонда, домов офицерского состава и других объектов коммунально-эксплуатационного обеспечения, требуют предварительной очистки. Она необходима до слива этих стоков на рельеф или в открытые водоемы, ручьи и реки.

Любые нефтепродукты, пролитые на грунт, представляют опасность для окружающей среды. Компоненты жидкого ракетного топлива, все виды горючего и жидкого котельного топлива обладают высокой токсичностью и могут представлять особую опасность для растительного и животного мира.

На территориях воинских частей и прилегающих к ним зонах в результате хозяйственной деятельности остается большое количество различных металлических и пластмассовых емкостей, в том числе от ядовитых жидкостей. Все они не могут утилизироваться обычным порядком, а требуют предварительной дегазации, дезактивации или дезинфекции. В этих же районах остается большое количество металлолома от списанного вооружения и военной техники. Все это засоряет окружающую среду и не обеспечивает необходимую экологическую безопасность.

Основная деятельность воинских частей в мирное время – плановая боевая подготовка личного состава и связанная с ней хозяйственная деятельность. Наряду с подготовкой войск на руководящий состав воинских частей возлагается ответственность за обеспечение экологической безопасности. Планировка военных городков и строительство в них различных объектов сопряжено с соблюдением экологических требований. А это является одним из направлений развития войскового хозяйства. Из этого следует, что экологическая безопасность хозяйственных

объектов воинских частей и военных учреждений напрямую связана с их экономической деятельностью.

Рассматривая экономическую составляющую обеспечения экологической безопасности воинской части, необходимо отметить, в первую очередь, налаживание взаимодействия с местными федеральными органами исполнительной власти, предоставляющими услуги по удалению нечистот с территории воинской части, включая твердые бытовые отходы. Согласование деятельности с ними напрямую сопряжено с взаиморасчетами воинских частей по вопросам обеспечения экологической безопасности. В некоторых случаях расквартирование воинских частей осуществляется в непосредственной близости с лесными массивами. В этом случае требуется организация взаимодействия с органами лесоохраны по использованию лесных угодий, прилегающих к их территориям и относящихся к лесным хозяйствам Министерства обороны Российской Федерации.

Помимо этого, требуется принятие мер по предотвращению или уменьшению негативного воздействия на окружающую среду и устранению последствий этого воздействия. Все указанные меры подразумевают обязательное финансирование воинских частей, занимающихся боевой подготовкой и осуществляющих хозяйственную деятельность, которая приводит или может привести к загрязнению окружающей среды.

Органы местного самоуправления принимают на местах меры по охране окружающей среды. Такое положение отражено в федеральных законах и других нормативно-правовых актах Российской Федерации. Деятельность, связанная с экологической безопасностью субъектов Федерации, закреплена законами и правовыми актами, уставами муниципальных образований и нормативными актами органов местного самоуправления. Согласно этим нормативно-правовым документам со всех объектов и организаций, в том числе и с воинских частей, взимается плата за негативное воздействие на окружающую среду. Выплаты осуществляются за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, сбросы их в водные объекты, хранение, захоронение отходов деятельности и потребления.

Оплата негативного воздействия на окружающую среду, согласно бюджетному законодательству Российской Федерации, зачисляется в бюджеты бюджетной системы страны. В связи с тем, что с личным составом воинских частей и военных учреждений проводится боевая подготовка с использованием военной и специальной техники, оказывается негативное влияние на окружающую среду. Ведение войскового хозяйства также сопряжено с воздействием на природную среду в местах дислокации частей (учреждений) и территорий, прилегающих к ним. Поэтому на военные организации наложены обязанности по оплате экологических расходов.

Отдельным направлением деятельности органов военного управления всех уровней является обеспечение экологической безопасности в районах развертывания воинских частей и военных учреждений. Ответственность, обязанности и полномочия органов военного управления всех уровней и воинских частей по обеспечению экологической безопасности включаются отдельным пунктом в положения об органах военного управления и о воинских частях.

В местах расквартирования войск (сил флота) обеспечение экологической безопасности осуществляется по территориальному принципу, который предусматривает выполнение органами военного управления задач обеспечения экологической безопасности в отношении воинских частей, исходя из территорий их дислокации (базирования) в границах военного округа (флота) независимо от подчиненности. Распределение зон ответственности между органами военного управления производит командующий войсками военного округа по территориальному принципу обеспечения экологической безопасности.

С целью обеспечения экологической безопасности в пределах своей компетенции на территории и вблизи военных объектов в воинских частях создается экологическая служба. Если в воинской части или учреждении служба не предусмотрена основным штатом, то приказом командира части назначается должностное лицо, отвечающее за экологическую безопасность.

Обеспечение экологической безопасности является одним из пунктов выполнения требований контроля хозяйственной дея-

тельности воинской части. Все отведенные воинским частям земельные участки должны использоваться по назначению с соблюдением мер охраны окружающей среды. Ответственность за выполнение мер экологической безопасности на закрепленных территориях и объектах материально-технической базы возлагается на должностных лиц воинской части, ведущих войсковое хозяйство.

Личный состав воинской части в своей повседневной жизни обязан предотвращать причинение вреда окружающей среде, а также предупреждать происшествия и аварии. На руководящий состав частей и военных учреждений накладывается ответственность по восстановлению окружающей среды в результате боевой подготовки или хозяйственной деятельности. При этом все источники загрязнения окружающей среды воинской части должны быть поставлены на учет, в подразделениях должен постоянно проводиться ведомственный экологический контроль. Командование воинской части обязано наладить взаимоотношение с органами власти на местах с целью организации взаимодействия по обеспечению экологической безопасности.

Взаимоотношения воинских частей с органами местного самоуправления в области охраны окружающей среды основываются на действующем законодательстве Российской Федерации. Однако большая часть вопросов сводится к выплатам воинскими частями за негативное воздействие на окружающую среду. Заключение договоров по обращению с твердыми бытовыми отходами с местными мусороуборочными организациями не всегда решает проблемы своевременного их сбора, вывоза и утилизации. Это связано с удаленностью воинских частей от полигонов для утилизации мусора и отсутствием специального транспорта.

Если проблемы экологической безопасности и защиты окружающей среды воинскими частями и военными учреждениями, расквартированными в крупных населенных пунктах, решаются через органы местного самоуправления, то воинские части, расквартированные отдельно от населенных пунктов и в удаленной местности, производят коммунальные услуги самостоятельно и вынуждены принимать меры по соблюдению правил экологической безопасности. В этих случаях

для вывоза твердых бытовых отходов с территорий военных городков муниципальные органы управления не предоставляют специализированный транспорт. Для вывоза собранного мусора воинские части вынуждены использовать свои автомобили транспортной группы. В этих условиях утилизация на полигоны бытовых и промышленных отходов не всегда возможна из-за их большой удаленности. Обеспечить экологическую безопасность и охрану окружающей среды воинским частям бывает затруднительно.

Органы государственной власти на местах, осуществляющие государственное управление в области охраны окружающей среды в составе комитетов или комиссий, по сути дела, выполняют контролирующую функцию. Отслеживание своевременных выплат с организаций и предприятий различных форм собственности, в том числе воинских частей и военных учреждений, наложение на них штрафных санкций – это все, что могут местные органы власти в вопросах обеспечения экологической безопасности.

Исходя из этого, в распоряжении комиссий или комитетов при местных органах государственной власти должны быть силы и средства для строительства объектов, обеспечивающих защиту окружающей среды от негативного воздействия, а также предоставление услуг по очистке территорий организаций и предприятий, в том числе воинских частей и учреждений. К этим силам и средствам должны относиться строительные организации, которые в состоянии строить объекты, предназначенные для очистки канализационных стоков и улавливания вредных выбросов в атмосферу. Целесообразно данные объекты располагать в непосредственной близости от воинских частей и учреждений. При этом после ввода объектов в эксплуатацию воинские части и другие организации обязаны оплачивать их дальнейшее функционирование.

Для обращения с твердыми бытовыми отходами в распоряжении местных органов власти должны быть автотранспортные предприятия, укомплектованные специальной техникой, предназначенной для сбора и вывоза с территорий военных городков бытового и иного мусора. Эти работы могут передаваться коммерческим структурам на конкурсной основе. Данные услуги должны

предоставляться на договорных условиях и оплачиваться воинскими частями с соответствующих статей бюджетной классификации Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, любое воинское формирование, расквартированное на определенной местности и осуществляющее повседневную деятельность войск, является субъектом, негативно влияющим на окружающую среду и нарушающим экологический баланс. Главными элементами экологической системы воинской части могут быть личный состав, вооружение, военная и специальная техника.

Боевая подготовка и другая повседневная деятельность воинских частей оказывает негативное воздействие на окружающую среду в местах их дислокации. Исходя из этого, воинские части, являясь хозяйствующими субъектами, обязаны осуществлять оплату в различные бюджеты за негативное воздействие на окружающую среду, а также услуги местных органов власти по утилизации отходов и очистке стоков либо производить это своими силами.

Экологическую безопасность в Вооруженных Силах Российской Федерации обеспечивает комплекс мер правового, организационно-технического, социально-экономического, воспитательного и иного характера. Эти меры проводятся в целях защиты жизненно важных интересов военнослужащих, гражданского персонала, населения от возможного негативного воздействия деятельности Вооруженных Сил, предотвращения и ликвидации экологических последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В воинских частях, ведущих войсковое хозяйство, на экологическую службу либо на отдельное должностное лицо возлагается ответственность за выполнение на закрепленной территории и объектах материально-технической базы мероприятий по обеспечению экологической безопасности. Должностные лица воинских частей в пределах своей компетенции отвечают за обеспечение экологической безопасности подчиненных подразделений и объектов. Они же обязаны обеспечивать организацию взаимодействия с местными органами власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды.

Список литературы: _____

1. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об экологической экспертизе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) : федеральный закон от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2017). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории : федеральный закон от 10.07.2001 № 92-ФЗ (ред. от 25.06.2012). – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации 2014 г. № 333. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Положения об органах экологической безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации 2015 г. № 530. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О мерах по обеспечению экологической безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации 1999 г. № 15. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О первоочередных мероприятиях по обеспечению экологической безопасности при осуществлении деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации 1997 г. № 107. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации 2007 г. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

References: _____

1. Ob ohrane okruzhayushchej sredy : federal'nyj zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 31.12.2017). – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Ob ekologicheskoy ekspertize» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2018) : federal'nyj zakon ot 23.11.1995 g. № 174-FZ (red. ot 28.12.2017). – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. O special'nyh ekologicheskikh programmah rehabilitacii radiacionno zagryaznennyh uchastkov territorii : federal'nyj zakon ot 10.07.2001 № 92-FZ (red. ot 25.06.2012). – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Ob utverzhdenii Rukovodstva po vojskovomu (korabel'nomu) hozyajstvu v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii : prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii 2014 g. № 333. – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Ob utverzhdenii Polozheniya ob organah ekologicheskoy bezopasnosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii : prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii 2015 g. № 530. – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. O merah po obespecheniyu ekologicheskoy bezopasnosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii : prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii 1999 g. № 15. – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
7. O pervoocherednyh meropriyatiyah po obespecheniyu ekologicheskoy bezopasnosti pri osushchestvlenii deyatel'nosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii : prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii 1997 g. № 107. – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Ustav Vnutrennej sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii 2007 g. – Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.475776/2712-7516_2020_4_1_41

УДК 343.23

УЧЕНИЕ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Кругликов Лев Леонидович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук высшей школы Российской академии естественных наук, РФ, г. Ярославль, e-mail: krugliko@uniyar.ac.ru

Р е ф е р а т. В статье дается анализ генезиса и современного состояния учения о составе преступления. Автор подробно анализирует значение термина «Corpus delicti» в историческом аспекте. Отмечает, что по настоящее время не решен ряд вопросов касательно понятия состава преступления и его роли в уголовном праве. В частности, вопросы о соотношении состава преступления с преступлением, содержании (элементах) состава преступления, об уголовно-правовом значении состава преступления, общем составе преступления, делении составов преступлений на виды. Делается вывод о необходимости выработать единый подход к конструкциям нематериальных составов преступлений, который должен заключаться в следующем: если из текста закона не вытекает иного, преступление надлежит полагать оконченным с начального момента осуществления действий в отношении основного объекта преступления.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступление; состав преступления; содержание состава преступления; виды составов преступления; закон.

UDC 343.23

THE DOCTRINE OF THE COMPOSITION OF THE CRIME: GENESIS AND CURRENT STATE

Kruglikov Lev Leonidovich,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences of the Higher School of the Russian Academy of Natural Sciences, RF, Yaroslavl, krugliko@uniyar.ac.ru

Abstract. The article analyzes the genesis and current state of the doctrine of the composition of a crime. The author analyzes in detail the meaning of the term «Corpus delicti» in the historical aspect. Notes that a number of issues regarding the concept of corpus delicti and its role in criminal law have not yet been resolved. In particular, questions about the correlation of corpus delicti with a crime, the content (elements) of corpus delicti, the criminal-legal meaning of corpus delicti, the general corpus delicti, the division of corpus delicti into types. It is concluded that it is necessary to develop a unified approach to the structures of intangible elements of crimes, which should be as follows: unless otherwise follows from the text of the law, the crime should be considered completed from the initial moment of the implementation of actions in relation to the main object of the crime.

Key words: crime; Corpus delicti; content of corpus delicti; types of corpus delicti; law.

В Средние века (XVI–XVII вв.) термин «Corpus delicti» употреблялся в сугубо процессуальном смысле. Им обозначались различные внешние следы преступления, «которые носил на себе объект преступления» [14, с. 59], например труп убитого, орудия и средства совершения преступления, следы крови и т. д., «т.е. вообще совокупность тех признаков, по которым бы можно было удостовериться в действительном совершении преступления, чтобы затем перейти к специальному разысканию преступника» [40, с. 141]. Именно этим обстоятельством можно объяснить, видимо, тот факт, что на протяжении довольно значительного времени в уголовно-правовой литературе составу преступления уделялся минимум внимания: о нем либо вовсе не упоминалось, либо говорилось вскользь. Так, известный русский ученый Н. Д. Сергеевский в пособии к лекциям по уголовному праву избегал использования словосочетания «состав преступления» и лишь в главе второй отдела IV «Приложение наказания к преступному деянию» коснулся обстоятельств, принадлежащих «к составу судимого деяния» [36, с. 361].

В конце XVIII – начале XIX в. этому термину стало придаваться уголовно-правовое значение, что связано с активной кодификацией уголовного права и появлением Особенной части в структуре уголовного законодательства [21, с. 106]. Вначале данное словосочетание появилось в лексиконе немецких криминалистов, которые перевели Corpus delicti как Thatbestand (Tatbestand) и использовали в смысле совокупности необходимых объективных признаков преступления. Длительное время процессуальное происхождение Corpus delicti, его «родимые пятна» сказывались на содержании этого понятия в уголовном праве, «почему из учения о составе преступления обыкновенно исключали учение о субъективных условиях вино-

вности» [40, с. 141]. Получалось, что вопрос о вине, субъективных (внутренних) признаках совершенного деяния не охватывался учением о составе преступления. Например, крупнейший представитель юриспруденции этой эпохи (по определению Н. Д. Сергеевского [36, с. 15]) баварский криминалист Ансельм Фейербах – приверженец кантианской философии с ее бескомпромиссным противопоставлением объективного субъективному, относил к Tatbestand только объективные признаки преступного деяния, а субъективные свойства (вину) выводил за пределы состава преступления, рассматривая их в качестве второго (наряду с Tatbestand) самостоятельного условия наступления уголовной ответственности и наказуемости лица, совершившего преступление [54].

Постепенно, однако, ряд немецких криминалистов стал трактовать содержание Tatbestand более широко, включая в него и объективные, и субъективные признаки преступного поведения. Так, еще один известный немецкий ученый-криминалист А. Ф. Бернер – приверженец гегелевской философии, признававшей единство объективного и субъективного, субъекта и объекта, – включал в состав преступления и объективное (действие, бездействие), и субъективное свойство деяния – вину лица [53]. Вместе с тем и в этот период, по свидетельству А. Н. Трайнина, в курсах буржуазного уголовного права Листа, Видаля, Ру и других авторов учению о составе преступления отводилось по несколько строк, а в значительной по объему работе К. Кенни «Основы уголовного права» состав преступления как понятие вообще не упоминается [43, с. 7].

Помимо проблемы соотношения Tatbestand с субъективными свойствами преступного деяния в немецкой доктрине не получал однозначного разрешения вопрос о соотношении состава преступления (Tatbestand) и соб-

ственно преступления. И это не случайно, ибо оставался открытым вопрос о том, что же такое состав преступления. В итоге одни юристы отождествляли эти понятия, считали их синонимичными, полагая, что состав преступления – это лишь иное наименование преступления [13, с. 49], другие придавали им разную роль и содержание. В конечном счете учение о составе преступления активно не разрабатывалось, «сама проблема предавалась забвению, особенно чувствовалось это в учебной литературе» [13, с. 50].

Данная проблема (среди прочих) «перекочевала» в уголовно-правовую теорию России, когда к середине XIX в. российские криминалисты восприняли и ввели в научный оборот *Tatbestand*, звучавший в переводе на русский язык как состав преступления. Он трактовался доктриной в широком смысле этого слова в качестве определенного числа необходимых объективных и субъективных признаков, который не может быть ни увеличен, ни уменьшен. Но и в России спектр отношений к рассматриваемому юридическому термину был достаточно широк – от полного его отрицания (по тем мотивам, что ни в одной другой науке он не используется, следовательно, и уголовное право может без него обойтись) до признания важной роли данного понятия. Однако масса неясных вопросов оставалась, а внимания им, как и в целом составу преступления, в дореволюционной русской правовой литературе уделялось крайне мало. По свидетельству А. Н. Трайнина, в учебнике профессора Н. Д. Сергеевского и в курсе уголовного права профессора Н. С. Таганцева, в котором обширно излагалось учение о преступлении, вопросы состава преступления не разрабатывались. Учебники профессоров С. В. Познышева и П. П. Пусторослева уделили этим вопросам всего одну страницу, а учебник Э. Немировского, вышедший в 1918 г., учения о составе преступления не затрагивал вовсе [43, с. 8; 13, с. 50].

Заметный всплеск интереса в отечественной науке уголовного права к учению о составе преступления наметился во второй половине 1940-х – в 1950-х гг. Толчком послужили три монографии А. Н. Трайнина [43–46]. Последовала серия статей и монографических работ, в которых рассматривались дискуссионные вопросы учения о составе преступления [2; 3; 9; 11; 19; 28; 29; 49–51]. Полемика

продолжилась на страницах юридической печати и в 1960-х гг. [1; 7; 16; 22; 24; 30; 32].

Наметились серьезные расхождения среди ученых. По настоящее время не решен ряд вопросов касательно понятия состава преступления и его роли в уголовном праве. Обозначим их:

1. О соотношении состава преступления с преступлением. Как уже ранее упоминалось, в буржуазной науке встречались попытки рассматривать эти понятия как синонимичные. «Многие считали, что состав преступления – это лишь иное наименование преступления» [13, с. 49]. В советской теории уголовного права почти всеми признавалось, что речь идет о несовпадающих явлениях и их понятиях, хотя и весьма близких. Встречаются, однако, и иные утверждения: «Проведенный логический анализ понятия состава преступления позволяет утверждать, – пишет И. Я. Гонтарь, – что он по своему содержанию и объему тождествен понятию преступления как предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, является по сути его парафразом и не содержит в себе какого-либо нового знания. Оба эти понятия в конечном итоге отражают одну и ту же объективную реальность: общественно опасное деяние и материально выраженное отражение совокупности признаков этого общественно опасного деяния в уголовном законе» [10, с. 10, 18–19]. Так, по мнению А. А. Пионтковского, понятие преступления выражает социально-политическую сущность преступного, а состав преступления – это правовое, юридическое понятие [21, с. 95–96]. Вряд ли это верно, ибо, как замечает В. Е. Жеребкин, «оба понятия в равной мере являются политическим и юридическим» [13, с. 55]. Столь же спорно, что преступление и состав преступления, их понятия соотносятся как род и вид [31, с. 43; 30, с. 115]. Думается, состав преступления (кражи, грабежа, убийства и т. д.) является продуктом мыслительной деятельности законодателя, логической структурой, передающей основное содержание понятия. Что же касается преступления, конкретного его вида, то это материальный объект, то, что реализуется субъектом преступления в жизни, наносит существенный вред (или создает реальную угрозу нанесения такого вреда) объектам уголовно-правовой охраны.

2. О содержании (элементах) состава преступления. «Господствующей является позиция, согласно которой состав преступления образуют четыре группы признаков, которые характеризуют объект, объективную сторону, субъективную сторону преступления и субъекта» [47, с. 65]. Вместе с тем в уголовно-правовой теории не раз высказывались мнения о том, что в состав преступления не должны включаться признаки объекта посягательства [17, с. 487], объекта и субъекта преступления [48, с. 87], субъекта преступления (вменяемость и возраст) [42, с. 26; 3, с. 54], причинная связь, вина [46, с. 67]. «Что же остается в составе? – резонно задавали в этой связи М. Д. Шаргородский и Н. С. Алексеев... фактически ликвидируется изучение общего состава преступления» [51, с. 189]. Существуют мнения о трехчленной структуре состава преступления, а именно «объект – деяние – субъект» [23, с. 111] и даже о двучленной его структуре: «объективная сторона – субъективная сторона» [8, с. 285].

3. Об уголовно-правовом значении состава преступления. Превалирует мнение, что состав преступления – это совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для признания определенного общественно опасного поведения в качестве преступного. Таким образом, состав преступления как юридическое понятие преступного выступает весомой юридической гарантией привлечения к уголовной ответственности лишь при наличии оснований, зафиксированных в уголовном законодательстве.

В этом плане уголовно-правовая доктрина и законодатель совершенно правильно отвергли в свое время рекомендацию В. С. Тадевосяна, предлагавшего «не детализировать в кодексе составы преступлений, а по возможности излагать их в обобщенном виде», называя в статье Особенной части лишь вид преступления (кража, мошенничество, убийство и т. д.), без раскрытия его существенных объективных и субъективных признаков [41, с. 62].

Открытие такого правового феномена, как состав преступления, сродни созданию в химии таблицы Менделеева. Благодаря ему можно вести речь о юридической структуре такого явления, как преступление, осознанно в законодательном порядке определиться

с кругом элементов, которые должны присутствовать при описании в законе соответствующего вида преступного деяния, ставить вопрос о наполнении (конкретизации) этих элементов определенным кругом признаков, о включении их в предмет доказывания по уголовному делу. Наконец, без оперирования категорией состава преступления невозможно решение вопроса об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), равно как и осуществление квалификации преступления: соотнесения признаков содеянного с признаками, указанными в Уголовном кодексе, и констатации их совпадения или несовпадения. Иначе считает И. Я. Гонтарь, полагающий, что «проблема состава преступления как основания уголовной ответственности должна быть полностью снята в уголовном праве». По его мнению, основанием должно признаваться соответствие признаков общественно опасного деяния их описанию в уголовном законе [10, с. 20]. При такой постановке вопроса составу преступления места в основании уголовной ответственности, казалось бы, действительно не находится. Но следует иметь в виду, что в представлении исследователя состав преступления – это содержащееся в уголовном законе описание признаков общественно опасного деяния. Происходит, таким образом, подмена слов без изменения содержания.

4. Об общем составе преступления (общем понятии состава преступления). Если отвлечься от споров терминологического характера, то трудно согласиться с точкой зрения о том, что понятие общего состава преступления «является надуманным, а с точки зрения судебной практики – ненужным» [13, с. 68], равно как и общее понятие состава преступления. Общее понятие состава – это абстракция; оно объемлет собой тот минимум необходимых признаков, который присущ всем составам преступлений без исключения. Так, обычно констатируют, что к обязательным признакам объективной стороны преступного поведения относится действие (бездействие) (некоторые юристы относят сюда также преступные последствия и причинно-следственную связь, забывая о том, что более половины составов в действующем УК РФ сконструированы по типу формальных, то есть в качестве необходимых признаков они в соответствующих составах

преступлений не фигурируют, а следовательно, обязательными для доказывания не являются), субъективной стороны – вина лица в форме умысла или неосторожности, субъекта – физический признак, вменяемость и достижение лицом установленного уголовным законом возраста. И только относительно объекта преступления обычно ограничиваются указанием на то, что каждый состав преступления содержит в себе характеристику объекта преступления, без него нет ни преступления, ни его состава [21, с. 97].

Известно, однако, что понятие объекта преступления объемлет различные виды объектов, выделяемые по вертикали (общий, родовой и т. д.) и по горизонтали (основной, дополнительный и т. д.), а также предмет преступного посягательства и потерпевшего. Что из этого присутствует непременно в каждом составе преступления? Представляется, что из выделяемых по горизонтали видов общественных отношений (блага, интереса) обязателен в каждом без исключения составе основной объект, то есть тот, который всегда нарушается определенным видом преступного поведения и ради охраны которого законодателем создана соответствующая уголовно-правовая норма).

Таким образом, на уровне общего понятия состава существуют шесть его признаков, без которых немислим ни один состав преступления: основной объект; действие или бездействие; вина; физический признак субъекта преступления; его вменяемость; возраст.

Из сказанного следует, что общее понятие состава преступления как абстракция позволяет поставить осмысленно вопрос о том, что входит в содержание каждого без исключения состава преступления, применив «метод обобщения признаков, свойственных всем конкретным составам преступлений...» [20, с. 251].

5. Деление составов преступлений на виды. Пожалуй, наиболее дискуссионен вопрос о выделении в теории российского уголовного права материального, формального и усеченного составов. В преступлении с материальным составом вредные последствия названы законодателем в качестве обязательного признака состава преступления (лишение жизни, хищение, вред здоровью той или иной тяжести, существенный вред, тяжкие последствия и т. д.), с формальным

составом – указание на вредные последствия отсутствует, равно как и в законодательном описании преступлений с усеченным составом, где к тому же и действие не «развернуто», дано в урезанном виде.

Большинство российских ученых признают целесообразность выделения этих видов составов. Другое дело, что их понимание разнится. Так, одни применительно к формальным составам говорят о «беспоследственных» преступлениях [2, с. 64; 52, с. 95], что вряд ли верно. Это то же, что утверждать, что существуют преступления вне времени, места и обстановки их совершения. Если и вести речь о выделении трех указанных групп, то применительно к составам преступлений, различно конструируемым законодателем, в частности материальных и формальных, «в зависимости от включения или невключения наступления вредных последствий в число признаков, характеризующих объективную сторону преступления» [12, с. 38]. Соответственно, сторонники этой позиции полагают, что в формальных составах вредные последствия выступают в качестве факультативного, необязательного признака состава преступления (В. Д. Меньшагин, В. Н. Кудрявцев, Т. В. Церетели, В. И. Курляндский и др.).

Противники такого деления не согласны с данной постановкой вопроса. По их мнению, вредное последствие является обязательным признаком любого состава, но применительно не ко всякому преступлению оно подлежит специальному доказыванию в суде [43, с. 140; 26]. «В так называемых "формальных" преступлениях, – утверждает Н. Ф. Кузнецова, – преступные последствия не требуют особого доказательства, а в "материальных" они доказываются судом специально, отдельно от действий»; вместе с тем, «преступное последствие является обязательным элементом состава преступления [17, с. 57]. Даже если бы дело обстояло именно так, то и тогда трудно согласиться с утверждением, что более идет спор о словах и различие между материальными и формальными составами «непринципиально и не заслуживает того большого внимания, которое ему уделяется в нашей литературе» [17, с. 65–66]. То обстоятельство, что в одном случае специальное доказывание требуется, а в другом – нет, подсказывает, что такое положение возникает не на пустом месте, су-

ществуют какие-то особенности отражения вредных последствий в законе.

По мнению А. Н. Трайнина и его сторонников, эти особенности заключены в том, что преступное последствие: а) может носить нематериальный характер и потому трудно фиксируемо в законодательстве и на практике: б) оно сливается с деянием (например, при клевете или оскорблении). По нашим подсчетам, в действующем УК РФ свыше половины составов – формальные, то есть в них вредные последствия четко не обозначены. Но, во-первых, такие последствия не всегда носят нематериальный характер. Например, производство и сбыт немаркированной продукции, совершенные в крупном размере (ст. 171¹), – это экономическое преступление, способное причинить крупный материальный ущерб потребителю и в целом обществу, однако признак материального ущерба в качестве конститутивного в статье не указывается. Во-вторых, не всегда в законе последствия сливаются с действием. Так, в ст. 215³ в качестве альтернативного криминообразующего признака называется нарушение нормальной работы, которое возникло либо могло возникнуть. Тем самым закон различает фактически наступающие вредные последствия («повлекло нарушение») и угрожаемые («могло повлечь»). Во втором случае нет «материального» состава, поскольку наступление вреда не выступает обязательным требованием для такого преступления, как приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, а потому немислимо слияние действия (бездействия) и вредного последствия. Такого слияния в законе и не происходит.

Отсюда связывание формальных составов с нематериальным вредом, а по характеру описания в законе – влекущих слияние с деянием (действием, бездействием), от которого якобы невозможно отделить вредные последствия, недостаточно обоснованно, хотя, видимо, вполне мыслимы и ситуации, о которых говорят противники рассматриваемого деления.

Столь же спорны доводы против выделения «усеченных» составов, к каковым теория и практика относят, в частности, разбой, вымогательство, бандитизм, пиратство, получение права и чужого имущества при мошенничестве.

Как отмечается в отечественной уголовно-правовой литературе [17, с. 68], проблема «усеченных» составов уходит своими корнями в работы немецких криминалистов конца XIX и начала XX в. (Биндинга и др.). В дореволюционном праве России эта проблема обсуждалась в работах А. М. Круглевского и С. П. Мокринского [15; 25]. В советское время об «усеченных» составах писал ряд ученых и практических работников: Н. Д. Дурманов, М. Д. Шаргородский, Н. Меркушев, Н. Дворкин и др. [12, с. 35; 39, с. 276; 38, с. 58; 37; 27, с. 25]. По мнению сторонников признания усеченных составов, конструкция последних – это законодательно-технический прием, используемый в целях активизации борьбы с отдельными категориями опасных преступлений. Законодатель сознательно переносит момент окончания таких преступлений на более раннюю стадию – приготовления или покушения на преступление, хотя фактически в жизни преступление, как правило, продолжается. Имеет место так называемая юридическая фикция.

Сообразно этому Н. Д. Дурманов писал, что «об оконченом преступлении можно говорить в двояком смысле: или в смысле конструкции оконченого преступления в законе, то есть в соответственной статье Особенной части, или же в смысле определения конкретного оконченого преступления в судебной практике»; «...судебная практика... при определении оконченого преступления исходит из характера формулировки состава данного преступления в статье Особенной части советского уголовного закона» [12, с. 35].

Возражая ему, указывают, что судебная практика понимает оконченое преступление «так, как законодатель формулирует составы преступлений» [17, с. 70]. Но против этого никто и не спорит. Речь идет о том, что разбой, согласно закону, полагается оконченом с момента нападения и применения насилия, опасного для жизни или здоровья, а фактически (в жизни, в реальности) это преступление не ограничивается нападением в целях хищения, а продолжается до реального изъятия и завладения чужим имуществом. Значит, существует временной разрыв между моментом окончания посягательства в юридическом смысле и фактическим его окончанием. Законодатель намеренно (искусственно) передвигает момент окончания

разбоя и других преступлений с фактического окончания на более раннюю стадию – покушения либо (в других случаях) приготовления. Так, бандитизм определяется в законе (ст. 209 УК РФ), в частности, как создание банды в целях нападения на граждан или организации. Здесь законодателем окончание преступления связывается со стадией приготовления. «Создание вооруженной банды, – сказано в абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1, – является в соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ *оконченным составом преступления* (курсив наш. – Л. К.) независимо от того, были ли совершены планировавшиеся ею преступления» [35, с. 260].

Вместе с тем следует согласиться, во-первых, с тем, что наименования (материальные, формальные, усеченные составы) не совсем удачны, поскольку неадекватны содержанию отражаемых ими терминов. Путь здесь только один: совершенствование обозначений; во-вторых, с тем, что «практический смысл всякой теоретической проблемы уголовного права определяется тем, способствует ли эта проблема задачам точной квалификации преступлений и индивидуализации виновных или нет» [17, с. 65]. Н. Ф. Кузнецова далее утверждает, однако, что концепция деления преступлений на «формальные» (беспоследственные составы) и «материальные» (с последствиями) мало чем помогает при решении этих вопросов.

Если даже это так, то все-таки – помогает и, заметим, вопреки утверждению «мало чем» – в немалой степени. Трехчленное деление ценно тем, что позволяет правоприменителю в процессе квалификации преступления правильно установить юридический момент окончания посягательства. Если законодатель связывает момент окончания последнего с наступлением последствий (преступление с материальным составом), преступление может считаться оконченным по наступлении вредных последствий. Если посягательство сконструировано в законе по типу формального состава, оно полагается оконченным по совершении деяния (действия, бездействия), например, оскорбление, клевета, заведомо ложный донос, побег, дезертирство, самовольная отлучка. Если налицо усеченный состав, момент окончания преступления законодатель связывает с по-

кушением или – в других случаях – со стадией приготовления к преступлению (юридическая фикция, поскольку фактически преступление продолжается). Разве сказанное не способствует квалификации преступлений, а равно индивидуализации ответственности и наказания?

Отрицание факта существования анализируемых конструкций наносит ощутимый урон и теории, и практике. В частности, вместо назревшей дискуссии об уточнении границ понятия каждой из трех конструкций, их разновидностей (в частности, нуждается в выделении конструкция преступления с формально-материальным составом (например, ст. 215³)), об унифицировании взглядов на момент окончания преступлений с формальным и усеченным составами и т. д. ведется, как представляется, малопродуктивная дискуссия по вопросу, существуют в природе такие конструкции либо нет. Вопрос сам по себе, может, и важный, но не пора ли делать серьезный шаг вперед? Нетрудно заметить, что простой констатации использования законодателем различных конструкций в зависимости от его решения по определению момента окончания преступления явно недостаточно: в одних нормах этот момент связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия), причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекших преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приготовительными действиями. Если оставаться в рамках выделяемых трех конструкций, необходимо четче определить разграничительные линии между ними и объем каждого понятия, а затем обрисовать их разновидности. Нуждаются в дополнительном осмыслении причины, побуждающие законодателя прибегнуть к одной из шести разновидностей конструкции состава, равно как и то, насколько обоснованно толкуется момент окончания преступления применительно к той или иной конструкции его состава.

Анализ УК РФ 1996 г. показывает, что доля материальных составов в нем относительно невелика. Это позволяет сделать

ряд важных выводов. Во-первых, далеко от действительности утверждение, приводимое в ряде учебников и курсов по уголовному праву, что последствия (а отсюда и причинная связь) – обязательный признак всякого состава преступления (Р. Р. Галиакбаров, В. Д. Филимонов, Н. Ф. Кузнецова и др.). Ведь они фигурируют менее чем в половине составов, а отсюда последствия – столь же факультативный признак, как и способ, орудия и средства совершения преступления и т. д. Во-вторых, поскольку последствия – один из важнейших криминообразующих признаков, сомнительно столь редкое применение в законодательстве конструкций материального состава. В-третьих, необходимо большее внимание теории и практики к иным (помимо материальных) видам состава преступления, особенно в части определения момента окончания посягательства. В одних случаях судебно-следственная практика в этих вопросах уже определилась. Скажем, относительно составов создания опасности (таковых в УК РФ около 20) сложилось твердое мнение, что речь идет о возникновении «такой ситуации либо таких обстоятельств, которые повлекли бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы не были прерваны вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли причинителя вреда. Угроза при этом предполагает наличие конкретной опасности реального причинения вреда (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 по делам об экологических правонарушениях) [35, с. 271]. Когда речь идет о конструкции состава, где окончание преступления связывается с совершением фактически приготавливательных действий (организацией незаконного вооруженного формирования, созданием банды, преступного или экстремистского сообщества и т. д.), состав полагается осуществленным в момент возникновения такого объединения, наделенного всей совокупностью присущих ему признаков (см., например, п. 7 постановления № 1 по делам о бандитизме). Если деяние характеризуется в уголовном законе как посягательство, требование, призывы и т. п. (разбой, вымогательство, призывы к неподчинению), его окончание определяется моментом нападения, предъявления требования, озвучивания призывов и др.

Сложнее оценить ситуации, когда в диспозиции статьи действие обозначается отглагольным существительным: «воспрепятствование», «вмешательство», «выращивание», «привлечение», «вовлечение», «фальсификация», «изготовление», «принуждение» и т. п. Ясно, что речь идет о процессе осуществления деяния, имеющем, следовательно, а) протяженность во времени, б) незавершенный или завершенный характер, в) а при завершении – как успешным, так и безуспешным. Как в этом случае определить момент окончания преступления?

Юристы в этом вопросе весьма расходятся. Скажем, полагаются оконченными: изнасилования – «с момента начала полового акта, акта мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера... независимо от их завершения и наступивших последствий» (п. 5 постановления № 11 по делам об изнасиловании) [5], незаконная охота и рыболовство – с момента начала добычи, «независимо от того, были ли фактически добыты водные животные или растения, рыба или иные животные» (п. 17 постановления № 14), угон транспортного средства – с момента отъезда с места, на котором оно находилось (п. 15 постановления № 50 по делам о транспортных преступлениях) [35, с. 193–194], изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг – с момента готовности хотя бы одной такого рода единицы (п. 4 постановления № 1 по делам о фальшивомонетничестве) [35, с. 202], взяточничество – с момента принятия получателем хотя бы части взятки (п. 11 постановления № 6 по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе) [35, с. 289], посев запрещенных к возделыванию растений – с момента посева независимо от последующего всхода либо произрастания растений (п. 29 постановления № 14 по делам о незаконном обороте наркотиков) [6] и т. д. Иначе говоря, в одних случаях момент юридического окончания деяний связывается с началом осуществления деятельности, в других – с ее физическим завершением, в третьих – с успешным (хотя бы частично) итогом для виновного.

О неустойчивости практики свидетельствует ее позиция и по составам вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия. Одно время предлагалось считать преступление оконченным, если воздей-

ствие на подростка было успешным, в противном случае действия взрослого должны были расцениваться как покушение на вовлечение (п. 10 постановления № 16 по делам о преступлениях несовершеннолетних) [34, с. 160], в 2000 г. Пленум связал окончание этого преступления с моментом вовлечения, независимо от того, совершил ли подросток противоправные действия (п. 8 постановления № 7 по делам о преступлениях несовершеннолетних) [55, с. 102].

Изложенное свидетельствует о необходимости выработать единый подход к конструк-

циям нематериальных составов преступлений. Думается, он должен заключаться в следующем: если из текста закона не вытекает иного, преступление надлежит полагать оконченным с начального момента осуществления действий в отношении основного объекта преступления. Скажем, браконьерство – с момента начала добычи зверя, птицы, растения, изнасилование – полового акта, вовлечение – воздействия с преступными намерениями и т. д.

Список литературы: _____

1. **Брайнин Я. М.** Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – Москва, 1963.
2. **Брайнин, Я. М.** Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин // Советское государство и право. – 1952. – № 7.
3. **Брайнин, Я. М.** Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин // Юридический сборник. – № 4. – Киев, 1950.
4. **Брайнин, Я. М.** Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин // Ученые записки Киевского ун-та им. Т. Г. Шевченко. – 1950. – Т. IV. – Вып. IV.
5. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 8.
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 8.
7. **Гельфер, М. А.** Состав преступления / М. А. Гельфер. – Москва, 1960.
8. **Герцензон, А. А.** Уголовное право. Часть Общая / А. А. Герцензон. – Москва, 1948.
9. **Герцензон, А. А.** Понятие преступления / А. А. Герцензон. – Москва, 1955.
10. **Гонтарь, И. Я.** Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997.
11. **Дурманов, Н. Д.** Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. Москва, 1948.
12. **Дурманов, Н. Д.** Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – Москва, 1955.
13. **Жеребкин, В. Е.** Логический анализ понятий права / В. Е. Жеребкин. – Киев, 1976.
14. **Кистяковский, А. Ф.** Элементарный учебник общего уголовного права. / А. Ф. Кистяковский. – Киев, 1875. – Т. 1. Общая часть.
15. **Круглевский А. М.** Имущественные преступления. Санкт-Петербург, 1913.
16. **Кудрявцев, В. Н.** Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва, 1963.
17. **Кузнецова, Н. Ф.** Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 2003.
18. **Курляндский, В. И.** Вопросы основания уголовной ответственности / В. И. Курляндский // Вопросы уголовного права. – Москва, 1966.
19. **Курляндский, В. И.** Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права / В. И. Курляндский // Советское государство и право. – 1951. – № 11.
20. Курс советского уголовного права (Часть Общая). – Ленинград, 1968. – Т. 1.
21. Курс советского уголовного права : в 6 т. – Москва, 1970. – Т. 2.
22. **Лясс, Н. В.** К вопросу об основаниях уголовной ответственности / Н. В. Лясс // Вестник ЛГУ. – 1960. – № 17.
23. **Мальков, В. П.** Состав преступления в теории и законе / В. П. Мальков // Государство и право. 1996. № 7..
24. **Меркушев, М. Н.** Понятие преступления и понятие состава преступления в советском уголовном праве / М. Н. Меркушев // Вопросы уголовного права и процесса. – Минск, 1960. – Вып. 2.
25. **Мокринский, С. П.** Наказание, его цели и предположения / С. П. Мокринский. – Томск, 1902. – Т. 2.
26. **Никифоров, Б. С.** Об объекте преступления / Б. С. Никифоров // Советское государство и право. – 1948. – № 9.
27. **Пионтковский, А. А.** Курс советского уголовного права / А. А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. – Москва, 1955. – Т. 1.
28. **Пионтковский, А. А.** Основание уголовной ответственности / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1959. – № 11.
29. **Пионтковский, А. А.** Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1954. – № 6.
30. **Пионтковский, А. А.** Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – Москва, 1961.

31. **Полячек, Ф.** Состав преступления по чехословацкому уголовному праву / Ф. Полячек. – Москва, 1960.
32. **Санталов, А. И.** Состав преступления и некоторые вопросы Общей части уголовного права / А. И. Санталов // Правоведение. – 1960. – № 1.
33. **Сахаров, А. Б.** К вопросу о понятии состава преступления / А. Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1952. – № 7.
34. Сборник действующих постановлений пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. – Москва, 1999.
35. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. – 3-е изд. – Москва, 2003.
36. **Сергеевский, Н. Д.** Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая. / Н. Д. Сергеевский. – Изд. 11-е. – Петроград, 1915.
37. Советская книга. – 1947. – № 5.
38. Советская юстиция. – 1939. – № 2.
39. Советское уголовное право. Часть Общая. – Москва, 1952.
40. **Таганцев, Н. С.** Русское уголовное право : лекции : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – Москва, 1994. – Т. 1. – Часть общая.
41. **Тадевосян, В. С.** К разработке проекта Уголовного кодекса РСФСР / В. С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1954. – № 4.
42. **Трайнин, А. Н.** Избранные труды / А. Н. Трайнин. – Санкт-Петербург, 2004.
43. **Трайнин, А. Н.** Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – Москва, 1957.
44. **Трайнин, А. Н.** Понятие преступления и состав преступления / А. Н. Трайнин // Советское государство и право. – 1955. – № 7.
45. **Трайнин, А. Н.** Состав преступления по советскому уголовному праву / А. Н. Трайнин. – Москва, 1951.
46. **Трайнин, А. Н.** Учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – Москва, 1946.
47. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / В. А. Андриенко, И. П. Лесниченко, Ю. Е. Пудовочкин, П. В. Разумов. – Москва, 2006.
48. **Фефелов, П. А.** Основания уголовной ответственности в советском праве / П. А. Фефелов // Советское государство и право. – 1983. – № 12.
49. **Церетели, Т. В.** Состав преступления как основание уголовной ответственности / Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили // Советское государство и право. – 1954. – № 5.
50. **Чихвадзе, В. М.** Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве / В. М. Чихвадзе // Советское государство и право. – 1955. – № 4.
51. **Шаргородский, М. Д.** Актуальные вопросы советского уголовного права / М. Д. Шаргородский, Н. С. Алексеев // Учен. записки ЛГУ. Серия юридических наук. – 1954. – Вып. 5.
52. **Шаргородский, М. Д.** Вопросы Общей части уголовного права / М. Д. Шаргородский. – Ленинград, 1955.
53. **Berner, A.** Lehrbuch des deutschen Strafrechts. – 1871.
54. **Feuerbach, A.** Lehrbuch des gemeinen in Deutschland geltigen peinlichen Rechts. Mit vielen Anmerkungen herausg. – 1847.

References:

1. Brajnin YA. M. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave / YA. M. Brajnin. – Moskva, 1963.
2. Brajnin, YA. M. Nekotorye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya v sovetskom ugovnom prave / YA. M. Brajnin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1952. – № 7.
3. Brajnin, YA. M. Nekotorye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya v sovetskom ugovnom prave / YA. M. Brajnin // YUridicheskij sbornik. – № 4. – Kiev, 1950.
4. Brajnin. YA. M. Nekotorye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya v sovetskom ugovnom prave / YA. M. Brajnin // Uchenye zapiski Kievskogo un-ta im. T. G. Shevchenko. – 1950. – T. IV. – Vyp. IV.
5. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2004. – № 8.
6. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. – 2006. – № 8.
7. Gel'fer, M. A. Sostav prestupleniya / M. A. Gel'fer. – Moskva, 1960.
8. Gercenzon, A. A. Ugolovnoe pravo. CHast' Obshchaya / A. A. Gercenzon. – Moskva, 1948.
9. Gercenzon, A. A. Ponyatie prestupleniya / A. A. Gercenzon. – Moskva, 1955.
10. Gontar', I. YA. Prestuplenie i sostav prestupleniya kak yavleniya i ponyatiya v ugovnom prave (logiko-metodologicheskie aspekty) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / I. YA. Gontar'. – Vladivostok, 1997.
11. Durmanov, N. D. Ponyatie prestupleniya / N. D. Durmanov. Moskva, 1948.
12. Durmanov, N. D. Stadii soversheniya prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu / N. D. Durmanov. – Moskva, 1955.
13. ZHerebkin, V. E. Logicheskij analiz ponyatij prava / V. E. ZHerebkin. – Kiev, 1976.
14. Kistyakovskij, A. F. Elementarnyj uchebnik obshchego ugovnogo prava. / A. F. Kistyakovskij. – Kiev, 1875. – T. 1. Obshchaya chast'.
15. Kruglevskij A. M. Imushchestvennye prestupleniya. Sankt-Peterburg, 1913.
16. Kudryavcev, V. N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij / V. N. Kudryavcev. – Moskva, 1963.
17. Kuznecova, N. F. Izbrannye trudy / N. F. Kuznecova. – Sankt-Peterburg, 2003.

18. Kurl'yandskij, V. I. Voprosy osnovaniya ugovnoy otvetstvennosti / V. I. Kurl'yandskij // Voprosy ugovnogo prava. – Moskva, 1966.
19. Kurl'yandskij, V. I. Nekotorye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya v teorii sovetskogo ugovnogo prava / V. I. Kurl'yandskij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1951. – № 11.
20. Kurs sovetskogo ugovnogo prava (CHast' Obshchaya). – Leningrad, 1968. – T. 1.
21. Kurs sovetskogo ugovnogo prava : v 6 t. – Moskva, 1970. – T. 2.
22. Lyass N. V. K voprosu ob osnovaniyah ugovnoy otvetstvennosti // Vestnik LGU. 1960. № 17.
23. Mal'kov, V. P. Sostav prestupleniya v teorii i zakone / V. P. Mal'kov // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 7..
24. Merkushev, M. N. Ponyatie prestupleniya i ponyatie sostava prestupleniya v sovetskom ugovnom prave / M. N. Merkushev // Voprosy ugovnogo prava i processa. – Minsk, 1960. – Vyp. 2.
25. Mokrinskij, S. P. Nakazanie, ego celi i predpolozheniya / S. P. Mokrinskij. – Tomsk, 1902. – T. 2.
26. Nikiforov, B. S. Ob ob"ekte prestupleniya / B. S. Nikiforov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1948. № 9.
27. Piontkovskij, A. A. Kurs sovetskogo ugovnogo prava / A. A. Piontkovskij, V.D. Men'shagin. – Moskva, 1955. – T. 1.
28. Piontkovskij, A. A. Osnovanie ugovnoy otvetstvennosti / A. A. Piontkovskij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1959. – № 11.
29. Piontkovskij, A. A. Ukreplenie socialisticheskoy zakonnosti i osnovnye voprosy ucheniya o sostave prestupleniya / A. A. Piontkovskij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1954. № 6.
30. Piontkovskij, A. A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovnomu pravu / A. A. Piontkovskij. – Moskva, 1961.
31. Polyachek, F. Sostav prestupleniya po chekhoslovackomu ugovnomu pravu / F. Polyachek. – Moskva, 1960.
32. Santalov, A. I. Sostav prestupleniya i nekotorye voprosy Obshchej chasti ugovnogo prava / A. I. Santalov // Pravovedenie. – 1960. – № 1.
33. Saharov, A. B. K voprosu o ponyatii sostava prestupleniya / A. B. Saharov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1952. – № 7.
34. Sbornik dejstvuyushchih postanovlenij plenumov Verhovnyh Sudov SSSR, RSFSR i Rossijskoj Federacii po ugovnym delam s kommentariyami i poyasneniyami. – Moskva, 1999.
35. Sbornik postanovlenij Plenumov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po ugovnym delam. – 3-e izd. – Moskva, 2003.
36. Sergeevskij, N. D. Russkoe ugovnoe pravo : posobie k lekciyam. CHast' obshchaya. / N. D. Sergeevskij. – Izd. 11-e. – Petrograd, 1915.
37. Sovetskaya kniga. – 1947. – № 5.
38. Sovetskaya yusticiya. – 1939. – № 2.
39. Sovetskoe ugovnoe pravo. CHast' Obshchaya. – Moskva, 1952.
40. Tagancev, N. S. Russkoe ugovnoe pravo : lekcii : v 2 t. / N. S. Tagancev. – Moskva, 1994. – T. 1. CHast' obshchaya.
41. Tadevosyan, V. S. K razrabotke proekta Ugovnogo kodeksa RSFSR / V. S. Tadevosyan // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1954. – № 4.
42. Trajnin, A. N. Izbrannye trudy / A. N. Trajnin. – Sankt-Peterburg, 2004.
43. Trajnin, A. N. Obshchee uchenie o sostave prestupleniya / A. N. Trajnin. – Moskva, 1957.
44. Trajnin, A. N. Ponyatie prestupleniya i sostav prestupleniya / A. N. Trajnin // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1955. – № 7.
45. Trajnin, A. N. Sostav prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu / A. N. Trajnin. – Moskva, 1951.
46. Trajnin, A. N. Uchenie o sostave prestupleniya / A. N. Trajnin. – Moskva, 1946.
47. Ugovnaya otvetstvennost': ponyatie, problemy realizacii i polovozrastnoj differenciacii / V. A. Andrienko, I. P. Lesnichenko, YU. E. Pudovochkin, P. V. Razumov. – Moskva, 2006.
48. Fefelov, P. A. Osnovaniya ugovnoy otvetstvennosti v sovetskom prave / P. A. Fefelov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1983. – № 12.
49. Cereteli, T. V. Sostav prestupleniya kak osnovanie ugovnoy otvetstvennosti / T. V. Cereteli, V.G. Ma-kashvili // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1954. – № 5.
50. CHkhikvadze, V. M. Ponyatie i znachenie sostava prestupleniya v sovetskom ugovnom prave / V. M. CHkhikvadze // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1955. – № 4.
51. SHargorodskij, M. D. Aktual'nye voprosy sovetskogo ugovnogo prava / M. D. SHargorodskij, N. S. Alekseev // Uchen. zapiski LGU. Seriya yuridicheskikh nauk. – 1954. – Vyp. 5.
52. SHargorodskij, M. D. Voprosy Obshchej chasti ugovnogo prava / M. D. SHargorodskij. – Leningrad, 1955.
53. Berner, A. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. – 1871.
54. Feuerbach, A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland giltigen peinlichen Rechts. Mit vielen Anmerkungen berausg. – 1847.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ

Голоскоков Леонид Викторович,

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, РФ, Москва, e-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

Р е ф е р а т. В статье раскрывается понятие гибридной войны, под которой автор подразумевает войну нового типа, проводимую без признаков открытого нападения и внешней агрессии, без применения обычных вооружений, совершаемую группой лиц без объявления начала своих действий, без публичного обозначения объекта нападения, целей, методов и планируемых результатов. Рассматриваются проявления подобных конфликтов на конкретных примерах. Отмечается, что гибридная война не имеет определения в российском законодательстве, что является одним из препятствий по ее идентификации, нахождению средств противодействия, определению противника, его нейтрализации и наказания. Автор делает акцент на том, что уголовное право может отреагировать на появление новых угроз вводом в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи об ответственности за ведение гибридной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гибридная война; уголовное право; уголовный кодекс; наркомафия; финансы; экономика.

UDC 343.337

CRIMINAL LAW AND HYBRID WARS

Goloskokov leonid Victorovich,

Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Research Department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, RF, Moscow, e-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

A b s t r a c t. The article reveals the concept of hybrid war, by which the author means a war of a new type, conducted without signs of open attack and external aggression, without the use of conventional weapons, committed by a group of persons without declaring the beginning of their actions, without publicly identifying the object of the attack, goals, methods and planned results ... The manifestations of such conflicts are considered with specific examples. It is noted that hybrid warfare is not defined in Russian legislation, which is one of the obstacles to its identification, finding means of countering, defining the enemy, neutralizing him and punishing him. The author emphasizes that criminal law can respond to the emergence of new threats by introducing an article on responsibility for conducting a hybrid war into the Criminal Code of the Russian Federation.

K e y w o r d s : hybrid war; criminal law; criminal code; drug mafia; finance; economics.

Ситуация в мире постоянно балансирует на грани большой войны, и пока этот баланс обеспечивают многие обстоятельства, среди которых, полагаем, важное место занимают локальные и гибридные войны. Большие конфликты частично замещаются гибридными, поскольку вполне выполняют многие задачи горячей войны. Не будем останавливаться на локальных противостояниях, потому что они идут с применением обычного оружия, а рассмотрим новые батальи гибридного типа.

Гибридные войны – это методы ведения войны без применения обычного оружия, и

они известны человечеству так же давно, как и войны с оружием. Так, в трактате «Дао дэ цзин», который приписывается Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.), утверждается: «Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью» [3, с. 131]. Трактат Сунь-цзы «О военном искусстве» (IV в. до н. э.), который был основой военной доктрины Китая и Японии, наставлял: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы

ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если его ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» [3, с. 202–203].

Заметим, что почти все эти наставления касаются методов ослабления и расстройства противника разными способами, но без оружия. Далее, в главе третьей «Стратегическое нападение» трактат учит: «Поэтому тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго. Он обязательно сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Поэтому и можно, не притупляя оружия, иметь выгоду – это и есть правило стратегического нападения» [3, с. 205].

Если вспомнить холодную войну США и Запада против СССР, то станет ясно, что все эти наставления и были использованы, ее результаты точно такие, как предписывал получить трактат Сунь-цзы, – полная победа без притупления оружия.

Но чем сегодня отличается сфера управления государством от Политбюро СССР, в котором вряд ли кто читал данный трактат? Не поняв, что против нас идет именно война, в стране после 1945 г. произвели к 1991 г. примерно 62 тыс. танков (как всегда, генералы готовились к прошлой войне), ни один из которых не выстрелил в защиту государства в 1991 г. Не понимая, что сегодня против нас ведется сразу много гибридных войн, мы в недалеком будущем можем сдать ряд позиций и проиграть.

Сегодня гибридные войны представляют собой, как правило, тонкие и не всегда заметные процессы. Инспирируются они зарубежными силами, действующими как скрытно, так и без особой маскировки. Их гибридность проявляется во множестве аспектов – в использовании и комбинации самых различных методов, стратегий, тактик, разнообразных ресурсов: финансы, средства массовой

информации, идеи, пропаганда, реклама, стиль жизни, технологи, Интернет – что угодно. Один из важнейших ресурсов – это люди. Разумеется, это люди противника – профессионалы, ведущие тайную войну, а также в гораздо большем количестве – это люди страны-жертвы, которые под руководством или тонким управлением извне сами разрушают свою страну в степени, не сравнимой с усилиями зарубежных профессионалов, которых, возможно, не так уж и много. Для этого профессионалы страны-агрессора разрабатывают сложные и невидимые комбинации, заставляющие людей страны-жертвы работать против своей страны.

Гибридная война не имеет определения в законодательстве, что является одним из препятствий по ее идентификации, нахождению средств противодействия, определению противника, его нейтрализации и наказания. П. А. Цыганков считает, что в такой войне «трудно разделить вооруженные действия, угрозы, переговоры, четко разграничиваемые в классическом понимании войны. Не менее сложно идентифицировать носителя главной угрозы: являются ли таковыми террорист (террористическое формирование), враждебная идеология, акт вооруженного насилия, экономическое преступление» [5].

Современная гибридная война такова, что страна-жертва чаще всего не знает, что против нее воюют, а организатор войны полагает, что ее наилучший результат будет тогда, когда противник будет уничтожен, так и не узнав, что против него велась гибридная война. Таким образом, гибридная война может характеризоваться отсутствием объявления войны, видимой причастности к ней нападающей стороны, а объектом, на который нацелена нападающая сторона, может быть что угодно: инфраструктура, военные и гражданские объекты, системы связи и управления, здоровье и жизнь людей, минимизация возможностей и эффективности науки, образования, медицины и др.

Гибридная война должна создать впечатление у страны-жертвы, что ее результаты обусловлены стечением обстоятельств, случайностями, собственными ошибками чиновников, виной определенных групп своих лиц, министерств и ведомств – чем угодно, кроме указаний на страну-агрессора и ее структуры.

Рассмотрим точку пересечения уголовного права с информационными технологиями, в которой, по нашему мнению, происходят наиболее опасные процессы, которые вполне можно назвать войной без всяких натяжек, поскольку имеются большие человеческие жертвы. Но это война гибридная, когда наши люди погибают не от применения оружия, а от действия сетевых технологий: интеграции сетей наркомафии, сетей, в которых происходит оплата наркотиков посредством криптовалюты, а также банковских цифровых электронных сетей. Первые две сети работают вне правового поля, а последняя – банковские сети – во вполне легальном поле, помогая без афиширования переправлять потоки денег от наркотиков за рубеж, маскируя их разными способами.

Данная война стала возможной благодаря предельной коррупции тоже сетевого типа. М. Р. Юсупов и А. Я. Минин пишут об этом: «Сетевая коррупция протекает в рамках коррупционной сети, что позволяет институционализировать процедуры. Она является организованной институциональной коррупцией регулярного, постоянно осуществляемого экономического, политического или социального обмена» [6].

Переводя на более простой язык смысл такой коррупции, можно описать ее как распределенные по стране преступные сети наркоторговли, в которые включены в регионах чиновники, правоохранители и власти. Это сети наркобизнеса. Хорошо, что понимание наличия сетевой коррупции пришло к нашим ученым, но это не дало пока никаких результатов, потому что правоохранительные органы продолжают бороться против сетевой структуры точечными ударами по ее отдельным узлам, которые быстро заменяются на новые, и сеть продолжает работать. Против сетевой структуры нужно бороться сетевыми методами. Иерархическая структура правоохранительных органов и ее методы работы для уничтожения сетевой преступной структуры не пригодны – они имеют чрезвычайно низкую эффективность.

Рассмотрим данные, представленные в 2012 г. директором ФСКН В. Ивановым. Он сообщил, что в России в возрастной категории от 15 до 34 лет умирает ежегодно примерно 105 тысяч человек, из которых 70 % по причине употребления наркотиков [7]. Проведем

простейшие расчеты: 70 % от 105 тысяч – это 73 500 человек в год. В Афганистане во время войны погибало ежегодно 1383 советских воина. 73 500 умерших в год от употребления наркотиков делим на 1383 погибших в год в Афганистане и получаем 53. Это значит, что сегодня наркотики убивают столько же людей, сколько Россия теряла бы, если вела 53 афганских войны одновременно. Поскольку официальной войны нет, погибшие не проходят по статистике Министерства обороны, тем более что это не военнослужащие, а гражданские лица. Однако благодаря ухищрениям статистики, они не проходят и по ведомству МВД, хотя это как раз не внешние дела, а внутренние – гибнут наши люди.

Предложения, которые можно внести по линии уголовного права, простые, правильные, но пока нереалистичные. Тем не менее других нет, если мы не выходим за рамки уголовного права и процесса. Нужно признать наличие убитых наркотиками именно как убитых. По каждому такому случаю необходимо возбуждать уголовное дело и проводить расследование. Понятно, что на это предложение ответят следователи: 1) нет никаких юридических оснований возбуждать уголовное дело (ст. 105–108 УК РФ не позволяют делать вывод об убийстве – человек сам умер); 2) следователи и сейчас не успевают вести следствие по существующим делам, а по новым делам нужно не просто формально возбудить дело и прийти к тому, что след, ведущий к наркобарону, не выявлен, а все-таки найти и размотать цепочку до конца, иначе зачем тогда все это затевать. Найдутся и другие объяснения, чтобы и дальше ничего не делать в этом направлении.

Как видим, правоохранительные органы и государство в целом имеют удобную позицию, только вот куда деть 73 тысячи ежегодно погибающих от деятельности наркомафии? Даже если предположить, что экспертные данные неточные (а это всегда так), и число погибающих в два, три или пять раз меньше, это ничего не меняет по сути дела – погибают наши люди.

В силу длительности, эффективности и скрытности этого процесса его можно считать гибридной войной, которую развязали против России группы лиц, структуры, организации, которые создали многочисленные сети потоков наркотиков, сети наркомафии,

сплетенные с банковскими электронными цифровыми сетями, цель которых – получение сверхприбыли, отмывание и легализация денег, а заодно и ослабление страны, убийство ее граждан, которые к удовольствию организаторов гибридной войны в стране жертве никто и не думает признавать убийствами, что позволяет им вести войну так же успешно и дальше. И совершенно не важно, что, возможно, интересы развязавших гибридную войну лежат прежде всего в сфере финансовой, в сфере обогащения, а трупы – побочный результат их деятельности. Но это для них так, а для нас жизни наших людей должны быть на первом месте.

Существует много видов гибридных войн. Так, известный ученый, академик РАН и РАН депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва доктор медицинских наук, профессор Г. Г. Онищенко в интервью радио «Комсомольская правда» дал следующее объяснение: «21 век – это век гибридных войн. Все, что происходит вокруг коронавируса, – имеет все признаки этой гибридной войны. То есть, когда на в общем-то серьезную эпидемиологическую ситуацию, которая на сегодняшний день насчитывает за 11 месяцев 40 миллионов 564 тысячи 75 случаев заболевших, 27 миллионов 835 тысяч 575 выздоровевших, активных случаев 11 миллионов и умерших 1 миллион 123 тысячи 767. Это по 189 странам. Напоминаю, что на планете официально 204 страны. Такая статистика. Поэтому это действительно серьезная эпидситуация. Летальность, то есть число умерших от числа заболевших, 2,77 %. При гриппе она выше... когда у нас был свиной грипп, у нас летальность была очень высокая, порядка 30 %» [4].

Однако так считает не только наш депутат. Есть научные публикации, показавшие, что уровень смертности от коронавируса в разгар пандемии был не выше обычных значений смертности от гриппа даже в китайском городе Ухань [7]. Об этой же ситуации академик С. Ю. Глазьев пишет, что «многие наблюдатели считают разворачивающийся финансовый кризис управляемым ведущими олигархическими кланами с целью очередной стерилизации избыточной денежной массы и перераспределения в свою пользу активов» [2].

Не наша задача в этой работе оценивать материальный, экономический ущерб от последствий гибридной войны, закамуфлированной под коронавирус (при том, что сам вирус, конечно, есть), ущерб от потерянных бизнесов, которые не принесут больше налоги, ущерб от образовавшейся безработицы. Сумма всех видов ущерба явно такая, что сравнима с большой горячей войной. Тот, кто затевает такие войны, хорошо просчитывает ситуацию, – практически везде вся ответственность будет переложена на безликий и неуловимый коронавирус. Результат же гибридной войны получился тот, который требуется: нападающий остался в стороне от всяких подозрений, а экономика страны-жертвы подорвана. Ответных действий нападающему не будет, потому что никому не приходит в голову искать причины и следствия.

Понятно, что одними уголовно-правовыми мерами гибридные войны не предупреждаются и не выигрываются, но уголовное право должно внести и свою небольшую лепту в процесс защиты государства и его граждан от новых видов угроз. В качестве меры частичного, но все-таки важного противодействия (и превенции) предлагаем ввести в УК РФ статью, определяющую, что такое гибридная война, ее планирование, подготовка, развязывание или ведение, и как такие действия агрессора будут наказываться.

По аналогии со ст. 353 УК РФ (Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны) предлагаем ввести в уголовный закон новую статью 353.1 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение гибридной войны»: «Совершение без признаков открытого нападения и внешней агрессии лицом или организованной группой лиц из любых точек мирового пространства против России или ее граждан любыми способами физических действий или воздействий дистанционного, информационного, кибернетического, экономического, финансового, психологического, биологического, бактериологического, химического, генетического, излучающего [1], манипулятивного или иного характера, а также любой их комбинацией в целях совершения действий, направленных на снижение эффективности работы предприятий, сооружений, частичного или полного вывода из строя или значительного функционального нарушения работы социальной

инфраструктуры, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, объектов жизнеобеспечения населения, объектов инженерной инфраструктуры, объектов критической информационной инфраструктуры, финансовой, банковской и платежной систем Российской Федерации, экономики, органов управления, отдельных или всех отраслей хозяйства, при котором происходит подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, причиняется вред здоровью и жизни граждан, их экономическому и финансовому состоянию и при этом наносится значительный финансовый, экономический и иной ущерб гражданам и государству – наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет».

Подведем некоторые итоги.

1. Гибридная война – война нового типа, проводимая без признаков открытого нападения и внешней агрессии, без применения обычных вооружений, совершаемая группой лиц без объявления начала своих действий, без публичного обозначения объекта нападения, целей, методов и планируемых результатов. Объектами в гибридной войне могут быть: жизнь и здоровье граждан России, инфраструктура, экономика и финансовая система России, любая отрасль или отрасли хозяйства, а результатом – крупный ущерб, нанесенный российским гражданам и государству. Гибридная война – война, проводимая с использованием комбинации указанных способов воздействия, включая те способы, которые не указаны в силу их неизвестности или неприменения, но которые могут быть открыты, изобретены и применены отдельно или в комбинации с известными способами.

2. Российская Федерация преследует лиц, планирующих, подготавливающих, развязывающих или ведущих гибридную войну, без срока давности, независимо от их местонахождения, гражданства и национальности, являются ли они физическими или юридическими лицами, физическими лицами, входящими в состав юридических лиц или организации любого вида, и вне зависимости от того, являются ли эти организации или структуры сетевыми распределенными в мире структурами, имеющими или не имеющими единого центра управления, независимо от других особенностей способов объединения, взаимодействия, подчиненно-

сти, комбинации физических или юридических лиц и иных организаций и их роли в общей организации или структуре, причастной к данному преступлению.

3. Российская Федерация может осуществлять силовое пресечение деятельности и преследование указанных выше лиц и организаций самостоятельно или совместно с другими странами, получившими ущерб в ходе гибридной войны и пожелавшими принять участие в совместном проведении силового пресечения деятельности лиц, планирующих, подготавливающих, развязывающих или ведущих гибридную войну, в совместном проведении их розыска, следствия и суда над этими лицами.

Обычно статья в УК РФ вводится, когда имеет место широко распространившееся негативное явление массового характера, и оно требует пресечения. В нашем случае введение новой статьи в УК РФ служит цели превенции, и идеальный случай – это когда преступление не будет совершено потому, что лица, которые намеревались его совершить, узнали из данной статьи кодекса, что их будут преследовать от имени России везде неограниченное время и ответственность они рано или поздно понесут обязательно. Да, это вторжение в международно-правовую сферу, но если вспомнить, как другие государства чтут свои интересы и преследуют преступников десятилетиями (Израиль), как они отслеживают уплату налогов всеми своими гражданами по всему миру (США), как они при этом используют принцип экстерриториальности, то России тоже следует жестко отстаивать свои интересы всегда, везде и всюду, тем более что в случае гибридных войн вопрос касается ее жизненно важных экономических, финансовых интересов и жизни людей.

Предложенная мера должна быть началом комплексной деятельности государства по противоборству с противником, совершающим нападение путем гибридных войн, эта мера должна служить предупреждением противнику о том, что тень Нюрнберга будет висеть над ним все время, и рано или поздно ему придется отвечать за результаты своих военных по сути действий. Современное следствие должно готовиться к будущим событиям уже сегодня.

Список литературы: _____

1. **Ворошилов, С. Я.** Оружие, поражающее излучением, как средство совершения преступлений / С. Я. Ворошилов, Г. П. Лозовицкая // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 174–179.
2. **Глазьев, С. Ю.** Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики / С. Ю. Глазьев // Финансы: теория и практика. – 2020. – 24(3). – С. 6–29. – DOI: 10.26794/2587-5671-202024-3-6-29.
3. Древнекитайская философия. Собрание текстов : в 2 т. – Москва : Мысль, 1972. – Т. 1. – 363 с.
4. **Онищенко, Г.** Про коронавирус: это спланированная информационная террористическая атака. – URL: <https://radiokp.ru/podcast/eksklyuziv/91937> (дата обращения: 27.10.2020).
5. **Цыганков, П. А.** Гибридная война: политический дискурс и международная практика / П. А. Цыганков // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253–258.
6. **Юсупов, М. Р.** Противодействие коррупции институтами гражданского общества / М. Р. Юсупов, А. Я. Минин // Методология и организационно-правовые аспекты поддержки на общественных началах в сфере предпринимательства / под. ред. А. Я. Минина – Москва : МТПП, 2009. – 346 с.
7. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/948818-echo/> (дата обращения: 27.10.2020).
8. Wu J. T., Leung, K., Bushman, M. et al. Estimating clinical severity of COVID-19 from the transmission dynamics in Wuhan, China. Nat Med 26, 506–510 (2020). – URL: <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0822-7>.

References: _____

1. Voroshilov, S. YA. Ouzhie, porazhayushchee izlucheniem, kak sredstvo so-versheniya prestuplenij / S. YA. Voroshilov, G. P. Lozovickaya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 4 (44). – S. 174–179.
2. Glaz'ev, S. YU. Problemy i perspektivy rossijskogo finansovogo rynka v usloviyah strukturnyh izmenenij mirovoj ekonomiki / S. YU. Glaz'ev // Finansy: teoriya i praktika. – 2020. – 24(3). – S. 6–29. – DOI: 10.26794/2587-5671-202024-3-6-29.
3. Drevnekitajskaya filosofiya. Sobranie tekstov : v 2 t. – Moskva : Mysl', 1972. – T. 1. – 363 s.
4. Onishchenko, G. Pro koronavirus: eto splanirovannaya informacionnaya terroristicheskaya ataka. – URL: <https://radiokp.ru/podcast/eksklyuziv/91937> (data ob-rashcheniya: 27.10.2020).
5. Cygankov, P. A. Gibridnaya vojna: politicheskij diskurs i mezhduna-rodная практика / P. A. Cygankov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. – 2015. – № 4. – S. 253–258.
6. YUsupov, M. R. Protivodejstvie korrupcii institutami grazhdanskogo obshchestva / M. R. YUsupov, A. YA. Minin // Metodologiya i organizacionno-pravovye aspekty podderzhki na obshchestvennyh nachalah v sfere predprinimatel'stva / pod. red. A. YA. Minina – Moskva : MTPP, 2009. – 346 s.
7. URL: <https://echo.msk.ru/programs/beseda/948818-echo/> (data obrashcheniya: 27.10.2020).
8. Wu J. T., Leung, K., Bushman, M. et al. Estimating clinical severity of COVID-19 from the transmission dynamics in Wuhan, China. Nat Med 26, 506–510 (2020). – URL: <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0822-7>.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ, ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ И (ИЛИ) СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Смирнов Александр Михайлович,

*доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России, РФ, Москва,
e-mail: vipnauka@list.ru*

Р е ф е р а т. В статье дается криминологическая характеристика неправомерного применения в отношении лиц, лишенных свободы, физической силы и (или) специальных средств, включающая в себя описание личности осужденных к лишению свободы, в отношении которых были применены физическая сила и (или) специальные средства неправомерно, обстоятельства этого применения, основные причины, этому способствующие, а также описание личности сотрудников исправительных учреждений, допустивших подобное применение.

Автор приходит к выводам о том, что неправомерное применение физической силы и (или) специальных средств было осуществлено в отношении осужденных с достаточно негативными характеристиками, отличающихся высокой степенью криминальной зараженности, проявляющих отрицательное отношение к порядку и условиям отбывания наказания, не подчиняющихся законным требованиям сотрудников исправительных учреждений. Наиболее вероятные причины подобного применения связаны с характером противоправной активности таких осужденных, отрицательными характеристиками условий отбывания наказания в виде лишения свободы, особенностями несения службы. Личностные характеристики сотрудников исправительных учреждений, неправомерно применивших в отношении осужденных физическую силу и (или) специальные средства, или в отношении которых возбуждены уголовные дела по фактам данного применения, в целом положительные.

Информация, изложенная в статье, может служить основой для проведения научных исследований, посвященных профилактике пенитенциарной преступности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; лишение свободы; физическая сила; специальные средства; пенитенциарная преступность.

UDC 343.8

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INCORRECT USE IN RESPECT OF PERSONS DEPRIVED OF FREEDOM, OF PHYSICAL FORCE AND (OR) SPECIAL MEANS

Smirnov Alexander Mikhailovich,

*Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia, RF, Moscow, e-mail: vipnauka@list.ru*

Abstract. The article provides a criminological characteristic of the illegal use of physical force and (or) special means in relation to persons deprived of liberty, including the characteristics of the personality of those sentenced to imprisonment, in respect of whom physical force and (or) special means were unlawfully used, the circumstances of this application, the main reasons contributing to this, as well as a description of the personality of the correctional staff who allowed such use.

The author comes to the conclusion that the unlawful use of physical force and (or) special means was carried out in relation to convicts with rather negative characteristics, characterized by a high degree of criminal infection, showing a negative attitude to the order and conditions of serving sentences, who do not obey the legal requirements of correctional officers institutions. The most likely reasons for this use are associated with the nature of the illegal activity of such convicts, important characteristics of the conditions for serving a sentence in the form of imprisonment, the characteristics of service. The personal characteristics of the employees of correctional institutions who have illegally used physical force and (or) special means against convicts, or against whom criminal proceedings have been initiated on the facts of this use, are generally positive.

The information presented in the article can serve as a basis for conducting scientific research on the prevention of penitentiary crime.

Key words: penal system; correctional institutions; deprivation of liberty; physical strength; special means; penitentiary crime.

Российская уголовно-исполнительная система придерживается принципов законного, гуманного отношения к лицам, содержащимся в местах лишения свободы. Вместе с тем, несмотря на ряд мер, принимаемых руководством Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), до сих пор имеют место случаи применения сотрудниками исправительных учреждений физической силы и специальных средств в отношении осужденных.

Согласно статистическим данным ФСИН России, за последние пять лет (с 2014 по 2018 г.) количество случаев применения к осужденным физической силы сократилось на 24,7 % (с 2,2 тыс. в 2014 г. до 1,7 тыс. в 2018 г.), а специальных средств и газового оружия (ФСИН не ведет отдельной статистики по поводу применения специальных средств, учитывая их применение вместе с газовым оружием) на 53,4 % (с около 2,6 тыс. в 2014 г. до 1,2 тыс. в 2018 г.). Вместе с тем отмечается резкое увеличение в 4,4 раза случаев возбуждения уголовных дел в отношении персонала исправительных учреждений по фактам применения физической силы, специальных средств и газового оружия в отношении осужденных, при этом число возбужденных уголовных дел по фактам применения физической силы увеличилось в 9,5 раз, применения специальных средств и газового оружия в 2,4 раза. Количество государственных служащих отделов безопасности, привлеченных к ответственности за нарушение законодательства, по фактам применения специальных средств и газового оружия в рассматриваемый промежуток времени, сократилось в два раза, однако во столько же увеличилось количество таких служащих, привлеченных к ответственности по фактам применения физической силы.

Случаи неправомерного применения физической силы и (или) специальных средств в отношении осужденных к лишению свободы, каково бы ни было их количество, отрицательно сказываются на имидже уголовно-исполнительной системы и в целом Российской Федерации. Так, например, в 2018 г. единич-

ные случаи подобного применения, ставшие широко известными, вызвали большой общественный резонанс не только в России, но и за рубежом.

Все это актуализирует необходимость проведения криминологических исследований, направленных на изучение неправомерного применения сотрудниками исправительных учреждений физической силы и специальных средств в отношении лиц, лишенных свободы, направленных на выработку мер по обеспечению законности и правопорядка в данных учреждениях, что способствует решению одной из главных задач ФСИН России [1], а также согласуется с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [4].

Эмпирическую базу изложенной в настоящей статье криминологической характеристики неправомерного применения в отношении лиц, лишенных свободы, физической силы и специальных средств составили результаты специального социологического исследования, выразившегося в обобщении информации о 10 случаях применения сотрудниками исправительных учреждений, проходящих службу в 8 территориальных органах ФСИН России (ГУФСИНЫ России по Приморскому краю, Свердловской и Челябинской областям, УФСИНЫ России по Республикам Башкортостан, Калмыкия и Хакасия, Калининградской и Курганской областям), физической силы и (или) специальных средств в отношении осужденных к лишению свободы, по которым были возбуждены уголовные дела или вынесены приговоры о привлечении к уголовной ответственности за период с 2016 по 2018 г. Кроме того, было произведено анкетирование 192 сотрудников, проходящих службу на различных должностях в исправительных учреждениях, в которых имело место совершение исследуемых действий.

Базируясь на логике криминологических исследований, в статье приводится характеристика личности осужденных к лишению свободы, в отношении которых были применены физическая сила и (или) специальные

средства неправомерно, анализируются обстоятельства этого применения и основные причины, этому способствующие, а также дается описание личности сотрудников исправительных учреждений, допустивших подобное применение.

Все исследуемые осужденные, в отношении которых были применены физическая сила и (или) специальные средства неправомерно, или по случаям такого применения возбуждены уголовные дела, были мужчинами: в возрасте от 19 до 25 лет – 10 %, от 26 до 30 лет – 20 %, от 31 года до 35 лет – 30 %, от 36 до 40 лет – 20 % и от 41 года до 45 лет – 20 %. Уровень образования данных осужденных достаточно низкий: половина из них имели среднее профессиональное образование, 20 % – неоконченное среднее и 30 % – полное среднее образование. К лишению свободы они осуждены за совершение преступлений против собственности (ст. 158, 163 и 166 УК РФ) (27,3 %), в сфере незаконного оборота оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ) (27,3 %), наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ) (18,2 %), против жизни (ст. 105 УК РФ) (9 %) и здоровья (ст. 111 УК РФ) (18,2 %). Половина из них признала вину в совершенном преступлении частично, 40 % – полностью и 10 % – не признали вообще. 20 % исследуемой группы приговорено к лишению свободы от 1 до 3 лет, 40 % (4 осужденных) – от 3 до 5 лет, 30 % (3 осужденных) – от 5 до 10 лет и 10 % (1 осужденный) – от 10 до 15 лет. Большая часть из них (80 %) приговорены к реальному отбытию лишения свободы повторно.

К 60 % осужденных исследуемой группы физическая сила и (или) специальные средства неправомерно были применены в течение первых трех лет их нахождения в местах лишения свободы (половина из них не была в исправительном учреждении и более года), 30 % – после отбытия ими 5 лет социальной изоляции и 10 % – в период нахождения в учреждении от 3 до 5 лет.

Большинство (90 %) таких осужденных отбывали лишение свободы в исправительной колонии строгого режима и только 10 % в колонии-поселении. Большая часть из них (80 %) находилась в исправительной колонии для лиц, ранее отбывавших реальное лишение свободы, и 20 % – для лиц, которым

отбытие реального лишения свободы назначено впервые; 60 % осужденных исследуемой группы отбывали наказание на обычных условиях и 40 % – на строгих. Также значительная часть (60 %) осужденных состояла на профилактическом учете в исправительном учреждении (лица, склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка (30 %), нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (20 %), суициду и членовредительству (20 %), употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков (10 %), совершению побега (10 %)). Все исследуемые осужденные за время нахождения в исправительном учреждении нарушали установленный порядок отбывания наказания (УПОН) и не имели поощрений, при этом большинство (90 %) делали это достаточно часто – два и более раз в год. Большая часть (60 %) допускала злостные нарушения хотя бы один раз в год (75 %). Именно поэтому 70 % осужденных за время применения к ним физической силы или специальных средств имели неснятое или непогашенное взыскание. Негативное отношение осужденных исследуемой группы к порядку отбывания наказания демонстрируется и тем, что 80 % из них во время отбывания лишения свободы не желали трудиться и предпринимали попытки не выполнять трудовые обязанности в исправительном учреждении без уважительной причины. Также они не стремились повышать свой образовательный уровень во время отбывания наказания, довольствуясь только полученным ими до осуждения основным общим образованием (80 %). Оставшаяся часть (20 %) осужденных не желает получать образование в местах лишения свободы, даже не обладая данным уровнем образования. Большая часть (60 %) осужденных исследуемой группы поддерживала социально полезные связи. Вместе с тем 30 % из них не желали их поддерживать, у 10 % таковые связи вообще отсутствовали, что является весьма тревожным фактором.

Достаточно негативные результаты получены и при анализе отношения осужденных исследуемой группы к обычаям и традициям тюремной субкультуры, поскольку, несмотря на то что половина из них относится к ним

нейтрально, 20 % проявляют к ним положительное отношение, поддерживают их, а 30 % кроме этого еще и активно пропагандируют их в среде спецконтингента.

Достаточно неблагополучными оказались и результаты оценки пенитенциарными психологами когнитивных способностей осужденных исследуемой группы – для 80 % при проведении воспитательной работы недостаточно только методов убеждения, к ним необходимо применять и методы принуждения. Анализ психологических характеристик таких осужденных показывает, что их личностные признаки и поведенческие особенности в целом достаточно негативны. Им свойственны повышенная эмоциональность, импульсивность, агрессивность, конфликтность, мстительность, обидчивость, озлобленность, циничность, эгоцентризм, раздражительность, пессимизм, депрессивность, неустойчивая самооценка, склонность к грубоватой манере общения, отрицательное отношение к установленным нормам и правилам поведения, отсутствие целей в жизни, скудность познавательной сферы деятельности, неспособность адекватно оценивать ситуацию, делать правильные выводы, бравирование преступным образом жизни.

Анализ обстоятельств неправомерного применения в отношении осужденных к лишению свободы физической силы и (или) специальных средств позволил составить обобщенную характеристику данного применения.

Подобные случаи происходили в основном в исправительных колониях строгого режима (80 %) для мужчин, повторно осужденных к реальному отбытию лишения свободы (80 %). В отношении таких осужденных чаще всего применяется физическая сила (в 60 % случаев). Физическая сила и специальные средства в совокупности применялись в 30 % случаев, и только специальные средства – в 10 %.

В большинстве случаев (80 %) неправомерность применения в отношении осужденных физической силы и (или) специальных средств выразилась в превышении сотрудниками исправительных учреждений полномочий для подобного применения, осуществляемого в целях пресечения противоправных деяний осужденных. В остальных 20 % случаев данная неправомерность заключалась в

применении в отношении осужденных физической силы или специальных средств без каких-либо поводов для этого. Неправомерное применение в отношении осужденных физической силы в большинстве случаев (89 %) было осуществлено в целях пресечения неповиновения или противодействия законным требованиям сотрудника уголовно-исполнительной системы, в остальных случаях (11 %) это применение было направлено на пресечение нападения осужденных на работников ФСИН России, осужденных и иных лиц. Неправомерное применение в отношении осужденных специальных средств в равных долях было связано с отражением нападения осужденных на работников уголовно-исполнительной системы, осужденных и иных лиц, а также физического сопротивления, оказываемого осужденными сотрудникам.

В половине случаев рассматриваемое применение в отношении осужденных физической силы и (или) специальных средств было осуществлено в жилой зоне исправительного учреждения, 30 % – в едином помещении камерного типа (ЕПКТ), 20 % – в штрафном изоляторе. Чаще всего (60 %) подобное применение было осуществлено в дневное время (с 11.00 до 18.00), то есть во время наибольшей активности осужденных и проведения максимального числа режимных мероприятий. В остальных 30 % случаев физическая сила и специальные средства применялись в утреннее (с 6.00 до 11.00) и вечернее время (с 18.00 до 23.00).

Негативным является то обстоятельство, что в большинстве случаев (70 %) до применения физической силы и (или) специальных средств в отношении осужденных не использовались несиловые способы пресечения совершаемых ими деяний. В 30 % случаев эти способы были применены, однако они обеспечили пресечение совершаемых ими деяний.

Кроме того, в 60 % случаев осужденные не были предупреждены о применении в отношении их физической силы и (или) специальных средств и им не было дано достаточно времени для прекращения своего деяния. Вместе с тем положительным является то обстоятельство, что в большинстве ситуаций (90 %) сотрудниками исправительных учреждений осужденным была оказана медицинская помощь.

Таким образом, неправомерное применение физической силы и (или) специальных средств было осуществлено в отношении осужденных с достаточно негативными характеристиками, отличающихся высокой степенью криминальной зараженности, проявляющих отрицательное отношение к порядку и условиям отбывания наказания, не подчиняющихся законным требованиям сотрудников исправительных учреждений.

Уяснение причин преступного поведения помогает лучше всего понять природу противоправного поведения криминального характера, выработать наиболее эффективные меры по его профилактике [3, с. 345–346].

В целях выяснения причин неправомерного применения в отношении осужденных к лишению свободы физической силы и (или) специальных средств, выявления наиболее значимых из них для выработки в дальнейшем наиболее оптимальных направлений по их профилактике и мер по реализации этих направлений сотрудникам, проходящим службу в исправительных учреждениях, в которых имели место данные применения, было предложено указать эти причины. Анализ ответов позволил сделать вывод, что наиболее вероятными причинами подобных случаев являются:

- провокации сотрудников исправительных учреждений со стороны осужденных;
- несоблюдение осужденными режимных требований;
- невыполнение осужденными законных требований сотрудников уголовно-исполнительной системы;
- низкий уровень нравственности у некоторых сотрудников исправительных учреждений;
- неблагоприятная морально-психологическая (экстремальная) атмосфера и криминогенность мест лишения свободы;
- предрасположенность некоторых сотрудников исправительных учреждений выражать свои негативные эмоции в отношении иных лиц;
- ненормированный рабочий день, перегруженность различного рода служебными обязанностями, вызывающие негативно-агрессивные эмоции;
- отсутствие у сотрудников исправительных учреждений навыков самоконтроля (самообладания), особенно в экстремальных ситуациях;

– деформация правосознания сотрудников исправительных учреждений;

– профессиональное выгорание сотрудников исправительных учреждений;

– отсутствие более детальной нормативной регламентации применения физической силы и специальных средств (например, в случае возникновения экстремальной ситуации, в условиях необходимой обороны или крайней необходимости);

– некачественный отбор кадров, приводящий к принятию на службу лиц, не всегда соответствующих требованиям, предъявляемым к сотрудникам ФСИН России.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее вероятные причины неправомерного применения в отношении осужденных физической силы и (или) специальных средств связаны с характером противоправной активности таких осужденных, отрицательными характеристиками условий отбывания наказания в виде лишения свободы, особенностями несения службы, что согласуется с результатами исследователей в области пенитенциарной преступности [5].

Анализ характеристик сотрудников исправительных учреждений, неправомерно применивших в отношении осужденных физическую силу и (или) специальные средства, или в отношении которых возбуждены уголовные дела по фактам данного применения, позволил сделать вывод, что ими являются только мужчины, находящиеся в зрелом возрасте, большую долю из которых составили лица в возрасте 31–35 лет (46,7 %), 36–40 лет (26,7 %). По остальным возрастным группам эти сотрудники распределились следующим образом: 21–25 лет (13,4 %), 26–30 лет (6,6 %) и 41–45 лет (6,6 %).

Стаж службы в уголовно-исполнительной системе у данных сотрудников достаточно продолжительный: у 26,7 % он составил от 4 до 6 лет, у такой же доли – от 13 до 15 лет, у 20 % – от 10 до 12 лет.

Большая часть сотрудников (60 %) работала в отделах безопасности, 26,6 % относилось к руководящему составу (из них 20 % – начальники единых помещений камерного типа и 6,6 % – начальники помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора), остальные 13,4 % являлись сотрудниками оперативных отделов.

Также большая часть (60 %) из них имела

высшее юридическое образование, что является весьма странным, поскольку обычно считается, что лицам с таким образованием свойственен высокий уровень правосознания и правовой культуры; 26 % сотрудников имели только среднее профессиональное образование, 14 % – высшее техническое образование. Высшее образование в образовательной организации, относящейся к ФСИН России, получили только 13,3 % сотрудников. Каждый пятый получил высшее образование в образовательной организации, относящейся к МВД России. Таким образом, только треть сотрудников получила правовые знания и практические навыки применения физической силы и специальных средств во время обучения в высших учебных заведениях ведомственной принадлежности.

Большая часть (67 %) сотрудников исследуемой группы разведена, каждый пятый – холост, 13 % состоят в брачных отношениях, что является достаточно негативным фактором, поскольку социальное одиночество снижает уровень личной ответственности человека в межличностных отношениях [2]. Установлено, что уровень материального положения у всех сотрудников достаточный для ведения привычного (соответствующего социальным нормам) для граждан образа жизни.

Анализ дисциплинарной практики в отношении данных сотрудников показал, что в большинстве своем они соблюдают нормативные предписания, регламентирующие профессиональную деятельность, и проявляют позитивную активность в выполнении своих должностных обязанностей. Именно поэтому большая часть (42 %) из них не имеет дисциплинарных взысканий за все время службы в замещаемой должности, а 36,8 % имеют различные поощрения. Только каждый пятый (21,2 %) из таких сотрудников имеет дисциплинарные взыскания.

В отношении всех сотрудников исследуемой группы проводились периодические проверки на их профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы и специальных средств, что свидетельствует о влиянии в большей степени на неправомерное применение в отношении осужденных силовых методов так называемого человеческого фактора, имеющего психологическую осно-

ву, что необходимо учитывать в профилактической работе по недопущению подобных случаев в дальнейшем.

В силу обстоятельств совершенного деяния, выразившегося в применении физической силы и специальных средств, все сотрудники были привлечены к уголовной ответственности или в их отношении были возбуждены уголовные дела по факту превышения должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Анализ личностных качеств, наиболее свойственных, по мнению психологов, данным сотрудникам, показал, что для них характерны больше положительные (88 %), чем отрицательные (12 %) качества, что является достаточно странным обстоятельством в силу распространенного мнения среди исследователей, занимающихся вопросами пенитенциарной психологии, о том, что негативные условия лишения свободы деформируют в худшую сторону личностные качества сотрудников исправительных учреждений, что приводит к совершению ими различных деструктивных действий, вплоть до служебных правонарушений [6].

Таким образом, изложенные личностные характеристики сотрудников исправительных учреждений, неправомерно применивших в отношении осужденных физическую силу и (или) специальные средства, или в отношении которых возбуждены уголовные дела по фактам данного применения, указывают на то, что в целом они положительные. Это мужчины зрелого возраста, личная жизнь которых отличается благополучием, имеющие достаточный опыт работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы, необходимые навыки профессиональной деятельности, обладающие необходимым уровнем образования для формирования законопослушного гражданина, именно поэтому в большинстве своем они соблюдают нормативные предписания, регламентирующие профессиональную деятельность сотрудника, и проявляют позитивную активность в выполнении своих должностных обязанностей, для них характерны положительные психологические качества, в целом соответствующие профессиональной пригодности.

Результаты настоящего исследования могут служить основой для проведения науч-

ных исследований, посвященных профилактике пенитенциарной преступности, а также учитываться при выработке рекомендаций по профилактике неправомерного приме-

нения в отношении лиц, лишенных свободы, физической силы и (или) специальных средств.

Список литературы: _____

1. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 21.12.2013) // Российская газета. – 2004. – № 230. – 19 окт.
2. **Каштанова, О. В.** Контексты социального одиночества и социальный конфликт : монография / О. В. Каштанова. – Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2015. – 132 с.
3. Криминология / под общей редакцией А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2007. – 912 с.
4. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.
5. **Старков, О. В.** Наказание: уголовно-правовой и криминопенитенциарный анализ / О. В. Старков, С. Ф. Милуков. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2001. – 461 с.
6. **Трофимова, Е. Л.** Профессиональные трансформации сотрудников пенитенциарных учреждений / Е. Л. Трофимова // Психология в экономике и управлении. – 2016. – Т. 8. – № 1–2. – С. 36–42.

References: _____

1. Voprosy Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.10.2004 № 1314 (red. ot 21.12.2013) // Rossijskaya gazeta. – 2004. – № 230. – 19 okt.
2. Kashtanova, O. V. Konteksty social'nogo odinochestva i social'nyj konflikt : monografiya / O. V. Kashtanova. – Kazan': Kazanskij nacional'nyj issledovatel'skij tekhnologicheskij universitet, 2015. – 132 s.
3. Kriminologiya / pod obshchej redakciej A. I. Dolgovo. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Norma, 2007. – 912 s.
4. O Konceptii razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 2010. – № 43. – St. 5544.
5. Starkov, O. V. Nakazanie: ugovovno-pravovoj i kriminopenologicheskij analiz / O. V. Starkov, S. F. Milyukov. – Sankt-Peterburg : YUridicheskij centr «Press», 2001. – 461 s.
6. Trofimova, E. L. Professional'nye transformacii sotrudnikov peniten-ciarnyh uchrezhdenij / E. L. Trofimova // Psihologiya v ekonomike i upravlenii. – 2016. – T. 8. – № 1–2. – S. 36–42.

DOI 10.475776/2712-7516_2020_4_1_65

УДК 343.9:311.313

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Санташов Андрей Леонидович,*доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, РФ, г. Москва, e-mail: santashov@list.ru***Петрова Ирина Александровна***кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, РФ, Вологда, e-mail: petrova_vologda@mail.ru***Герасимова Елена Владимировна***кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, РФ, Вологда, e-mail: evger@mail.ru*

Р е ф е р а т . В статье рассмотрены современные тенденции динамики числа выявленных лиц, совершивших преступления в Российской Федерации, и изменений ее структуры по видам совершенных преступлений, возрасту и другим основаниям. Анализ преступности в стране за последние пять лет в целом позволяет говорить о снижении ее показателей. В связи с неблагоприятной обстановкой, вызванной распространением COVID-19, отмечается уменьшение показателей уличной преступности, насильственной преступности и преступности мигрантов. В то же время в связи с введением карантинного режима и самоизоляции прогнозируется увеличение количества бытовых преступлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социология; криминология; преступность; уровень и динамика; количественные и качественные показатели.

UDC 343.9:311.313

ANALYSIS OF INDICATORS OF MODERN CRIME IN RUSSIA

Santashov Andrey Leonidovich,*Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, RF, Moscow, e-mail: santashov@list.ru***Petrova Irina***Candidate of Law, associate professor, The North-Western Institute (branch) of The Kutafin Moscow State Law University, Russia, Vologda, e-mail: petrova_vologda@mail.ru***Gerasimova Elena***Candidate of Law, associate professor, The North-Western Institute (branch) of The Kutafin Moscow State Law University, Russia, Vologda, e-mail: evger@mail.ru*

A b s t r a c t . The article examines the current trends in the dynamics of the number of identified persons who have committed crimes in the Russian Federation, and changes in its structure by types of crimes committed, age and other grounds. Analysis of the dynamics and level of crime in the country over the past five years as a whole suggests a decrease in its indicators. Due to the unfavorable environment caused by the spread of COVID-19, there is a decrease in the rates of street crime, violent crime and migrant crime. At the same time, due to the introduction of a quarantine regime and self-isolation, an increase in the number of domestic crimes is predicted.

Key words : sociology; criminology; crime; level and dynamics; quantitative and qualitative indicators.

Анализ динамики и уровня преступности в Российской Федерации за последние пять лет в целом позволяет говорить о снижении ее показателей: в 2016 г. было зарегистрировано 2160,1 тыс. преступлений, в 2017 г. – 2058,5; в 2018 г. – 1991,5; в 2019 г. – 2024,3 [1]. Численность осужденных, содержащихся в исправительных колониях, ЛИУ, ЛПУ (больницах) по состоянию на 01.01.2020 г. (423 825), уменьшилась на 8,05 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (460 923) [2].

Растет количество раскрытых преступлений, в том числе в 2019 г. на 10 % увеличилось количество раскрытых уголовных дел о преступлениях прошлых лет. За 9 месяцев текущего года раскрыто 5072 таких преступления, что на 12 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, что свидетельствует об эффективности ранее принятых управленческих решений, связанных с увеличением следственного и криминалистического аппарата за счет сокращения штатной численности обеспечивающих подразделений. Всего преступлений прошлых лет в январе – сентябре 2020 г. раскрыто 37,8 тыс., что на 1,2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. 25,8 % из них составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (9,8 тыс.).

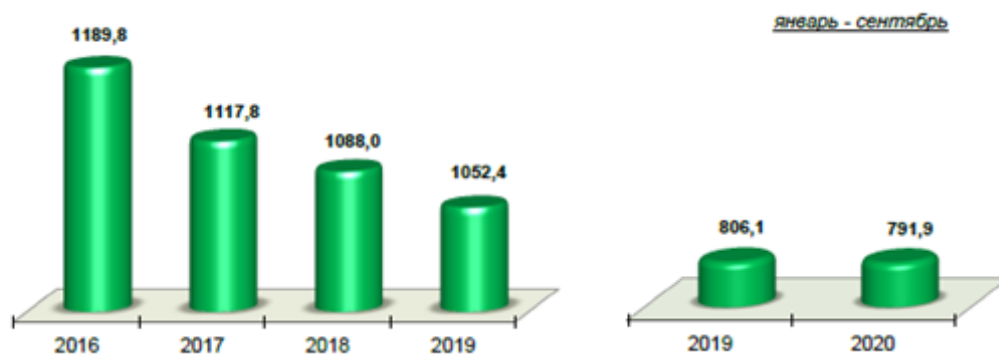
В то же время в ряде регионов зафиксирован рост количества уголовных дел, расследованных в срок свыше двух месяцев, а также увеличение числа отдельных категорий уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования; снижение количества направленных в суды дел. Необходимо продолжить работу по сокращению сроков следствия, обеспечению возмещения причиненного ущерба, дальнейшему увеличению количества раскрытых преступлений прошлых лет.

Уголовным кодексом Российской Федерации к исключительной подсудственности Следственного комитета России отнесено 363 состава преступлений различной степени тяжести. За 9 месяцев 2020 г. следственными органами Следственного комитета расследовано 110 тыс. преступлений, из них тяжких и особо тяжких – 43,5 тыс. С наибольшей нагрузкой по таким преступным деяниям трудятся следователи в Москве, Московской, Челябинской, Новгородской областях, Республике Тыва и Чеченской Республике. В данных регионах удельный вес окончанных уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям варьируется в пределах от 50 до 70 % [3].

В январе – сентябре 2020 г. зарегистрировано 1540,2 тыс. преступлений, что на 1,2 % больше, чем за аналогичный период прошло-

ПРЕДВАРИТЕЛЬНО РАССЛЕДОВАНО ПРЕСТУПЛЕНИЙ (в тысячах)

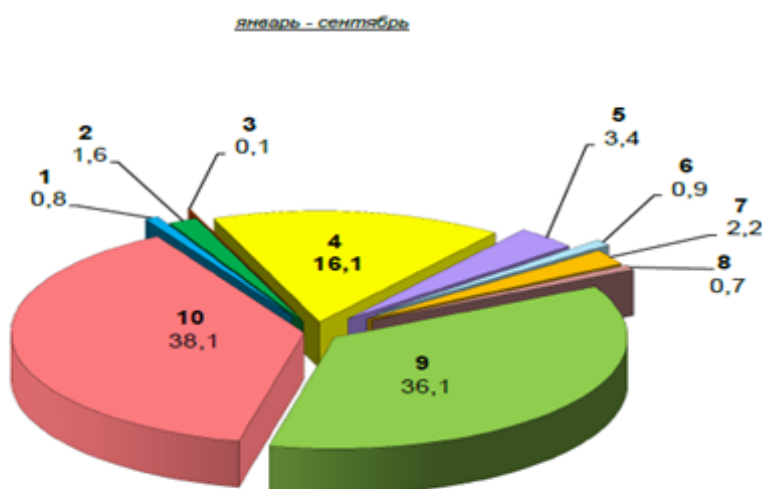
го года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 56 субъектах Российской Федерации, снижение – в 29. 93,9 % всех зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел, причем 4,6 % из них – на стадии приготовления и покушения. Всего на

этих стадиях выявлено 66,6 тыс. преступлений (+0,9 %).

Четыре преступления (80,2 %) из пяти регистрируются в городах и поселках городского типа – всего 1,2 млн, почти пятая часть (19,3 %) – в сельской местности, где заре-

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ (в %)

- 1 - взяточничество
- 2 - убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование
- 3 - хулиганство
- 4 - мошенничество
- 5 - нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию
- 6 - нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств
- 7 - грабеж, разбой
- 8 - присвоение или растрата
- 9 - кража
- 10 - прочие

гистрировано 297,9 тыс. преступлений, что на 2,3 % меньше, чем за январь – сентябрь 2019 г.

В результате преступных посягательств погибло 17,5 тыс. человек (-4,6 %), здоровью 27,1 тыс. человек причинён тяжкий вред (-5 %). На сельскую местность приходится 39,3 % погибших (6,9 тыс.), на города и посёлки городского типа – 67,6 % лиц, здоровью которых причинён тяжкий вред (18,3 тыс.).

Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 392,2 млрд руб., что на 20,2 % меньше аналогичного показателя прошлого года. Существенная часть ущерба (90,5 %) приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных вырос с 24,4 % в январе – сентябре 2019 года до 27,4 %.

Более половины всех зарегистрированных преступлений (54,4 %) составляют хищения чужого имущества, совершённые путём: кражи – 556,7 тыс. (-2,7 %), мошенничества – 247,6 тыс. (+32,5 %), грабежа – 30 тыс. (-14 %), разбоя – 4 тыс. (-19,2 %). Почти каждая пятая кража (19 %), каждый двадцать пятый грабёж (4,1 %) и каждое восьмое разбойное нападение (12,5 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое пятьдесят пятое (1,8 %) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе – сентябре 2020 г. их число уменьшилось на 21,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – сентябрем 2019 г. сократилось на 9,9 % и составило 19,2 тыс. Также сократилось (-16,8 %) количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (655 фактов). В январе – сентябре 2020 г. с использованием оружия совершено 3,9 тыс. преступлений (-7,5 %).

В январе – сентябре 2020 г. зарегистрировано 363 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 77 %

больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 13,5 % в январе – сентябре 2019 г. до 23,6 %. Практически все такие преступления (98,6 %) выявляются органами внутренних дел. Половина таких преступлений (50,9 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких – 184,7 тыс. (+86,5 %); больше половины (57,8 %) совершается с использованием сети «Интернет» – 209,7 тыс. (+93,2 %), 155,2 тыс. (+97,7 %) (42,7 %) – средств мобильной связи. Четыре таких преступления из пяти (81,5 %) совершаются путем кражи или мошенничества: 296 тыс. (+83,5 %), почти каждое двенадцатое (8,1 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств (29,6 тыс. (+65,5 %)).

В январе – сентябре 2020 г. зарегистрировано 16,9 тыс. экологических преступлений, что на 0,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

По сравнению с январем – сентябрем 2019 г. на 0,5 % уменьшилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 87,9 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,7 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 273,8 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 62,3 %. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 74,9 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 85,2 %.

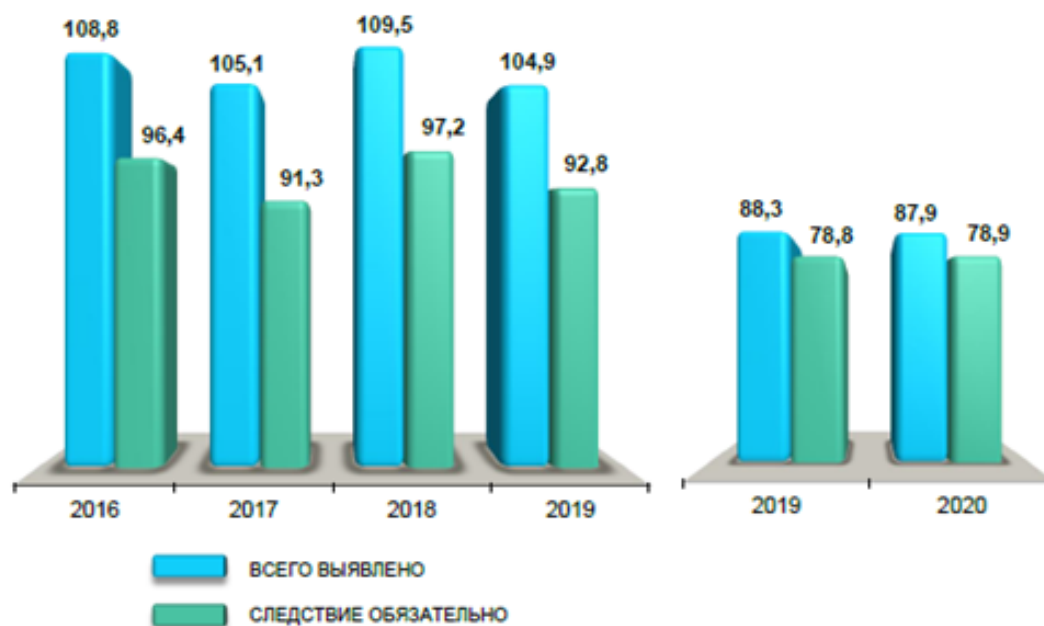
В январе – сентябре 2020 г. выявлено 144,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 139,1 тыс. преступлений (-0,4 %). На уровне аналогичного периода прошлого года осталось количество выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незакон-

ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ

Выявлено преступлений экономической направленности

(в тысячах)

январь - сентябрь

Структура (в %)
(следствие обязательно)

январь - сентябрь

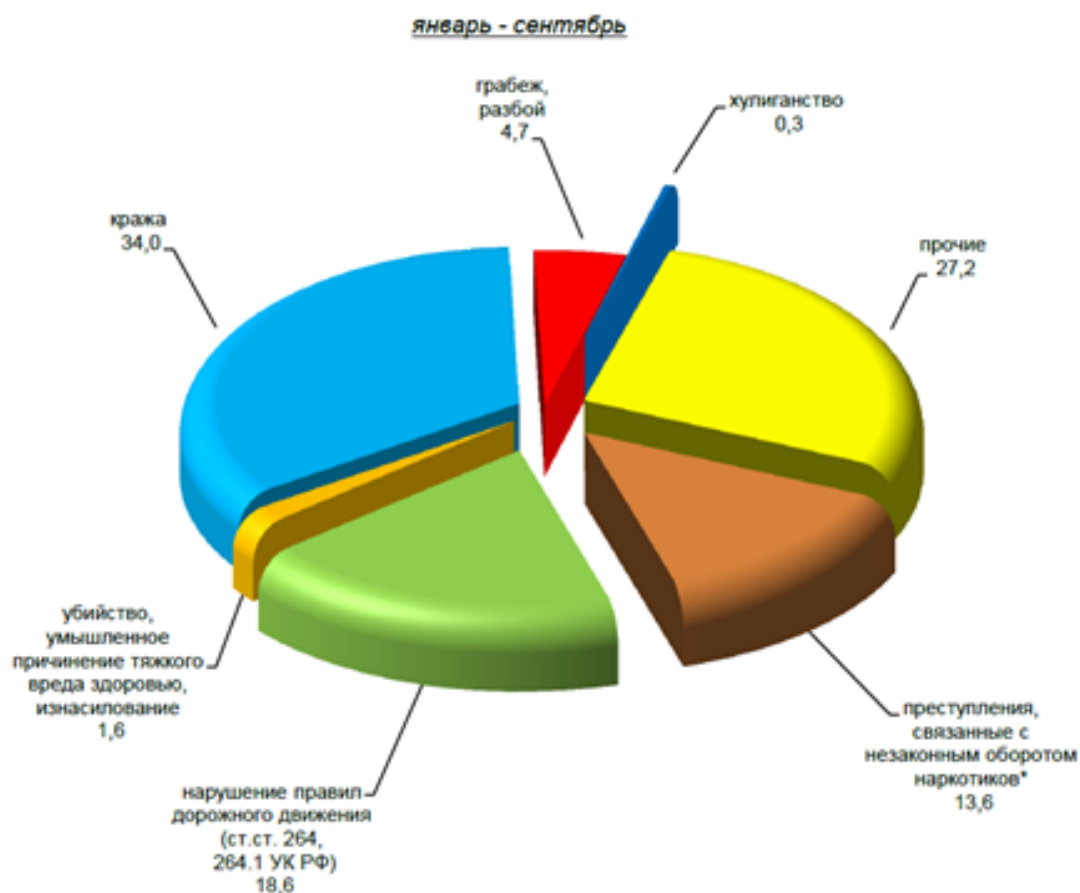
ным оборотом наркотиков, вырос с 58,3 % в январе – сентябре 2019 г. до 58,6 %. В январе – сентябре 2020 г. зарегистрировано 1851 преступление террористического характера (+33,9 %) и 651 преступление экстремистской направленности (+43,4 %).

В общественных местах зарегистрировано 464,5 тыс. преступлений (-10,2 %), на улицах, площадях, в парках и скверах – 275,7 тыс. (-10 %) преступлений, в том числе 11,5 тыс. (-22,9 %) грабежей, 93,7 тыс. (-18,4 %) краж, 1,3 тыс. (-21,9 %) разбойных нападений. На дорогах и трассах вне населенных

пунктов совершено 36 разбойных нападений (-26,5 %), 65 грабежей (-39,8 %), выявлено 63 факта незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов (-13,7 %).

В связи с неблагоприятной обстановкой, вызванной распространением COVID-19, в 2020 г. уменьшились показатели уличной и насильственной преступности. Так, на 10 % сократилось количество преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах, в парках и скверах, из них: тяжкие и особо

СТРУКТУРА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА УЛИЦАХ, ПЛОЩАДЯХ, В ПАРКАХ, СКВЕРАХ (в %)

тяжкие убийства и покушения на убийство – на 7,7 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 9 %, изнасилование или покушение на изнасилование – на 15 %.

В то же время в связи с введением карантинного режима и самоизоляции прогнозируется увеличения количества бытовых преступлений.

В январе – сентябре 2020 г. раскрыто 791,9 тыс. преступлений (-1,8 %), в том числе 345,9 тыс. – следствие по которым обязательно (-1,5 %) и 446 тыс. – следствие по которым необязательно (-1,9 %). Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 648,8 тыс. преступлений (-1 %), что составляет 81,9 % всего массива предварительно

расследованных преступлений, сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации – 109,8 тыс. преступлений (+0,9 %), что составляет 13,9 % всего массива, сотрудниками службы судебных приставов – 28,4 тыс. (-21,4 %). 16. Не раскрыто 632 тыс. преступлений, что на 3,5 % больше аналогичного показателя за январь – сентябрь 2019 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 31,4 % (в январе – сентябре 2019 г. – 26 %). Остались нераскрытыми 101 убийство и покушение на убийство (-60,2 %), 407 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (-28 %), 319,1 тыс. краж (-3,2 %), 6,4 тыс. грабежей (-30,9 %), 463 разбойных нападения (-38,7 %); 612 тыс. преступлений (+2,8 %) остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Выявлено 651,3 тыс. лиц, совершивших преступления (-3,8 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода незначительно увеличился с 64 % до 64,1 %. Также увеличился с 29,5 % до 29,9 % удельный вес ранее судимых лиц.

Больше половины (59,4 %) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье (30,7 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать девятое (3,4 %) – несовершеннолетними или при их соучастии [4]. Организованными группами или преступными сообществами совершено 14,4 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+2,1 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий остался на уровне января – сентября 2019 г. и составил 8,6 %.

Активно проводится работа и по другим составам преступлений. Расследовано и направлено в суд 695 уголовных дел о налоговых преступлениях, в ходе досудебного производства государству возмещены неуплаченные налоги на сумму почти 20 млрд рублей. Направлено в суд 652 уголовных дела о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы. Возмещен ущерб потерпевшим на сумму более 2,5 млрд рублей. Кроме того, на имущество обвиняемых стоимостью 1,3 млрд рублей по ходатайству следователей наложен арест. На 8 % увеличено количество дел о преступлениях небольшой и средней

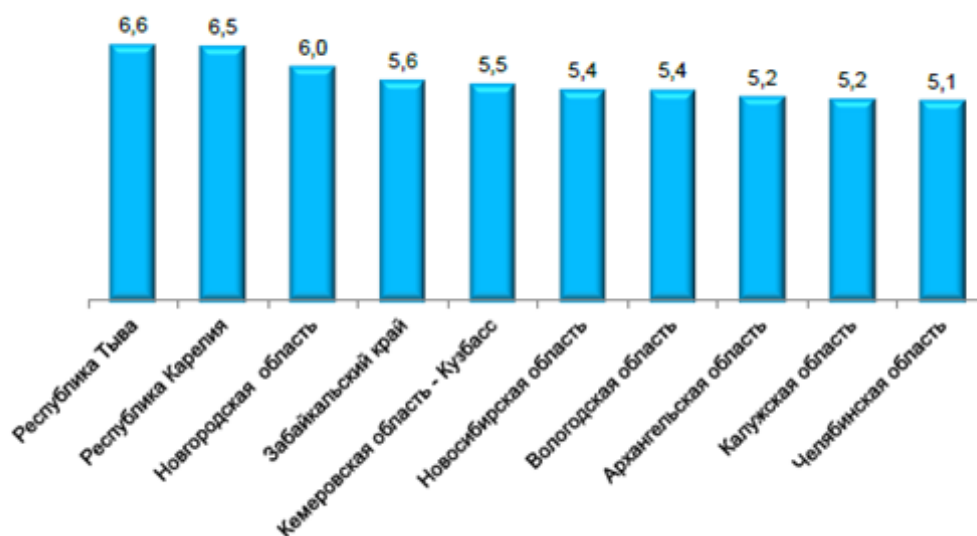
тяжести, переданных в суд с ходатайством о назначении обвиняемому судебного штрафа, и составило 7498 уголовных дел.

Следует акцентировать внимание на необходимости незамедлительно реагировать на обращения, а также на факты нарушений прав граждан, в том числе связанных с невыплатой заработной платы, либо противоправных действий в отношении детей. Говоря о необходимости тщательного расследования преступлений в отношении детей, следует отметить, что за все годы учета (с 1980-х гг.) в розыске в прошлом году продолжало оставаться 830 несовершеннолетних [5].

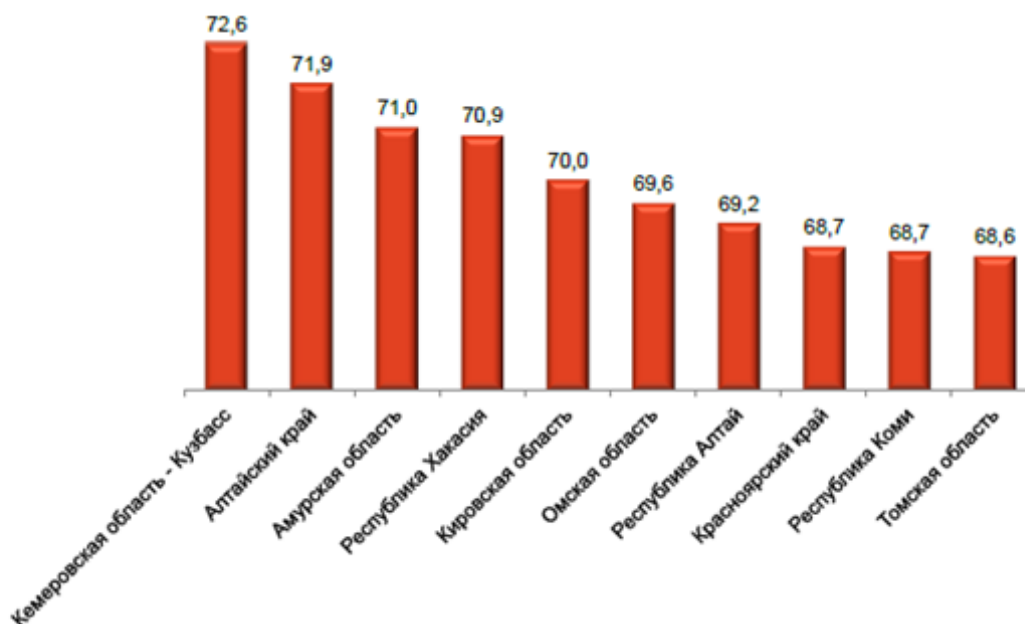
В 2019 г. было возбуждено 16 090 уголовных дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних. За 9 месяцев 2020 г. на 30 % возросло число несовершеннолетних, к которым по ходатайству следователей вместо осуждения за совершение преступлений небольшой и средней тяжести применены меры воспитательного воздействия (108 лиц). Необходимо активизировать взаимодействие с оперативными службами, задействовав весь криминалистический потенциал ведомства для раскрытия и эффективного расследования этой категории преступлений.

Благодаря системной и аналитической работе Следственного комитета России удастся добиться весомых успехов при раскрытии преступлений прошлых лет, серийных преступлений, особо тяжких общественно опасных деяний, совершенных в условиях неочевидности, оказать помощь следствию и по другим направлениям. Подразделения Следственного комитета России оснащены передовой криминалистической техникой. При этом большое внимание уделяется совершенствованию программных продуктов, приборов, оборудования и материалов, которые можно использовать для усиления потенциала технико-криминалистического и экспертного обеспечения расследования преступлений. Основные задачи – это дальнейшая нацеленность на внедрение в свою криминалистическую деятельность именно отечественных разработок и техники, которые успешно себя зарекомендовали, а также продолжение работы по разработке для следователей методических рекомендаций и пособий, необходимых для успешного расследования уголовных дел.

**РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМ УДЕЛЬНЫМ ВЕСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(от числа расследованных), СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ
ИЛИ ПРИ ИХ СОУЧАСТИИ, в %**

**РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМ УДЕЛЬНЫМ ВЕСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(от числа расследованных), СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ,
РАНЕЕ СОВЕРШАВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, в %**

В связи с закрытием границ в текущем году со странами СНГ и зарубежными государствами снизились показатели преступности мигрантов. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 26,7 тыс. преступлений, что на 2,1 % меньше, чем за

январь – сентябрь 2019 г., в том числе гражданами государств – участников СНГ – 24 тыс. преступлений (-1 %), их удельный вес составил 89,7 %. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства сократилось на 4,9 % и составило 11,9 тыс. преступлений.

Список литературы: _____

1. Состояние преступности в России (январь-сентябрь 2020 г.). – Москва, 2020.
2. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь-декабрь 2019 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь, 2020.
3. В Следственном комитете состоялось оперативное совещание. – URL.: <https://sledcom.ru/news/item/1509314> (дата обращения: 23.10.2020).
4. **Павловская, Н. В.** Социально-демографическая характеристика личности преступника в России / Н. В. Павловская, А. А. Литвинов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3. – С. 63–67.
5. В Следственном комитете России подведены итоги работы следственных органов за 9 месяцев. – URL.: <https://sledcom.ru/news/item/1399972> (дата обращения: 23.10.2020).

References: _____

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii (yanvar'-sentyabr' 2020 g.). – Moskva, 2020.
2. Osnovny'e pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' (yanvar'-dekabr' 2019 g.) : informacionno-analiticheskij sbornik. – Tver', 2020.
3. V Sledstvennom komitete sostoyalos' operativnoe soveshhanie. – URL.: <https://sledcom.ru/news/item/1509314> (data obrashheniya: 23.10.2020).
4. Pavlovskaya, N. V. Social'no-demograficheskaya karakteristika lichnosti prestupnika v Rossii / N. V. Pavlovskaya, A. A. Litvinov // Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo ko-miteta Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 3. – S. 63–67.
5. V Sledstvennom komitete Rossii podvedeny' itogi raboty' sledstvenny'x organov za 9 me-syacev. – URL.: <https://sledcom.ru/news/item/1399972> (data obrashheniya: 23.10.2020).

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ
И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ
СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ОБОРОТА
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ
ДОБАВОК (СТ. 238¹ УК РФ)**

Танцюра Виктор Сергеевич,

преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности, Нижегородская академия МВД России, РФ, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: victor130381@rambler.ru

Крылков Дмитрий Игоревич,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности, Нижегородская академия МВД России, РФ, г. Нижний Новгород, e-mail: dkrilkov@mail.ru

Р е ф е р а т. В статье рассматривается юридическое содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, анализируется законотворческая практика Государственной Думы Российской Федерации по внесению изменений в объективную сторону данного состава преступления, уделяется внимание роли законодательной техники в дальнейшем совершенствовании данного состава преступления, вопросам правоприменения в условиях коронавирусной пандемии, выносятся предложения по внесению изменений в ст. 238¹ с учетом сложившейся правоприменительной практики и норм международного права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лекарственные средства; медицинские изделия; биологически активные добавки; квалифицирующие признаки; законодательная техника; правоприменительная практика; имплементация норм права.

UDC 343.53:614.27

**CRIMINAL LIABILITY IN THE SPHERE OF CIRCULATION
OF FALSIFIED, SUBSTANDARD AND UNREGISTERED MEDICINES,
MEDICAL DEVICES AND TRAFFICKING OF FALSIFIED
BIOLOGICALLY ACTIVE ADDITIVES (ARTICLE 238¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Tantsyura Viktor Sergeevich,

Lecturer at the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units, Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs of Russia, RF, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: victor130381@rambler.ru

Krylkov Dmitry Igorevich,

PhD in Law, Deputy Head of the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia RF, Nizhny Novgorod, e-mail: dkrilkov@mail.ru

A b s t r a c t. The article examines the legal content of the objective side of the crime under Art. 238¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislative practice of the State Duma of the Russian Federation

on amendments to the objective side of this corpus delicti is considered, the role of legislative technique in the further improvement of this corpus delicti is given, the issues of law enforcement in the context of a coronavirus pandemic are analyzed, proposals are made to amend Art. 238¹ taking into account the existing law enforcement practice and norms of international law.

Key words: medicines; medical devices; biologically active additives; qualifying features; legislative technique; law enforcement practice; implementation of legal norms.

В 2014 г. в содержание Особенной части УК РФ была введена ст. 238¹, которая впервые установила уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (БАД). Законодателем также были введены и смежные со ст. 238¹ УК РФ составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235¹ УК РФ) и подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327² УК РФ). Принятие дополнений в УК РФ объясняется объективно назревшей необходимостью преодоления существовавшего пробела в законодательстве, а также трудностями правоприменительной практики по борьбе с преступлениями в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.

Наряду с нововведениями в уголовном законодательстве гл. 6 КоАП РФ была дополнена ст. 6.33, которая установила административную ответственность за обращение фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, когда совершенные действия не содержат состава уголовно наказуемого деяния. Критерием, отграничивающим состав административного правонарушения от преступления за совершенное незаконное обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, а также в качестве основного условия наступления уголовной ответственности законодательно был закреплен обязательный признак – совершение деяния в крупном размере, то есть

в размере, превышающем сто тысяч рублей, что нашло отражение в примечании к ст. 238¹ УК РФ.

Анализируя правоприменительную практику, следует отметить, что в 2019 г. за совершение деяний, предусмотренных ст. 238¹ УК РФ, в судах Российской Федерации было рассмотрено по существу 37 уголовных дел, в 2018 г. – 39, в 2017 г. – 13. По линии административного законодательства в 2019 г. было рассмотрено 50 материалов по административным правонарушениям, предусмотренным ст. 6.33 КоАП РФ, в 2018 г. – 61, в 2017 г. – 45 [4; 5]. Приведенные статистические сведения в полной мере не отражают реальный масштаб распространения фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок и свидетельствуют о резонансном характере сложившейся в России ситуации и актуальности разработки соответствующих уголовно-правовых мер противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере. В частности, в результате проведенного правоохранительными органами Российской Федерации мониторинга сети «Интернет», включая социальные сети и бесплатные ресурсы о купле-продаже, было выявлено более 600 интернет-ресурсов о продаже лекарственных средств по рецептам, медицинских изделий и биологически активных добавок, легальность происхождения которых вызывает сомнение.

Безусловно, сложившуюся в российском социуме ситуацию с тотальным распространением фальсификата в фармацевтической сфере нельзя оставлять без внимания со стороны надзорных инстанций и правоохранительных органов. О необходимости усиления деятельности по пресечению фактов преступной деятельности в форме реализации лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок сомнительного происхождения и качества

с использованием сети «Интернет» указывают требования ст. 7, 13 Конвенции Совета Европы «Медикрим» путем включения в национальное уголовное законодательство квалифицирующих составов преступлений, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере обращения медицинских препаратов, изделий, биологически активных добавок путем изготовления поддельных или фальсифицированных документов, а также с использованием средств широкого распространения, информационных систем, включая сеть «Интернет» [3].

В 2018 г. с целью защиты жизни и здоровья населения от оборота медицинского фальсификата, реализуемого посредством сети «Интернет», а также восполнения пробела действующего законодательства Российской Федерации в силу требований Конвенции «Медикрим» инициативной группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации был разработан законопроект по внесению изменений в ст. 238¹ УК РФ. Итогом данной законодательной инициативы было принятие Федерального закона от 01.04.2020 № 95-ФЗ [2], посредством которого были внесены поправки в ст. 238¹ УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, совершенные с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Внесенные дополнения в ст. 238¹ УК РФ, безусловно, возымели положительный эффект в правоприменительной деятельности правоохранительных органов, в частности, в структуре МВД России стали создаваться подразделения по борьбе с киберпреступностью, что позитивно скажется на эффективности борьбы с распространением медицинского фальсификата [1]. На протяжении многих лет подразделениями МВД России на постоянной основе проводятся беспрецедентные мероприятия с органами Росздравнадзора России, всероссийские оперативно-профилактические мероприятия (операции) со смежными правоохранительными органами, глобальная международная операция «ПАНГЕЯ».

В повышении эффективности деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов в сфере охраны оборота лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок существует немалый потенциал в части совершенствования законодательных характеристик содержания признаков объективной стороны ст. 238¹ УК РФ. По прежнему актуальным остается вопрос о конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, с учетом требований ст. 7, 13 Конвенции Совета Европы «Медикрим», в силу сложившихся социальных факторов, в том числе обусловленных распространением в Российской Федерации коронавирусной пандемии (COVID-19). В данной ситуации представляется необходимым прибегнуть к использованию средств, приемов и способов законодательной техники с целью совершенствования объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, для их применения в более эффективном русле в практической деятельности правоохранительных органов. В содержание признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, необходимо внести изменения, которые устанавливали бы уголовную ответственность лица, ранее подвергнутого административной ответственности по ст. 6.33 КоАП РФ, то есть использовать прием административной преюдиции в уголовном законе, а также ввести квалифицирующий признак – совершение преступления лицом, ранее судимым за совершение аналогичного преступления. Введение таких признаков в рассматриваемый состав преступления объективно обусловлено практикой применения ст. 238¹ УК РФ. В соответствии с требованиями ст. 7, 13 Конвенции Совета Европы «Медикрим», а также под влиянием обстоятельств, связанных с международным распространением пандемии COVID-19, в качестве квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, следует внести следующие признаки: «совершение преступления лицом с использованием служебного положения»; «совершение преступления путем обмана или злоупотребления доверием производителя или поставщика»; «совершение преступления в условиях массового заражения населения, в условиях эпидемии или пандемии».

Внесение указанных изменений в ст. 238¹ УК РФ с использованием предлагаемых возможностей законодательной техники позволит в полной мере говорить о соответствии данной нормы уголовного права общественным реалиям, надлежащей имплементации

норм Конвенции Совета Европы «Медикрим» в нормы национального уголовного права России, создаст прочный правовой фундамент для более эффективной правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Список литературы: _____

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Информационный портал «МВД МЕДИА». – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/> (дата обращения: 27.05.2020).
2. О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 01.04.2020 № 95-ФЗ // Российская газета. – 2020. – 6 апр.
3. О ратификации Конвенции Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения : федеральный закон от 29.12.2017 № 439-ФЗ // Российская газета. – 2017. – 31 дек.
4. Судебная статистика Российской Федерации. Административные правонарушения // Агентство правовой информации: сайт. – URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 27.05.2020).
5. Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство // Агентство правовой информации. – URL: <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 27.05.2020).

References: _____

1. Vy'stuplenie Vladimira Kolokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii // Informacionny`j portal «MVD MEDIA». – URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/> (data obrashhe-niya: 27.05.2020).
2. O vnesenii izmenenij v stat'yu 238.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : fe-deral'ny`j zakon ot 01.04.2020 № 95-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2020. – 6 apr.
3. O ratifikacii Konvencii Soveta Evropy` o bor'be s fal'sifikaciej medicinskoj produkcii i sxodny`mi prestupleniyami, ugrozhayushimi zdorov`yu naseleniya : federal'ny`j zakon ot 29.12.2017 № 439-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2017. – 31 dek.
4. Sudebnaya statistika Rossijskoj Federacii. Administrativny`e pravonarusheniya // Agentstvo pravovoj informacii: sajt. – URL: <http://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/1> (data obrashheniya: 27.05.2020).
5. Sudebnaya statistika Rossijskoj Federacii. Ugolovnoe sudoproizvodstvo // Agentstvo pravovoj informacii. – URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (data obrashheniya: 27.05.2020).

РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ. АННОТАЦИИ

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию
Карташова Сергея Васильевича на тему: «Уголовная
ответственность за незаконные получение и разглашение
сведений, составляющих коммерческую, налоговую или
банковскую тайну», представленную на соискание ученой
степени кандидата юридических наук по специальности
12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно–исполнительное право»**

Кузнецов Александр Павлович,
*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры социально-
правовых дисциплин, заслуженный деятель науки Российской Федера-
ции, заслуженный юрист Российской Федерации, Приволжский институт
повышения квалификации ФНС России, РФ, г. Нижний Новгород, e-mail:
allochka_90@bk.ru*

REVIEW

**the official opponent to the thesis of Sergey Vasilyevich Kartashov
on the topic: «Criminal liability for illegal obtaining and disclosure
of information constituting commercial, tax or banking secrets»,
submitted for the degree of candidate of legal sciences, specialty
12.00.08 – «Criminal law and criminology; penal law»**

Kuznetsov Alexander Pavlovich,
*Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Social and Legal
Disciplines, Privolzhsky Institute for Advanced Studies of the Federal Tax Service
of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored lawyer of the
Russian Federation, RF, Nizhny Novgorod, e-mail: allochka_90@bk.ru*

В Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненная на кафедре уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина С. В. Карташовым на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что глобальные социально-экономические преобразования российского общества в конце XX – начале XXI в. закономерно повлекли за собой изменения и в обеспечении информационной безопасности, которая имеет особое значение. Важность и значимость информационной безопасности в условиях рыночных отношений определяется тем, что она позволяет повысить эффективность экономики, поднять ее на новый уровень технического развития, вывести Россию в число лидеров по объему валового внутреннего продукта, создать условия, позволяющие противостоять внутренним и внешним угрозам.

Посагательства на информационную безопасность обладают повышенной общественной опасностью, способны причинить вред правам и свободам личности, дезорганизовать деятельность органов власти, подорвать функционирование системы национальной безопасности, привести к катастрофическим непоправимым последствиям. К одному из направлений деятельности государства по нейтрализации угроз экономической безопасности следует отнести повышение защищенности конфиденциальной информации. Однако несовершенство системы законодательства в сфере регулирования информационных отношений, недостатки организационного и научно-методического обеспечения охраны конфиденциальной информации не способствовали эффективно-му противодействию возникающим угрозам.

Более того, в условиях разгосударствления экономики, разделения массива конфиденциальной информации на государственную, коммерческую возникла насущная потребность в новой юридической регламентации, в том числе и мерами уголовно-право-

вого характера. Подтверждением этого может служить включенная в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», в которой предусмотрена ответственность за посягательства на вновь образованные правовые институты.

Общественная опасность этого преступления состоит в том, что посягательства на информацию, составляющую банковскую, налоговую или коммерческую тайну, могут подорвать экономическую безопасность государства, причинить вред интересам участников делового оборота, нанести значительный ущерб субъектам хозяйственной деятельности.

Показателем общественной опасности служат материалы официальной статистики роста возбужденных уголовных дел по ст. 183 УК РФ. Так, если за первые десять лет действия уголовного закона (с 1997 по 2006 г.) было возбуждено 2114 уголовных дел, то за последующие десять лет (с 2007 по 2016 г.) – 3369. Указанные данные являются ярким свидетельством того, что наблюдается устойчивый количественный рост указанных преступных проявлений. Учитывая сложившиеся положения, законодатель неоднократно вносил изменения и дополнения в указанную статью.

Однако, как показало практическое применение исследуемой статьи, она, несмотря на законодательные новации, не стала совершенной: по-прежнему изобиловала юридико-техническими изъянами содержательного и системного характера, что затрудняло ее эффективную реализацию. В частности, органы, занимающиеся правоприменением, в силу отсутствия единого терминологического инструментария уголовно-правовых предписаний, их противоречивости и разрозненности испытывают определенные сложности в понимании криминообразующих признаков и, соответственно, применении.

Отметим, что в уголовно-правовой науке, несмотря на многочисленные исследования, проблема защиты сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, остается до конца не разработанной.

В этой связи возникает насущная необходимость всестороннего изучения проблем противодействия преступлениям, посягаю-

щим на информационную безопасность в области коммерческих, налоговых и банковских отношений. Объясняется это сменой социально-экономических и политико-правовых отношений, рассогласованностью мнений на проблему уголовно-правового противодействия информационным преступлениям, противоречивостью и неопределенностью уголовно-правовой регламентации информационной безопасности, что требует научно-практического осмысления информационных отношений с позиции национальных и международных интересов.

Названные выше обстоятельства и определили актуальность, а также содержательную направленность диссертационного исследования. Давая общую положительную оценку научного сочинения, отметим, что его структура обусловлена объектом и предметом, поставленной целью и сформулированными задачами и включает в себя введение, три главы, восемь параграфов, заключение, список литературы и приложения. Выбранная методология позволила С. В. Карташову рассмотреть и теоретически и обосновать выводы и рекомендации и на этой основе вынести научные положения на защиту, которые характеризуются последовательностью, обоснованностью и оригинальностью (с. 10–13).

В частности, объект исследования соискатель определил как совокупность общественных отношений, возникающих в связи с формированием и применением уголовно-правового запрета на незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Конкретизация признаков объекта нашла свое отражение в предмете исследования, включающем в себя общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы российского и зарубежного уголовного права, регламентирующие ответственность за указанные незаконные действия, материалы судебной и иной правоприменительной практики, теоретические разработки по данной проблеме, статистические данные, результаты опросов респондентов из числа судей, прокуроров, следователей, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и научно-педагогических работников.

Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованных

предложений, направленных на совершенствование положений уголовного закона, устанавливающего ответственность за незаконные действия, направленные на получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, и практики их применения.

Правильно сформулированная цель исследования нашла свою конкретизацию в следующих научно-исследовательских задачах, а именно:

- установлены тенденции формирования и развития уголовного законодательства об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;

- осуществлено изучение уголовного законодательства России и других государств об ответственности за указанные преступления, направленное на выявление положительного опыта в уголовно-правовой охране соответствующих общественных отношений;

- уточнены составляющие признаки преступлений, предусмотренных ст. 183 УК РФ, и выявлена присущая им специфика;

- исследованы проблемы квалификации данных преступлений, что позволило разработать рекомендации по их разрешению;

- выявлены особенности назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные действия, предусмотренные ст. 183 УК РФ, с учетом материалов судебной практики;

- разработаны обоснованные предложения по совершенствованию уголовного закона в части регламентации ответственности за соответствующие незаконные действия и практики его применения.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем, во-первых, сформулированы теоретико-прикладные положения, раскрывающие особенности составов преступлений, содержащихся в ст. 183 УК РФ, во взаимосвязи с другими преступлениями с сфере экономической деятельности, в том числе совершаемыми с использованием инсайдерской информации; во-вторых, разработаны предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства об ответственности за соответствующие незаконные действия, в том числе с использованием зарубежного опыта, в-третьих, сформулированы

рекомендации по квалификации подобных деяний, назначению наказания и применению иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, их совершивших.

Положения, выносимые на защиту, характеризуются новизной, обоснованы с научной и практической точки зрения, что позволило соискателю на общетеоретическом и практическом уровнях предложить конкретные меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, и соответствующей правоприменительной практики; разработать рекомендации по проблемам квалификации незаконного получения и разглашения охраняемой законом тайны в аспекте основных уголовно-правовых институтов; апробировать удачный опыт технико-юридического конструирования и противодействия данному виду преступления в зарубежных странах и др.

В первой главе «Ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: историко-правовой анализ и сравнительно-правовой анализ», состоящей из двух параграфов, соискатель раскрывает историю установления и развития уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, выявляет основные направления совершенствования уголовного закона в данной области, путем исключения мотива из субъективной стороны состава преступления в ч. 3 ст. 183 УК РФ, предлагает замену оценочного признака в виде «тяжких последствий», определенного в уголовном законе, признаком, заключающимся в причинении особо крупного ущерба, и т. д.

Положительным следует признать то, что С. В. Карташов провел сравнительное исследование уголовного законодательства Российской Федерации и других государств об ответственности за совершение вышеуказанного преступления и выявил отсутствие в сотрудничающих государствах тенденции к унификации национальных уголовно-правовых средств противодействия таким уголовно наказуемым деяниям, что позволило ему предложить меры по разграничению ответственности за соответствующие незаконные

действия по двум составам гл. 22 УК РФ: в первой предусмотреть ответственность за получение такой информации, а во второй – за ее разглашение или использование.

Во второй главе «Юридический анализ составов и проблемы квалификации незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», содержащей четыре параграфа, раскрыты объективные и субъективные элементы состава рассматриваемого преступления, а также его квалифицирующие признаки и на этой основе разработаны предложения по совершенствованию текста ст. 183 УК РФ и практики ее применения.

Такой методологический прием, примененный в работе, оправдан и необходим, так как именно в оценке объективных и субъективных признаков состава преступления возникают многочисленные ошибки.

В третьей главе «Вопросы назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», состоящей из двух параграфов, подчеркивается, что регламентация и фактическое назначение наказания за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, отражают особенности существующей уголовной политики России с ее направленностью на дальнейшую либерализацию ответственности за деяния экономического характера. Изложенные выше положения позволили соискателю сделать вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера, назначаемые за совершение рассматриваемых преступлений, сводятся к возможной конфискации имущества, возмещению причиненного вреда с возможным назначением судебного штрафа в рамках реализации института освобождения от уголовной ответственности.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные выводы и положения.

Заслуживает одобрения работа соискателя с источниками (214 различных источников), включающими международные нормативные правовые соглашения, законодательство зарубежных государств, российское законодательство, научную и учебную литературу, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы судебной и иной

правоприменительной практики, электронные ресурсы, которые подтверждают достоверность проведенного исследования и свидетельствуют о глубоком погружении в изучаемую проблему. Обращает на себя внимание использование криминологического инструментария в исследовании вопроса о практике назначения наказания за рассматриваемые преступления.

Подтверждением этому служат результаты социологического исследования, содержащего позицию практических научных работников по проблемам, касающимся применения статьи об уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (183 УК РФ).

К достоинству работы следует отнести изучение санкций исследуемой статьи, их соотношения с характером и степенью общественной опасности, поскольку в большинстве диссертаций этот вопрос остается без внимания.

Диссертационное исследование С. В. Карташова выполнено в строгом научном стиле. Разработанные автором по результатам исследовательской деятельности научные положения, выводы и рекомендации обоснованы значительным перечнем надлежащим образом изученных теоретических, эмпирических и нормативных источников. Работа основана на статистических сведениях ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, репрезентативных фактических данных, полученных автором в результате анкетирования, интервьюирования, изучения материалов уголовных дел.

Достоверность авторских суждений и умозаключений подтверждается обширной апробацией на научных мероприятиях и на практике, в том числе по результатам внедрения результатов диссертационного исследования.

Полагаю, что вывод об оригинальности диссертационного исследования, сформулированный только из новизны предмета исследования, был бы не совсем полным. Одним из признаков оригинальности диссертационной работы служит проявленный подход автора к творческому осмыслению нормативных правовых актов, юридической литературы. Критическое осмысление по-

нимания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, в контексте изучения их содержания, формируемого научной мыслью, судебной практикой, а также анализ зарубежного уголовного законодательства позволили диссертанту предложить новаторские подходы к толкованию объективных и субъективных признаков состава изучаемого деяния (с. 139–140).

Результаты оценки диссертационной работы С. В. Карташова показали, что она представляет собой единое целостное исследование, в котором содержится решение задачи, имеющей значение для развития уголовного права Российской Федерации, а полученные новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствуют о личном вкладе соискателя в науку уголовного права.

Отмечая высокий профессиональный уровень и поисковый характер, следует подчеркнуть, что, как всякая творческая работа, она не свободна от некоторых неточностей и упущений, на которые хотелось бы обратить внимание.

1. В тексте автореферата и диссертации на различных страницах автор использует термин «анализ», то есть один из методов научного исследования (сравнительный анализ – стр. 2, 27, 38; юридический анализ – стр. 2; осуществлен сравнительный анализ – стр. 7; на основе анализа – стр. 24 и так далее). Отметим, что анализ – это один из методологических приемов, используемых наряду с другими приемами (например, синтезом, индукцией, дедукцией). Анализ – это реальное или мыслительное разделение сложного теоретического материала об уголовном праве на части и исследование его по частям. В данном случае складывается впечатление, что автор ограничился только одним методом исследования – методом анализа и, таким образом, сузил процесс познания, проигнорировал (не использовал) другие методы научного исследования, тем самым обеднил свою работу. Более правильным было бы использовать термины «изучение», «исследование», «разработка».

2. При проведении научного исследования методологически необходимым является изучение существующего понятийного аппарата, относящегося к теме исследования, его оценка и возможное формулирование

предложений по его совершенствованию. В доктринальных источниках содержатся многочисленные трактовки понятия тайны в целом и коммерческой, налоговой, банковской тайн – в частности, однако в работе этот вопрос остался без рассмотрения и авторской оценки. Автор изучил законодательные формулировки трех перечисленных тайн, однако рассмотрел их в отрыве друг от друга, не учитывая, что они являются разновидностями одного и того же явления – тайны, не обратил внимания на рассогласованность и рассистематизацию законодательства, регулирующего институт тайны.

3. В процессе проведения сравнительного исследования автору необходимо было бы использовать актуальные на сегодняшний день нормативные правовые акты, в частности уголовные законы зарубежных стран. Следует отметить, что в Эстонии с 2001 г. действует Пенитенциарный кодекс, а Уголовный кодекс Эстонской Республики утратил силу (с. 55 и 221). Кроме того, обращает на себя внимание то, что автор, рассмотрев уголовные законы стран бывшего СССР, оставил без исследования Уголовный кодекс Кыргызской Республики 2017 г.

4. Предлагая новую редакцию ст. 183 УК РФ по аналогии со ст. 2831 УК РФ, автор дублирует ошибку, допущенную законодателем при конструировании названия и диспозиции ст. 2831 УК РФ. Следует иметь в виду, что термины «незаконное получение» и «получение незаконным способом» не являются равнозначными, синонимичными. Получение незаконным способом предполагает, что есть некий законный способ, например расспросы, не подкрепленные принуждением, угрозами, подкупом, используя который лицо, получившее сведения, составляющие охраняемую законом тайну, не совершает преступления. Если диспозицию ст. 183 сконструировать подобным образом, то получается законодательный пробел. Тогда как термин «незаконное получение» подразумевает, что сведения получены лицом, не имеющим на то законных оснований, независимо от способа получения.

5. Представляются спорными отдельные выводы (№ 3, 5) к параграфу 2 главы 2. Недостаточно аргументированы, во-первых, позиция о внесении в ст. 183 УК РФ допол-

нительных квалифицирующих признаков, регламентирующих конкретные способы получения сведений, содержащих коммерческую, налоговую или банковскую тайну; во-вторых, точка зрения, согласно которой необходимо внести в ст. 183 УК РФ положения, закрепляющие круг лиц, способных выступать в качестве потерпевших по данному виду преступных деяний. Подобная детализация может негативно сказаться на правоприменительной практике, внося излишнюю «рамочность» в нормы уголовного законодательства, охраняющие динамично развивающуюся сферу общественных отношений (с. 123, 124).

6. Структуризация, являясь важным атрибутом научного исследования, предполагает приблизительную соотносимость размеров структурных единиц работы: глав и параграфов. В связи с этим следует отметить, что объем параграфа 1 главы 3 является по отношению к остальным структурным элементам диссертационного исследования нехарактерно малым (11 страниц). Кроме того, относительно параграфа 2 главы 3 необходимо отметить недостаточную для данного вида работ степень дифференцированности выводов обозначенного структурного раздела (с. 193–194).

Несмотря на высказанные замечания, которые по своей сути не являются существенными и не влияют на общую положительную оценку диссертации, не опровергают ее положения и выводы, сделанные автором, а в своей совокупности носят в ряде случаев дискуссионный характер, следует констатировать, что представленная работа Карташова Сергея Васильевича на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» соответствует требованиям, предъявляемым абзацем вторым пункта 9 и пунктами 10, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Карташов Сергей Васильевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись монографии: Санташова Л. Л., Санташов А. Л. Международное сотрудничество в сфере передачи осужденных для отбывания наказания в государства их гражданства. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 162 с.

Смирнов Александр Михайлович,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, РФ, г. Москва, e-mail: samnauka@mail.ru

REVIEW

**On the manuscript of the monograph:
L. L. Santashova, A. L. Santashov. International cooperation
in the sphere of transferring convicts to serve their sentences
to the states of their citizenship. – Moskva: Yurlitinform, 2021. –
162 p.**

Smirnov Alexander Mikhailovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, RF, Moscow, e-mail: samnauka@mail.ru

Актуальность рецензируемого монографического исследования не вызывает возражений, поскольку одним из основных направлений развития отечественной уголовно-исполнительной системы является совершенствование международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями.

В рамках российского законодательства международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства включает в себя правовую помощь по уголовным делам, выдачу лица для уголовного преследования и передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является.

Передача осужденных лиц – сравнительно новое направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, цель которого состоит в адаптации осужденных к нормальной жизни в обществе, развитии дружественных отношений между

государствами. В условиях глобализации, интеграции, миграции населения и роста транснациональной преступности передача осужденных лиц приобретает особое значение.

Представляется, что проблемы передачи осужденных не получили надлежащего освещения в теории уголовно-процессуального права с учетом нынешнего этапа развития общества, новых тенденций преступности, изменения международного законодательства. В этой связи Л. Л. Санташовой и А. Л. Санташовым предпринята попытка исследования вопросов теоретического понимания, нормативно-правового регулирования, процессуального статуса участников данного судопроизводства, оснований, условий и порядка передачи осужденных лиц, а также зарубежного опыта.

Основные результаты исследования, изложенные в монографии, представляют собой научную и практическую ценность. В частности, положительно оцениваются авторское определение передачи лиц, осуж-

денных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства, а также выделение специальных принципов передачи осужденных и классификация этапов передачи осужденных в рамках стадии исполнения приговора, конкретизация процессуального статуса участников передачи осужденных. Следует поддержать предложение авторов, основанное на изучении опыта зарубежных стран, о предоставлении суду права возлагать процессуальные издержки, связанные с передачей и транспортировкой осужденного в государство гражданства или постоянного места жительства, на самих осужденных или их родственников.

Сформулированные авторами предложения могут способствовать совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности федерального органа исполнительной власти, суда и других участников передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства.

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается примененными авторами общими и частно-научными методами: историко-правовым, сравнительно-правовым, статистическим, социологическим. Авторы также использовали такие

общенаучные методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез, формально-логический и др.

В качестве эмпирической базы ими были проанкетированы 493 сотрудника УФСИН России по Алтайскому и Пермскому краям, Архангельской, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Ленинградской, Орловской, Оренбургской и Свердловской областям, Республике Коми, городам Москве и Санкт-Петербургу, а также 500 судей и работников прокуратуры Северо-Западного федерального округа. Авторами проанализировано более 120 материалов по передаче осужденных и других документов. Кроме того, были обобщены статистические данные ФСИН России за 2010–2020 гг., сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2013–2020 гг.

Вывод: представленная на рецензирование рукопись монографии Л. Л. Санташовой, А. Л. Санташова «Международное сотрудничество в сфере передачи осужденных для отбывания наказания в государства их гражданства» соответствует всем требованиям, предъявляемым к подобного рода работам, и может быть рекомендована к опубликованию.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ЖУРНАЛ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

1. Общие требования к авторским материалам и условия публикации в журнале

1.1. Направляемые в журнал статьи должны содержать результаты самостоятельных научных исследований авторов, соответствовать научному уровню и тематическому профилю журнала (экономика и управление народным хозяйством, право), обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов.

1.2. Представление в редакцию материалов, ранее опубликованных, размещенных в Интернете или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.

1.3. Рекомендуемый объем рукописи: не менее 8 и не более 22 машинописных страниц формата А4.

1.4. В одном номере журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора.

1.5. К статье прилагаются сведения об авторе (авторская справка).

1.6. При подаче статьи по усмотрению автора может быть представлена внешняя рецензия.

1.7. Рукописи студентов, магистров, аспирантов принимаются к рассмотрению только при наличии краткого отзыва научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи.

1.8. Принятые к рассмотрению статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва рецензента - научному и литературному редактированию.

2. Сведения об авторе

2.1. В сведениях об авторе (авторской справке) указываются (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество полностью;
- ученая степень, ученое звание, почетное звание, членство в академиях, звание лауреата (при наличии);
- статус соискателя, адъюнкта, аспиранта, магистра, студента (с указанием кафедры) (при наличии);
- занимаемая должность;
- место работы / службы / учебы (полное наименование организации с указанием ее почтового адреса);
- название подразделения организации;
- контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

2.2. Если статья написана в соавторстве, то сведения представляются на каждого автора в отдельности в одном текстовом документе.

3. Порядок направления в редакцию рукописей статей и сопроводительных документов к ним

3.1. Рукопись статьи, сведения об авторе (авторская справка), краткий отзыв научного руководителя / преподавателя с рекомендацией к публикации статьи студентов, магистров, соискателей, аспирантов (скан) направляются по электронной почте либо на электронном носителе;

3.2. Рецензия, заверенная подписью работника и скрепленная печатью организации, направляются только на бумажном носителе.

3.3. Материалы в электронном виде отправляются по адресу электронной почты: izd-pegas@yandex.ru.

3.4. Текстовые оригиналы материалов отправляются по почте либо доставляются лично автором / доверенным лицом автора по адресу: 160033, Вологда, ул. Текстильщиков, д. 20А, офис 1, шеф-редактору журнала «Журнал прикладных исследований».

4. Оформление рукописи

4.1. Технические параметры статьи:

- Формат страницы: А4 (210x297 мм).
- Текстовый редактор: Microsoft Word97 и выше.
- Шрифт: Times New Roman.
- Поля: левое – 3 см; правое – 1,5 см; верхнее и нижнее – 2 см.
- Кегль (размер шрифта): 14 пунктов.
- Межстрочный интервал: полуторный.
- Расстановка переносов: не допускается.
- Нумерация страниц: внизу или вверху по центру.
- Нумерация сносок: сквозная по всему тексту статьи.
- Выравнивание основного текста и ссылок: по ширине.
- Абзацный отступ: 1,25 см.

4.2. Обязательные составные элементы статьи:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация);
- заголовок;
- аннотация;
- ключевые слова;
- основной текст;
- библиографический список;
- сведения об авторе.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе/соавторах представляются на русском и английском языках.

4.3. Графические элементы и иллюстрации:

- таблицы, схемы, графики, рисунки и фотоиллюстрации должны быть пронумерованы и озаглавлены (сопровождены подписями);
- исходные таблицы, схемы, графики предоставляются в отдельных файлах в формате программы, в которой они были созданы;
- исходные рисунки и фотоиллюстрации также предоставляются в отдельных файлах;
- разрешение растровых иллюстраций должно быть не менее 300 dpi.

4.4. Список литературы:

- список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;

– при оформлении библиографического списка в журнале применяется комбинированный алфавитно-систематический принцип, согласно которому литература располагается в следующем порядке:

а) официальные документы:

- нормативные правовые акты Российской Федерации;
- международные акты, ратифицированные Российской Федерацией (в первую очередь идут документы ООН) (располагаются после Конституции Российской Федерации);
- утратившие юридическую силу нормативные правовые акты Российской Федерации с обязательным указанием в скобках «утратил силу»;
- нормативные правовые акты России и СССР, относящиеся к историческим материалам: документы, принятые до 25 октября (7 ноября) 1917 г.; документы советского периода;
- нормативные правовые акты иностранных государств, в которых Российская Федерация не участвует;
- действующие и утратившие силу нормативные правовые акты размещаются по степени значимости. Документы с равной юридической силой, за исключением кодексов, группируются в обратном хронологическом порядке согласно датам их принятия (подписания Президентом Российской Федерации). Кодексы располагаются в алфавитном порядке.

б) научная и учебная литература: монографии, диссертации, учебники, учебные пособия, энциклопедии, научные статьи, электронные ресурсы локального и удаленного доступа. Размещение указанных источников, включая электронные ресурсы, осуществляется в алфавитном порядке по фамилиям автором и названиям источников;

в) литература на иностранных языках. Размещается в алфавитном порядке на языке оригинала. При наличии в библиографическом списке литературы на разных языках - вначале в порядке кириллического алфавита записи на языках, использующих шрифты на кириллической основе, затем в порядке латинского шрифта на языках с латинским шрифтом.

– все библиографические записи в списке литературы нумеруются. Отсылки заключаются в квадратные скобки [3; 12 и т. п.]; если идет ссылка на конкретные страницы: [3, с. 417].

4.5. Информация о статье на английском языке (указывается на последнем листе):

- название статьи;
- имя, о., фамилия авторов (транслитерация);
- место работы каждого автора (полное официальное англоязычное название организации);
- город, страна;
- аннотация;
- ключевые слова;
- коды по классификации JEL.
- автор для контактов, email.

5. Авторские права

Авторы, публикующие в данном журнале, предоставляют ООО «Издательство «ПЕГАС» эксклюзивную лицензию на публикацию и распространение статьи (включая любые производные продукты, на всех языках) и сублицензирование таких прав, в том числе в коммерческих целях.

RULES FOR DESIGN, PRESENTATION AND PUBLICATION ARTICLES IN THE JOURNAL «JOURNAL OF APPLIED RESEARCH»

1. General requirements for copyright materials and conditions for publication in a journal

1.1. Articles sent to the journal should contain the results of independent scientific research of the authors, correspond to the scientific level and thematic profile of the journal (economics and national economy management, law), have scientific novelty and be of interest to specialists.

1.2. Submission to the editor of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication in other publications is not allowed.

1.3. Recommended manuscript size: no less than 8 and no more than 22 typewritten A4 pages.

1.4. In one issue of the journal no more than two materials of one author may be published.

1.5. Information about the author is attached to the article (author's certificate).

1.6. When submitting an article at the discretion of the author, an external review may be submitted.

1.7. Manuscripts of students, masters, graduate students are accepted for consideration only if there is a brief review of the supervisor / teacher with a recommendation for publication of the article.

1.8. Articles accepted for consideration are subject to peer review and, in the case of a positive reviewer review, to scientific and literary editing.

2. The information about the author

2.1. In the information about the author (author's certificate) are indicated (in Russian and English):

– surname, name, patronymic in full;

– academic degree, academic title, honorary title, membership in academies, title of laureate (if any);

the status of the applicant, associate, graduate student, master, student (indicating the department) (if any);

– position held;

– place of work / service / study (full name of the organization with its mailing address);

– name of organizational unit;

– contact information (address, phone, e-mail).

2.2. If the article is written in co-authorship, then the information is presented for each author individually in one text document.

3. The procedure for sending manuscripts to the editor and accompanying documents to them

3.1. The manuscript of the article, information about the author (author's note), a brief review of the supervisor / teacher with a recommendation to publish articles by students, masters, applicants, graduate students (scan) are sent by e-mail or on electronic media.

3.2. The review, certified by the signature of the employee and sealed with the seal of the organization, is sent only on paper.

3.3. Materials in electronic form are sent to the email address: izd-pegas@yandex.ru.

3.4. Text originals of materials are sent by mail or delivered personally by the author / authorized representative of the author to the address: 160033, Vologda, st. Tekstilshchikov, d. 20A, office 1, and chief editor of the journal «Journal of Applied Research».

4. The manuscript

4.1. Technical parameters of the article:

– Page format: A4 (210x297 mm).

– Text Editor: Microsoft Word97 and higher.

– Font: Times New Roman.

– Fields: left - 3 cm; right - 1.5 cm; upper and lower - 2 cm.

– Size (font size): 14 points.

– Line spacing: one and a half.

– Hyphenation: not allowed.

– Pagination: bottom or top center.

– Footnote numbering: crosscutting throughout the article.

– Alignment of the main text and links: in width.

– Indent 1.25 cm.

4.2. Mandatory constituent elements of the article:

- UDC index (universal decimal classification);
- title;
- annotation;
- keywords;
- main text;
- bibliographic list;
- Information about the author.

The title, abstract, keywords and information about the author / co-authors are presented in Russian and English.

4.3. Graphic elements and illustrations.

– Tables, diagrams, graphs, drawings and photo illustrations should be numbered and entitled (accompanied by signatures).

– Source tables, charts, graphs are provided in separate files in the format the program in which they were created.

– Original drawings and photo illustrations are also provided in separate files.

– The resolution of raster illustrations should be at least 300 dpi.

4.4. Bibliography:

– The list of references is made out in accordance with GOST R 7.0.5-2008 “Bibliographic reference. General requirements and compilation rules. «

– When registering a bibliographic list in a journal, a combined alphabetical and systematic principle is applied, according to which the literature is located in the following order:

a) Official documents:

- regulatory legal acts of the Russian Federation;
- international acts ratified by the Russian Federation (first of all, UN documents) (located after the Constitution of the Russian Federation);
- the normative legal acts of the Russian Federation that have lost legal force with the obligatory indication in brackets - “has lost force”;
- regulatory legal acts of Russia and the USSR related to historical materials: documents adopted before October 25 (November 7), 1917; documents of the Soviet period;
- regulatory legal acts of foreign states in which the Russian Federation is not involved;
- Existing and expired regulatory legal acts are placed by degree of significance. Documents with equal legal force, with the exception of codes, are grouped in reverse chronological order according to the dates of their adoption (signed by the President of the Russian Federation). Codes are in alphabetical order.

b) Scientific and educational literature: monographs, dissertations, textbooks, teaching aids, encyclopedias, scientific articles, electronic resources of local and remote access. Placement of the indicated sources, including electronic resources, is carried out in alphabetical order by the names of the author and the names of the sources.

c) Literature in foreign languages. Placed in alphabetical order in the original language. If the bibliographic list contains literature in different languages, first, in the Cyrillic alphabet, write in languages that use Cyrillic-based fonts, then in Latin order in languages with the Latin font.

– All bibliographic entries in the list of references are numbered. References are enclosed in square brackets [3; 12, etc.]; if there is a link to specific pages: [3, p. 417].

4.5. Information about the article in English (indicated on the last sheet):

- title of the article;
- Name O. Surname of authors (transliteration);
- place of work of each author (full official English name of the organization);
- city, country;
- annotation;
- keywords;
- JEL classification codes.
- contact author, email.

5. Copyright

Authors publishing in this journal provide PEGAS Publishing House with an exclusive license to publish and distribute the article (including any derivative products, in all languages) and sublicense such rights, including for commercial purposes.

Уважаемые коллеги!

Издательство «Пегас» приглашает к сотрудничеству с ежеквартальными научно-практическими журналами:

**«ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»
«ЖУРНАЛ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Аудитория журналов: научное сообщество в области права и экономики, преподаватели вузов, практикующие специалисты. Тираж – 1000 экземпляров.

Журналы соответствуют требованиям ВАК, Scopus и Web of Science, размещены в Российской электронной библиотеке eLIBRARY.RU (Россия).

Конкурентные преимущества: высокое качество издания, короткие сроки выпуска, максимальный учет интересов и пожеланий заказчика.

Публикация научных статей в журналах позволит сообщить научной общественности об актуальных исследованиях, поднять личный импакт-фактор.

Уровень оригинальности в системе «Антиплагиат» не ниже 70 %.

Статьи направляйте по электронной почте: izd-pegas@yandex.ru.

Статьи, отвечающие всем вышеприведенным требованиям, публикуются бесплатно. В случае опубликования статьи в наших журналах, Вы можете приобрести журнал за наличный расчет. Стоимость журнала составляет 1000 рублей. Журнал мы также можем Вам направить по почте при наличии Ваших почтовых реквизитов и оплаты счета.

Обращаем внимание, что для публикации в приоритетном порядке принимаются научные статьи лиц, имеющих ученую степень и ученое звание.

*Главный редактор журнала «Индустриальная экономика»,
журнала «Журнал прикладных исследований» СОКОЛОВ Алексей Павлович.
Генеральный директор издательства «Пегас» СОКОЛОВА Татьяна Борисовна*

Dear Colleagues!

Pegasus Publishing House invites you to collaborate with quarterly scientific and practical journals:

**«INDUSTRIAL ECONOMY»
«MAGAZINE OF APPLIED RESEARCHES»**

Audience of journals: scientific community in the field of rights and economics, university professors, practicing specialists. The circulation is 1,000 copies.

The journals comply with the requirements of the Higher Attestation Commission, Scopus and Web of Science, are available in Russian electronic form eLIBRARY.RU (Russia).

Competitive advantages: high quality of the publication, short terms of release, maximum consideration of the interests and wishes of the customer. The publication of scientific articles in journals will allow the scientific community to be informed of relevant research, and to increase the personal impact factor.

The level of originality in the «Антиплагиат» system is at least 70%.

Articles are sent by e-mail: izd-pegas@yandex.ru.

Articles that meet all of the above requirements are published for free. You can purchase the magazine in cash. The cost of the magazine is 1000 rubles. We can also send you by mail if you have your mailing details and bill payment.

We draw attention to the fact that scientific articles of persons with a scientific degree and academic rank are accepted for publication as a priority.

*Chief Editor of Industrial Economics Magazine Journal of Applied Research
SOKOLOV Alexey Pavlovich
General director of Pegasus Publishing House SOKOLOVA Tatyana Borisovna*